
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

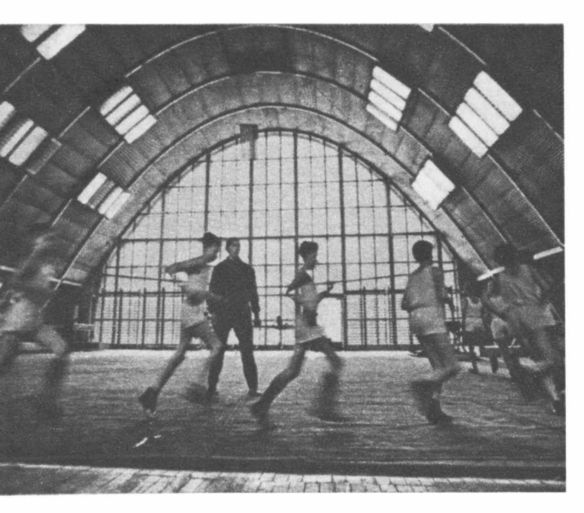

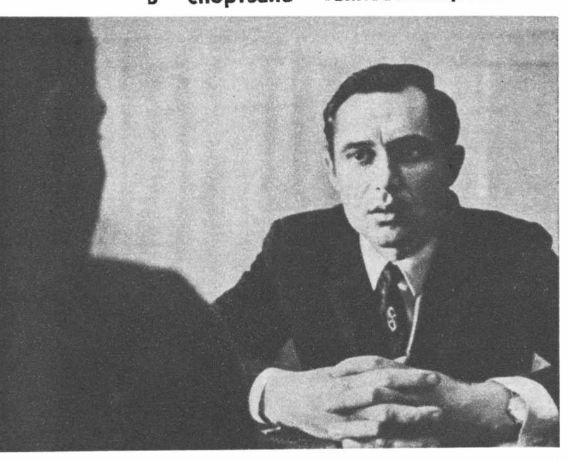
На месте былых сражений.

В цехе сборки тепловозов завода имени Октябрьской революции.

В спортзале тепловозостроителей.

Депутат Верховного Совета СССР В. А. Толстенев ведет прием.

Здесь монтируют высоковольтные камеры и пульты для тепловозов.

Вы приехали в краснознаменный город!

Ветераны Н. А. Зверяка и А. З. Акименко напутствуют в жизнь новорожденного луганчанина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 20 (2185)

Основан 1 апреля 1923 года

17 МАЯ 1969

...Исполняется 50-летие обороны от белогвардейцев моего родного Луганска. Расскажите о нем...

В. СЕМЕНОВ

Ленинград.

С ВЕРШИНЫ КУРГАНА

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора и Л. Шлапоберского.

Широко шагнул степью город — тесны ему стали прежние границы. Выросли на просторе светлые квадраты новых кварталов. И название каждому из них люди дали доброе: Молодежный, Дружба, Солнечный... Совсем близко придвинулся Луганск к кургану Острая Могила — историческому рубежу славной обороны. Здесь в апреле 1919 года стояли насмерть защитники города, отбивая яростные атаки белогвардейцев.

Далеко видно с вершины кургана, над всей местностью господствует он, поэтому и бои за него были особенно ожесточенными.

Мы стоим у подножия обелиска, лицом к лицу с историей. Ветераны гражданской войны Николай Алексеевич Зверяка и генерал-майор Адриан Захарович Акименко вспоминают о событиях тех дней, о событиях, участниками которых они были.

— Белогвардейщина хотела сорвать на Луганске свою злобу,— рассказывает Николай Алексеевич.— Город наш имел особые революционные заслуги. Первые выступления рабочих тут начались в 1899 году, когда завод Гартмана только строился. А уже в 1903 году о борьбе луганских рабочих писала ленинская «Искра».

Большевистская организация здесь имела большую силу. В сентябре 1917 года девяносто пять процентов мест в Советах получили большевики, а возглавил Луганский Совет Климент Ефремович Ворошилов. Может, поэтому белогвардейский генерал Коновалов и издал свой зверский приказ: после взятия Луганска солдаты в течение суток могут грабить жителей, расправляться с рабочими. Только ведь и мы не новичками в драке были: у каждого станка винтовка стояла, а уж пользоваться ею наш брат умел — даром, что ли, боевой рабочей дружиной еще в годы первой революции руководили Клим Ворошилов и Александр Пархоменко.

Когда раздавался гудок, рабочие останавливали станки, брали винтовки и шли на передовую — находилась она от завода в трех-четырех километрах. Отбив очередные атаки, возвращались в цехи.

— Я как человек военный,— вступает в разговор генерал Акименко,— должен уточнить, что Луганск имел большое стратегическое значение, и белогвардейцы рвались к нему, не считаясь с потерями: он для них, как кость в горле. Город ковал для Красной Армии оружие — паровозостроители ремонтировали пулеметы, автомобили, строили бронепоезда. В конце апреля на город ринулись полчища Шкуро. Развернулись самые напряженные бои. По решению ревкома был сформирован 1-й Луганский коммунистический рабочий полк. Он встал плечом к плечу с 15-й Инзенской дивизией, в которой я в то время воевал. Фронт растянулся на десятки километров, народу было мало. Рабочие всех за-

водов — каждый, кто мог держать винтовку,— ушли в окопы. Положение критическое: белым удалось захватить Острую Могилу. Чтобы было наглядней, уточню: против нас Деникин бросил двенадцать тысяч штыков и семь с половиной тысяч сабель. Обстановка осложнялась еще и тем, что склады боеприпасов находились от передовой в семи-восьми километрах. И тогда на помощь пришло население города — на всем этом расстоянии выстроилось несколько живых цепочек. Женщины, ребятишки из рук в руки передавали ящики со снарядами, патронные цинки, воду, перевязочный материал. Работа эта была не из легких, в ящике-то шесть снарядов. В результате героических усилий 30 апреля мы все же выбили деникинцев с их позиций. Откатились они от Луганска на тридцать — сорок километров. День Первого мая мы праздновали как большую победу. А когда окончилась гражданская война, подвиг луганчан был отмечен боевой наградой: рабочим города вручили орден Красного Знамени.

С тех пор прошло полстолетия. По-прежнему ведущий в городе завод — тепловозостроительный имени Октябрьской революции. Те, кто пришел сюда после гражданской, уже сами стали ветеранами. С одним из них я беседовал в цехе. Алексей Павлович Козаченко рассказывает, не отрываясь от дела.

— Девятнадцатый год помню хорошо, восемь лет мне было. В обороне тогда почти все жители участвовали. На завод я пришел в двадцать девятом... Был учеником, потом строгальщиком. В сорок первом пошел на фронт. Боевое крещение принял под Москвой. Ранен был трижды. Демобилизовали. Вернулся на завод. А от него одно название осталось. Начали разбирать завалы. И опять, как в гражданскую, весь город един: и детвора, и женщины, и старики. Зима суровая, крыш в цехах нету, каганцы топили, грелись у них — и опять за дело. Постепенно пускали цех — то кран оживет, то станок.

Потом привезли вот этот строгальный. Обрадовался я ему, как родному. Вскоре начали ремонт паровозов, а затем и новые стали строить. Новичка мы торжественно провожали — повез он в Киев состав с луганским углем, тоже первым, добытым на восстановленных шахтах. В пятьдесят шестом перешли на строительство тепловозов. И я вот все на этом станке работаю, четверть века мы с ним дружим...

...Обычная рабочая биография. И никто на заводе не удивился, когда в 1965 году коммунисту Козаченко присвоили звание «Почетный гражданин города Луганска», а годом позже за выполнение семилетки он получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

И еще одна встреча. Теперь уже с представителем следующего поколения: Владимир Толстенев. Я предложил ему что-то вроде анкеты — ответить на несколько вопросов. Вот ответы:

Год рождения — 1933; образование — учусь на четвертом курсе машиностроительного техникума; партийность — беспартийный; должность — наладчик в кузовном цехе; основные вехи биографии — в 1949 году пришел на завод. В 1952 году ушел в армию. Когда демобилизовался, сыграл свадьбу и сразу пришел в цех; участие в общественной жизни — депутат Верховного Совета СССР.

— Что бы вы хотели сказать о своем заводе?

На последний вопрос Владимир ответил не сразу.

— Тут коротко не скажешь... Из каждой сотни магистральных тепловозов, которые ходят по дорогам страны, большинство сделано нами. Да и по всему миру их встретить можно... Строим транспорт и для подрастающего поколения.— Владимир весело улыбнулся.— Отличные трехколесные велосипеды, а для самых маленьких тепловозы пластмассовые, на батарейках, но внешне совсем как настоящие...

Преемственность поколений! От дедов отцам и от отцов детям передаются трудолюбие, гордость и любовь к своей земле, к родному городу, заводу.

...Рождаются дети, и во Дворце счастья их напутствует в жизнь седовласый ветеран и вместе со свидетельством о рождении вручает медаль, на которой выбито: родился в Луганске. И медаль эта как эстафета...

ИСПЫТАННЫЕ БОРЦЫ

50 ЛЕТ СО ДНЯ ПЕРВОГО СЪЕЗДА БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Иван ЙОВКОВ

После первой империалистической войны и Октябрьской революции усилилось влияние на народные массы Болгарии партии тесных социалистов. Они были подлинными патриотами и последовательными интернационалистами. Наряду с русскими большевиками их партия прочно стояла на революционных позициях в канун империалистической бойни. А когда Болгария все-таки была вовлечена в нее на стороне кайзеровской Германии, тесняки подхватили ленинский лозунг о превращении ее в гражданскую войну, в войну против эксплуататорских классов. Из войны болгарские тесняки вышли еще более окрепшими идейно, с возросшей верой в неизбежную гибель эксплуататорского буржуазного строя. Партия болгарских тесных социалистов активно участвует в созыве в январе 1919 года совещания в Москве, на котором были разработаны организационные основы III Интернационала.

Разъясняя необходимость создания новой, боевой организации, Димитр Благоев предложил переименовать Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (тесных социалистов) в Болгарскую коммунистическую партию.

25 мая 1919 года в Софии был созван очередной съезд партии тесных социалистов, который явился I съездом БКП. На нем присутствовали 602 делегата и более тысячи гостей. Число членов партии с 3 435 накануне войны возросло до 21 577. 14 436 из них были крестьянами. Этот факт довольно показательный. Во время борьбы за национальное освобождение, когда рабочий класс Болгарии был незначительным, болгарские села были подлинными бунтарскими очагами. В тысячах сельских домов и сейчас свято хранят заветы революционеров-дедов. Прочная традиция болгарского села сыграла решающую роль во время антифашистской борьбы, которая в Болгарии началась задолго до второй мировой войны. И если в 1945 году непосредственно после победы революции в сотнях болгарских сел по примеру русских колхозов были созданы кооперированные земледельческие хозяйства — еще до того, как был принят закон об их создании и организационной структуре, то корни этого явления тоже следует искать в 1919 году.

Открывая I съезд БКП, Димитр Благоев заявил: «Война закончилась началом Великой большевистской революции». Здание старого театра, в котором проходило заседание, буквально сотрясалось от восторженных возгласов делегатов и гостей: «Да здравствует русская революция!»

Съезд заседал три дня — 25, 26 и 27 мая. В то время правительство ввело военное положение в некоторых округах, а в других объявило мобилизацию.

Через год, 2 июня 1920 года, второй съезд БКП принял резолюцию, в которой заклеймил преступную, контрреволюционную политику буржуазии и ее правительства, превращавших Болгарию в слепое орудие международной контрреволюции, и заявил, что болгарский трудовой народ не позволит своим правителям и чужеземным завоевателям использовать его для подавления революции в России. Болгарские коммунисты до конца выполнили этот обет.

В июне 1923 года в Болгарии был совершен военно-фашистский переворот. Три месяца спустя болгарские коммунисты подняли знамя первого антифашистского восстания.

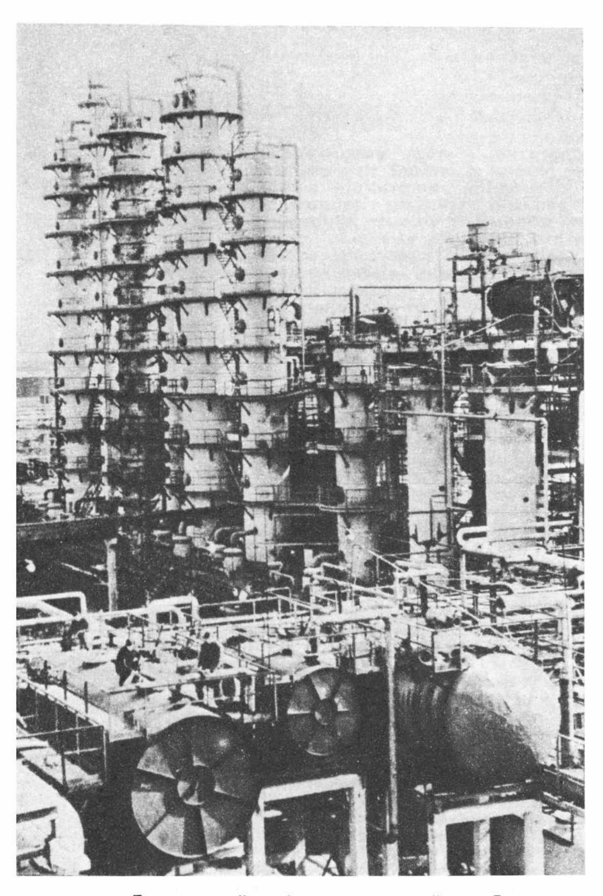
В 1933 году Георгий Димитров заявил на фашистском суде в Лейпциге, что он гордится тем, что является сыном болгарского рабочего класса.

Уже на следующий день после вторжения фашистских полчищ в Советский Союз в июне 1941 года первые болгарские партизаны вступили на лесные тропы древних Балкан. И когда в сентябре 1944 года они спустились с гор, чтобы соединиться с бойцами Советской Армии — освободительницы, они знали, что завершен только первый

ПОЛВЕКА НЕЗАВИСИМОСТИ

Кабул сегодня. Фото В. Соболева (ТАСС).

Бургасский нефтехимический комбинат.
Фото БТА — ТАСС.

этап борьбы. В годы социалистического строительства болгарские коммунисты не только применяли советский опыт, но и постоянно пользовались щедрой и бескорыстной советской помощью.

И когда вскоре коммунисты всего мира соберутся в Москве, чтобы обсудить свои задачи, болгарские коммунисты будут активными участниками великого интернационального дела и ревностными защитниками испытанного лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

София, май.

Иранские шахи, индийские правители из династии Великих Моголов, а затем английские империалисты стремились покорить афганцев. В упорных войнах афганцы не раз громили захватчиков. Англичанам так и не удалось превратить страну в колонию, хотя они сумели навязать Афганистану ряд договоров, ограничивающих его суверенитет. В начале 1919 года, когда Афганистан провозгласил свою независимость, Великобритания не только не признала самостоятельность государства, но развязала очередную войну на Среднем Востоке. Лишь со стороны Советской России получил Афганистан признание, а затем поддержку и помощь. У колыбели советско-афганской дружбы, впервые оформленной официально дружественным договором РСФСР и Афганистана, стоял В. И. Ленин.

Помощь Советского Союза представляет важный вклад в экономическое и научно-техническое развитие Афганистана за эти полвека. Нефтехранилища и элеваторы, шоссейные дороги и электростанции, промышленные предприятия и атомный реактор были построены в стране с бескорыстной помощью северного соседа. В день пятидесятилетия независимого Афганистана советские люди желают дружественной стране дальнейших успехов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРАЗДНИК БРАТСКОГО НАРОДА

Валентин **АЛЕКСЕЕВ**

Чехословакия вступила в 25-й год своего социалистического развития. Национальное возрождение, начавшееся с освобождения страны от фашизма, стало одновременно началом социалистической революции. Она одержала решающую победу в феврале 1948 года, когда чехословацкие трудящиеся сказали бесповоротное «Нет!» попыткам возродить буржуазные порядки.

В годовщину освобождения Прага, Братислава и другие города страны, каждый поселок и деревушка расцвечены кумачом и трехцветными национальными знаменами, которые спускаются с окон домов, вздымаются на бесчисленных флагштоках. Но есть в Чехословакии и такое место, где чувствами людей неизменно овладевает скорбь. Заглянем туда. Это позволит лучше понять смысл торжеств.

Среди множества географических названий в памяти человечества высечено слово «Лидице». Гитлеровцы стерли Лидице с лица земли. Сегодняшняя, новая Лидице стоит несколько в стороне от старой деревни. Красивые современные коттеджи, широкие асфальтированные улицы, сады.

А там, где остались фундаменты разрушенных карателями домов, разбит музей-парк. В разных частях огромной территории на месте школы, костела, на месте домов стоят скульптуры, как неизгладимая память живых о тех, кто пал. В центре парка каменная плита со словами: «Гражданам Лидице — жертвам немецко-фашистских захватчиков от красноармейцев, сержантов и офицеров соединения Героя Советского Союза полковника Панкова».

Скульптурные монументы были воздвигнуты позже; сначала появилась эта плита. А еще раньше в Лидице появились советские солдаты на танках, на самоходках, на машинах, марширующие пешком,— солдаты освобождения.

В мемориальном музее Лидице хранится маленькая статуэтка-шкатулка, в которой лежит сталинградская земля. Горсть русской земли в лидицком музее не только символизирует породнение судеб Чехословакии и Советского Союза, но и говорит о неразрывной связи возрождения Лидице с победой на Волге, на Днепре, на Немане, на Дунае, на Одере и Шпрее.

В том году, когда нацисты, полагая навечно утвердиться в захваченной Чехословакии, уничтожали Лидице, Советская Армия нанесла мощные удары по врагу. Тогда же, в сорок втором, сформировалась и вместе с Советской Армией повела борьбу против фашизма первая иностранная воинская часть, действовавшая на советской территории. Это был батальон чехов и словаков, выросший затем в бригаду, а еще позже — в Первый чехословацкий армейский корпус. Во главе с нынешним президентом Республики генералом Л. Свободой Первый чехословацкий армейский корпус вносил немалый вклад в общее дело разгрома фашистского врага.

Исторические преобразования, начавшиеся в Чехословакии с конца второй мировой войны, грандиозны. Решающую роль здесь сыграл высочайший авторитет и, можно сказать, доминирующее влияние Коммунистической партии. Именно коммунисты показали себя наиболее верными сынами отечества и дальновидными политиками. Всем памятны призывы К. Готвальда, который еще в домюнхенский период предостерегал против опасности ориентации на буржуазный Запад и говорил о необходимости опереться на Советский Союз для противодействия надвигавшемуся фашизму. Именно коммунисты возглавили движение Сопротивления, вовлекая в него широкие массы рабочих, крестьян, интеллигенции. Когда мы говорим сегодня о Словацком национальном восстании, то вспоминаем, что его душой были коммунисты во главе с такими бойцами, как Г. Гусак. Когда мы говорим о героях-подпольщиках Праги, поднявших восстание в столице в конце войны, то знаем, что основу подпольного движения составляли коммунисты.

Доверие, завоеванное коммунистами в сражении с фашизмом, предопределило то, что массы трудового народа отдали Компартии свои голоса, когда решался вопрос о послевоенном устройстве Чехословакии. Народную поддержку в первый послевоенный период и на всем протяжении социалистического строительства чехословацкие коммунисты рассматривали не просто как мандат власти, а как выражение ответственности за то, чтобы завоеваниям народа не наносилось ущерба, чтобы они постоянно умножались.

Прошедший в прошлом месяце пленум Центрального Комитета Компартии Чехословакии, его решения показали, что эта боевая организация чехословацких марксистов-ленинцев намерена твердо осуществлять процесс социалистического строительства и готова мужественно выступать во имя коренных интересов трудящихся, во имя социализма. Как свидетельствует горячее одобрение решений апрельского пленума ЦК КПЧ, подавляющее большинство чехословацкого общества считает, что коммунисты наметили правильный путь нормализации обстановки, упрочения социализма и с успехом обеспечат достижение поставленной цели.

Советские люди, как те, что шли дорогами войны, так и те, что позже вступили в сознательную жизнь, близко к сердцу принимают все радости и все горести братского народа. В национальный праздник Чехословакии к сердечным поздравлениям друзьям они присоединяют пожелания мира, спокойствия, благополучия и успеха в социалистическом труде.

ГРАНИЦА

В детстве, в пору ученичества, были у нас такие уроки с немой картой. Висит перед тобой громадное полотнище с нанесенными на нем реками, горными цепями, городами, озерами, морями, с белым куполом Северного Ледовитого океана в голубых трещинах ледниковых полей, и ни одного названия на карте, ни слова, ни буковки. «Покажи-ка нам границу Советского Союза»,— говорит учитель, и указка медленно плывет от северных морей к южной Кушке и дальше — чуть севернее и восточнее, а потом снова южнее — к Хорогу — и еще южнее и восточнее, и так медленно очерчиваешь границу Родины вплоть до Аляски. И боже упаси, если вдруг твоя указка заползла на чужую территорию и отрезала чужой кусок земли. Тут уже нет прощения,— «пара» обеспечена. Был наш учитель непреклонен и к «отдачам» пусть даже пяди своей земли.

— Надо знать границу своей Родины, всегда видеть ее перед собой, уважать...

...Уважение к чужим рубежам, святая любовь и решимость отстаивать каждый клочок родной земли — вот с чем воспитывался и воспитывается каждый из граждан СССР со времени первых ленинских декретов до недавнего заявления правительства СССР в связи с событиями в районе острова Даманского.

Граница!.. Я снова мысленно представляю ее от северных морей до южной Кушки и теперь уже провожу не только воображаемую пунктирную линию священного рубежа Родины, но вижу, как наяву, домики застав, вышки, конные и пешие разъезды, слышу ритмичный стук моторов дозорных бронетранспортеров, голоса людей, вижу их лица, всегда очень строгие в первые минуты знакомства, и такие добрые, родные при расставании.

Журналистские тропы не раз водили меня по рубежам Родины: вдоль рокочущего бурного Пянджа, постепенно превращающегося в хлопотливый ручеек на крыше мира — Памире, по среднеазиатским пустыням и горным ущельям Тянь-Шаня, приходилось плыть широким Амуром, ходить вдоль Уссури и Аргуни... По-разному оттуда, из-за кордона, смотрели на нас границы сопредельных государств. Было в тех взглядах и спокойное доброжелательство, была и злоба и угроза.

И тут я не могу не вспомнить мартовские события, происшедшие на острове Даманском, где это спокойствие было нарушено вероломным нападением на нашего человека. Автоматные очереди, поддержанные минометным и орудийным огнем, принесли на нашу Родину, в десятки наших сел, деревень и городов слезы матерей, братьев, отцов и сестер, слезы сотен наших людей. Потому что каждый пограничник, кто погиб на льду Уссури, был не одинок, у каждого были родные и близкие, друзья, много друзей. И в них через застывшие сердца тех погибших летели пули нарушителей. Они стреляли не только в Ивана Стрельникова, Владимира Шушарина, Николая Петрова, Михаила Лободу, Сергея Нечая, они стреляли в наш народ.

Мы приехали в район острова Даманского, когда еще на льду Уссури чернели воронки и темнела кровь погибших. Недавний бой чувствовался во всем: в тревожном, словно подернутом дымом облачном небе, в ветвях белых берез, срезанных осколками и снарядами провокаторов, в той напряженной и суровой жизни, которой жила в те часы граница.

Можно долго, очень долго говорить о многом, что поразило нас, журналистов, прибывших на передовой горячий рубеж Родины. Но об одном можно говорить всегда — о лице советского солдата-пограничника, в котором было все: решимость, отвага, скорбь о погибших товарищах, какое-то очень собранное спокойствие. Но каждый из нас имел уже в то время полное право на святую месть за каждую капельку крови, пролитую сынами Родины.

Наши, кто принял бои на Даманском, не помнят боев Отечественной. Даже старшие офицеры в большинстве своем люди, не прошедшие через военные испытания.

— Мы не жили во время той войны,—сказал мне один из бойцов.— Но мы узнали нашу войну...

Войну. Да, для них, защитников Даманского, это была война.

Позднее, вчитываясь в строки заявления Советского правительства, я еще и еще раз пережил то, что переживали все мы и о чем говорили там, у Даманского, вместе с молодыми людьми, солдатами-пограничниками...

...Мы покидали границу, когда неожиданно выпавший снег начал бурно, по-весеннему таять. Поверх изъеденного снарядами и минами уссурийского льда пошла большая, с каждой минутой набирающая силу полая вода. Она была водой, омывшей раны родной земли, но не смывшей позора, которым покрыла себя клика «великого кормчего».

В последний раз за бортом машины мелькнула полая Уссури, вышка над нею, фигура пограничника с автоматом за плечами, едва обозначились в наступающей темноте быстро мчащиеся навстречу бронетранспортеры — ночной наряд выезжал на охрану государственной границы Советского Союза.

Ю. СБИТНЕВ

Март — май,
1969 год.

Весна на Уссури.

Фото Е. Халдея.

— Знакомьтесь: товарищ Берлин

— В биографии каждого человека, каждого художника есть события, остающиеся в памяти на всю жизнь. Таким событием в моей биографии кинодокументалиста стал Берлин 1945 года... Берлин, куда я вошел вместе с Советской Армией...

Это рассказывает режиссер Роман Кармен. Он создал документальную киноповесть о Берлине.

Сейчас перед нами — сегодняшняя столица ГДР.

Вначале здесь на каждом шагу горькая память о прошлом: вдовы, калеки... Но рядом, здесь же, в этом же городе,— новая жизнь, новый Берлин, новые отношения...

Берлин, столица страны строящегося социализма, живет бурно, деятельно, ярко. Возникают новостройки, кипит мысль тружеников фабрик и заводов, рождаются произведения искусства. А рядом, через стену, разделившую Берлин,— другая жизнь. Реваншизм. Неофашизм...

«Товарищ Берлин» — назвали свою картину Г. Гурков и Р. Кармен. Действительно, перед нами проходят судьбы людей, которые сегодня с гордостью могут сказать о себе и своих друзьях это слово — «товарищ».

Мы видим в картине неустанный труд созидателей нового, социалистического государства. Видим страну добрых надежд. Видим седовласых ветеранов, коммунистов, передающих эстафету выстраданной, завоеванной ими новой жизни в сильные руки молодых патриотов...

Н. ЗЫБИНА

— Вот он, Берлин завтрашний!..

ОТ ЕГИПЕТСКИХ ПИРАМИД—К МЕКСИКЕ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА» С НОРВЕЖСКИМ УЧЕНЫМ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ ТУРОМ ХЕЙЕРДАЛОМ.

— Какова цель вашей новой экспедиции?

— Целью моей экспедиции является проверка мореходных качеств лодок из папируса, которыми пользовались древние египтяне. Можно ли пересечь Атлантический океан на такой лодке? Предполагается, что древние египтяне проделывали этот путь к берегам Америки. Возможно, именно таким образом культура древнего Египта проникала в свое время на американский континент.

Мы знаем, что американские индейцы в основном занимались охотой и рыбной ловлей. Сельское хозяйство у них находилось на примитивном уровне. Они не умели ткать, обрабатывать металл, не были знакомы с достижениями культуры, в частности с архитектурой. После того, как Колумб открыл Америку, была обнаружена древняя цивилизация в Мексике, в Перу и в тропической Южной Америке.

Ученые сегодня придерживаются разных теорий об истоках цивилизации на американском континенте. Некоторые считают, что она развивалась самостоятельно. Другая часть ученых, а их с каждым днем становится все больше, думает, что цивилизация, которая в то время существовала у народностей Средиземноморья, возможно, оказала влияние на развитие культуры древнего населения Америки.

Лично я не поддерживаю в этом споре ни одну из сторон. Мне кажется, что в первую очередь следует выяснить возможность пересечения океана на папирусных лодках, которые имелись у древних египтян.

— В печати уже говорилось о вашем особом подходе к составлению экипажа «Ра». Что вы можете сказать об этом?

— Действительно, экипаж «Ра» состоит из семи человек разных национальностей — американца, египтянина, русского, итальянца, мексиканца, африканца из Республики Чад и норвежца.

Мне бы хотелось доказать этой экспедицией, что члены экипажа, несмотря на их различные национальности, разный цвет кожи, смогут успешно сотрудничать ради общей цели. На борту нашей лодки будут развиваться флаги всех тех стран, к которым принадлежат члены экипажа. Хотелось бы, чтобы на лодке было больше флагов. К сожалению, это невозможно, так как экипаж для этой лодки ограничен. Но я получил разрешение генерального секретаря У Тана поднять также флаг Организации Объединенных Наций, что будет символизировать дружбу между народами.

Я рад приветствовать среди членов своего экипажа русского врача Юрия Сенкевича. Трудно сказать, кто из нас двоих больше волновался ночью 26 апреля на каирском аэродроме. Я стоял у трапа, Юрий в это время был еще в самолете. Я пристально вглядывался в лица всех проходящих мимо меня пассажиров, пытаясь узнать Юрия, и узнал его сразу, хотя никогда не видел раньше.

Я искренне признателен советским людям,— продолжает Тур Хейердал,— за многочисленные пожелания счастливого плавания. Поверьте, я очень рад, что на этот раз в моей экспедиции принимает участие ваш соотечественник.

А теперь настает очередь Юрия Сенкевича сказать несколько слов.

— Мне очень приятно слышать в свой адрес теплые слова от такого замечательного, удивительного человека, как Тур Хейердал,— говорит он.— Я приложу все силы, чтобы он не разочаровался во мне во время плавания,— буду выполнять непосредственную врачебную работу, постараюсь делать свою небольшую долю научных наблюдений. Пользуясь случаем, хотел бы передать через «Огонек» всем моим друзьям, близким и прежде всего дорогим маме и папе: пожалуйста, не волнуйтесь, корабль крепкий, и я уверен, что путешествие будет успешным.

Е. ПРИМАКОВ

Каир, май.

УБИЙЦЫ ТОСКУЮТ ПО БОМБЕ

Фельетон

В. НИКОЛАЕВ

Подполковник Уоллен Саммерс не лыком шит. Он не какой-нибудь усердный служака, в поте лица своего высидевший и вышагавший подполковничьи знаки отличия. Нет! Это военный новейшей формации, специалист и теоретик. Даже, если хотите, философ. Что ж! Ему и карты в руки. Во-первых, Саммерс — выпускник Вест-Пойнта, где пестуются руководящие кадры американской армии. Во-вторых, он не просто обыкновенный командир какой-то воинской части — он готовит личный состав американских карательных отрядов во Вьетнаме. Через его руки проходят самые отпетые и отборные убийцы из числа американских военнослужащих. В школе Саммерса они получают необходимые навыки мастеров заплечных дел и во всеоружии обрушиваются на мирные вьетнамские села.

До последнего времени Уоллен Саммерс пользовался известностью только в своем кругу палачей-карателей. Но теперь имя подполковника вышло за пределы Вьетнама и Пентагона. В массовом американском журнале «Ньюсуик» он поделился с читателями своими самыми сокровенными мыслями.

Исходя из личного опыта, Саммерс дает новую, уточненную характеристику своим вьетнамским подопечным. Он рисует их благородными рыцарями печального образа, обремененными романтическими и человеколюбивыми идеями. Да, он так прямо и называет их «романтичными рыцарями».

Мало этого. Подполковник считает их ребятами нерешительными и, можно сказать, растерянными. Журнал «Ньюсуик» характеризует сумеречное состояние души растерянных рыцарей во Вьетнаме таким образом: «Некоторые командиры наобум палят из орудий, чтобы потревожить противника, хотя чаще всего они при этом тревожат мирных земледельцев». Помимо сути этого откровения, обращает на себя внимание и деликатное слово «тревожат», позаимствованное, наверное, из лексикона романтичных убийц.

Такое несколько смятенное состояние их нежного духа подполковник объясняет не только субъективными факторами. Есть на то и объективные причины. С еще большей глубиной, чем подполковник, их вскрыл один штатский интеллектуал. Таковым оказался корреспондент американского журнала «Тайм» Джон Малликен. Он расширил теорию подполковника, распространив понятие благородного рыцаря на застенчивых ребят из Пентагона, о которых Малликен пишет: «Их бросает в дрожь, когда они начинают размышлять над тем, чего от них хотят и что им делать. Они в растерянности и даже немного напуганы».

Вот видите, беда-то какая! Все рыцари, снизу доверху, от Вьетнама до Пентагона, пребывают в состоянии растерянности и нерешительности. Что сей сон значит?

Хорошо хоть есть кому ответить на такой вопрос. «Это смущение,— пишет журнал «Ньюсуик»,— вполне объяснимо. Когда есть четкое различие между войной и миром, тогда военным легко найти свое место. А почти все годы после второй мировой войны США и их вооруженные силы живут в потемках, в которых не различишь, то ли это мир, то ли война... Состояние нерешительности между пассивностью и активностью привело военных в замешательство. У них нет конкретного плана завершить войну во Вьетнаме в рамках предписанных им тактических ограничений».

На ту же тему, но с еще большей определенностью, высказывается генерал Кларк, бывший командующий войсками США на Дальнем Востоке: «Американская армия могла бы очистить Вьетнам, если бы ей предоставили больше свободы». А нью-йоркская газета «Уолл-стрит джорнэл» пишет заодно с генералом, что США могут добиться своего во Вьетнаме, если будут «использовать средства, более соразмерные с этой задачей».

Вот, оказывается, в чем дело! Ни размах войны во Вьетнаме, ни средства ее ведения коекого больше не устраивают. До зубов вооруженные убийцы, число которых во Вьетнаме давно перевалило за полмиллиона, не в силах поставить на колени вьетнамский народ. Им не хватает теперь ядерного оружия.

В тоске по нему и вдарились в философию на рыцарские темы американские подполковники, генералы и журналисты.

СПАСИБО, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Салих **РАСУЛОВ**,
Первый секретарь Ташкентского горкома Компартии Узбекистана

Ташкент в праздничном убранстве. Город провожает домой тех, кто с 26 апреля 1966 года, после землетрясения, жил нуждами и заботами столицы республики, кто приехал сюда по зову дружбы и, несмотря на зной, пыль, продолжавшиеся подземные толчки, своими руками изо дня в день возводил город, укреплял, украшал. И вот настал день расставания, день торжественных проводов друзей-строителей из братских республик. От имени ташкентцев к ним, ко всем советским людям, принявшим участие в строительстве нового города-красавца, обращается Первый секретарь Ташкентского горкома Компартии Узбекистана Салих Рашидович РАСУЛОВ.

В эти дни сердечные слова благодарности звучат в Ташкенте буквально на всех языках народов нашей страны. Их с явным узбекским акцентом произносят жители возрожденной после памятного землетрясения столицы нашей республики, научившись от строителей за три года совместной работы объясняться по-украински и по-латышски, по-белорусски и по-грузински, по-молдавски и по-армянски, по-литовски и по-эстонски, по-таджикски и, конечно, на родственных языках — казахском, азербайджанском, киргизском, туркменском. При этом все мы, традиционно прикладывая руку к сердцу, с поклоном повторяем по-узбекски: «Катта рахмат, азиз дустлар!..» И чтобы нас поняли сразу абсолютно все, чтобы все одновременно почувствовали тепло наших признательных сердец, повторяем слова благодарности на языке нашего любимейшего брата — великого русского народа, внесшего самый весомый вклад в строительство, на языке великого Ленина: «Большое спасибо, дорогие друзья!»

Поистине, мир не знал еще ничего подобного. Всего за тысячу дней восстановлен город, потерявший в результате землетрясения 2 000 000 квадратных метров жилой площади. Впрочем, «восстановлен» — не то слово. Город родился заново. И если сравнивать его, так сказать, физические объемы, то жилой площади за это время прибавилось 2 800 000 квадратных метров, новые школы вмещают 50 тысяч учащихся, новые детские учреждения — около 15 тысяч ребят, новые предприятия общественного питания — почти 17 тысяч посетителей одновременно. А сколько новых магазинов, поликлиник, театров, клубов!.. Прежде исключительно одно- двух- четырехэтажный Ташкент вырос до девятиэтажной отметки и устремился в девятнадцатиэтажную высь. Мы научились строить высотные здания, они встают на месте глиняных домишек. Город надежно углубился в землю многометровыми фундаментами, путепроводы и пешеходные туннели пролегли под его широкими оживленными улицами, а вскоре его недра пронижут линии метрополитена.

Значительно раздался Ташкент и вширь. На его окраинах выросли новые жилые массивы: огромный «город в городе» Чиланзар, Высоковольтный, Каракамыш, Рисовый. Образованы новые административные районы — Хамзинский и Сергелийский. Территория города достигла 22 тысяч гектаров, население увеличилось на 204 тысячи человек.

И все это — лучшее свидетельство того, что стихийное бедствие, постигшее наш город, тяжелейшая драма, выпавшая на долю ташкентцев, не сломили их, а наоборот, мобилизовали на подвиг, дали почувствовать во всем величии чудодейственную силу, которая заложена в самом строе нашей советской жизни.

Недаром говорится в узбекской пословице: «Если сорок родов породнятся, им врагов не бояться». И действительно, когда землетрясение, которое испокон веков считалось «роковой местью», обратило в прах многие наши дома, ташкентцы не растерялись, ибо каждый тотчас же почувствовал на своем плече теплую и сильную руку друга, услышал братские слова: «Крепитесь, ташкентцы! Мы спешим на помощь!..»

Уже в первые часы после разрушительного толчка прилетели из Москвы и прямо с аэродрома поехали осматривать ташкентские улицы и дома Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, была организована правительственная комиссия по ликвидации последствий землетрясения.

Незамедлительно хлынули в Ташкент потоки стройматериалов, машин, оборудования, один за другим прибывали эшелоны со строителями из братских республик, целое денежное море образовалось из ручейков личных вкладов советских людей в фонд помощи Ташкенту. Самым популярным стало число «170064», его хорошо знают далеко за пределами Узбекистана. Это номер счета в Ташкентском городском управлении Госбанка, на котором накопилась сумма в 10 миллионов рублей! «Это часть моего жалованья. Передайте тому, кто больше нуждается»,— писал на бланке перевода неизвестный друг из города Елец. «На эти деньги постройте детский сад»,— было выведено детской ручонкой на другом переводе в несколько рублей. П. В. Петропавловский из Харькова и Г. Богачева из Донецка просили принять на восстановление Ташкента по 1 000 рублей из своих личных сбережений. Присылали деньги друзья, которые в годы Великой Отечественной войны нашли в нашем городе приют и кому гостеприимный Ташкент скрасил сиротское детство.

Добро никогда не забывается, и глубоко права ташкентка Л. Шарахимова, которая пишет о новоселах девятиэтажного дома на площади Актепе: «...И вот у Садыка и Мухаббат новая двухкомнатная квартира. Женщина не нарадуется простору, свету, большому балкону и лоджии, всем этим встроенным шкафам и шкафчикам, полкам и стеллажам, которые предусмотрели для удобства жильцов строители. Даже детишки, играющие во дворе, знают: дом для них сооружали посланцы Украины. Став взрослыми, они не забудут об этом».

Никогда не забудут строителей

Кросс миллионов

С каждым годом все с большим успехом проходят первые массовые соревнования легкоатлетического сезона — Всесоюзный кросс на приз газеты «Правда». На снимке: один из забегов на Центральном ипподроме Москвы 9 мая 1969 года.

Фото Ю. Шаламова.

Зевки и улыбки

Сало **ФЛОР**,
международный гроссмейстер

Как известно, в 1927 году шахматный мир верил в непобедимость чемпиона мира Х. Капабланки. Накануне матча австрийский гроссмейстер Р. Шпильман заявил, что Алехину не удастся выиграть у кубинца ни одной партии. Сам Александр Алехин перед отъездом в Буэнос-Айрес говорил журналистам:

— Очень трудно будет выиграть у Капабланки шесть партий. (Такие были тогда условия первенства мира.— С. Ф.) Даже не представляю себе, как это делается. Но, с другой стороны, также не представляю себе, как это Капабланка сможет выиграть шесть

Ташкент, площадь Ленина.

Фото Л. Шерстенникова.

и жители новых ташкентских кварталов, домов — «Московских», «Ленинградских», «Российских», «Казахских», «Белорусских», «Грузинских», «Азербайджанских», «Армянских», «Киргизских», «Литовских», «Туркменских», «Латышских», «Таджикских», «Молдавских», «Эстонских».

16 мая 1966 года строители заложили фундамент первого жилого дома в городе-спутнике Ташкента — Сергели, замуровав в капсуле обращение к потомкам, в котором говорится: «Пусть в ваших сердцах, в сердцах будущих поколений, которым выпадет честь проживать в этом чудесном городе-спутнике, навечно сохранится благодарность Коммунистической партии и Советскому правительству, проявившим о вас отеческую заботу...»

Мы провожаем домой наших друзей-строителей из братских республик, и от всей души благодарим их за братскую помощь. Каждый ташкентец говорит им: «Дорогие братья! Вы совершили великий трудовой подвиг, достойный Советского Человека!»

А дело продолжается. Ташкентские строители взяли на вооружение опыт и мастерство посланцев братских республик. За эти три года Главташкентстрой сдал в эксплуатацию 1 150 тысяч квадратных метров жилья, соорудил более 230 объектов промышленного, культурного и бытового назначения, восстановил и отремонтировал 26 тысяч квартир, 73 школы, 85 детских садов и яслей, 48 медицинских учреждений, возвел такие крупные сооружения, как гостиница «Россия», здание Совета Министров Узбекской ССР, Радиодом, комплекс зданий Государственного университета, реконструировал площадь имени Ленина.

Приезжайте к нам, в свой родной город, друзья! Приезжайте — и вы увидите в новых архитектурных ансамблях Ташкента прекрасные черты нашего многонационального братства. Наш город — ваш город!

партий у меня! (Напомним, что великий русский шахматист Алехин выиграл тогда матч со счетом 6 : 3 при 25 ничьих.)

Накануне матча Т. Петросян — Б. Спасский его участники молчали. Но мог ведь Петросян думать: «Посмотрим, как это Спасский выиграет у меня, если я буду играть на ничью». После пятой партии Спасский захватил лидерство — 3 : 2. Теперь уже ничья устраивала претендента. И мог ведь в этот момент матча Борис Спасский подумать: «Посмотрим, как это Петросян у меня выиграет, если я буду играть на ничью!» Роли поменялись.

В футболе и в некоторых других видах спорта есть выражение «тянуть время». В шахматах есть выражение «не дать игру противнику». В шестой и седьмой партиях Б. Спасский стремился лишь к ничьей. Правда, стремление только одного противника к ничьей часто бывает недостаточным, не думайте, что это так уж просто: взял зашел в Театр эстрады — и сделал ничью. В шестой партии Спасский попал под сильный прессинг чемпиона мира, но выкрутился.

В практике сильнейших шахматистов, включая и чемпионов мира, есть наряду с творческими шедеврами и примеры шахматной слепоты, курьезы, зевки. Самый знаменитый зевок Т. Петросяна произошел в Амстердаме в 1956 году, когда он оставил под боем своего ферзя в партии с Д. Бронштейном. Когда этого ферзя Бронштейн с аппетитом скушал, Т. Петросян вздрогнул: «Что такое?!» Д. Бронштейн оригинален в шахматах и в жизни. Когда на заключительном банкете в Амстердаме участникам турнира подали большой шахматный торт, Бронштейн вырезал из него ферзя и, подойдя к Петросяну, сказал: «Пожалуйста, вот вам обратно вашего ферзя».

Подобный зевок в меньшем масштабе случился с Петросяном в восьмой партии. На матче 1966 года жертвы качества были успешным приемом чемпиона мира, но на сей раз он качество просто зевнул на ровном месте. Правда, для реализации преимущества Спасскому требовалось продемонстрировать высокую технику, но дело обошлось без этого, ибо чемпион мира снова попал в сильный цейтнот.

Так, счет стал 5 : 3. Напомним, что в матчах с Е. Геллером, Б. Ларсеном и В. Корчным Спасский был буквально «запрограммирован» на 5,5 очка из 8. Все эксперты накануне матча с Петросяном говорили: «С Петросяном подобный график не может быть осуществлен». И вот Спасский и с чемпионом мира едва не выполнил свою стандартную норму.

В девятой партии претендент имел снова шансы на победу, но Петросян добился ничьей. Тут мне вспомнились слова гроссмейстера Тайманова: «Если фортуна улыбнется Петросяну, то в матче может произойти перелом». Тайманов в принципе прав, но я думаю, что важнее улыбок фортуны улыбки Спасского. И вот Борис Спасский очень мило улыбнулся Петросяну в девятой партии.

Эта желанная ничья явно сказалась на игре чемпиона мира в следующей, десятой партии, которая игралась в День Победы. Чемпион мира провел ее очень сильно. Да, не везет Спасскому на число «десять»: в прошлом матче он также потерпел в десятой встрече сокрушительный разгром.

Поклонники Петросяна ожили. Вокруг Театра эстрады еще долго после конца партии кипели страсти: обсуждались все события этого победного дня. Кстати, десятая партия была как бы юбилейной. Дело в том, что она явилась пятидесятой встречей двух шахматистов за шестнадцать лет. Пока счет 7 : 7 при 36 ничьих.

Означает ли эта победа Петросяна, что в матче наступил перелом? Очень возможно. Ясно одно: никакого надлома в игре Петросяна не было. Он не разучился выигрывать, а цейтнотная болезнь идет на убыль.

Поклонники Бориса Спасского, разумеется, очень огорчены, но сам Борис Спасский сохраняет спокойствие.

Кого цитирует Иван Карамазов

«...Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры и

В великолепных
автодафе
Сжигали злых еретиков».

Вы помните? Это отрывок из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Иван рассказывает Алеше содержание своей ненаписанной поэмы «Великий инквизитор», которую он «выдумал и запомнил».

Кто же автор приведенного двустишия, припомнившегося писателю при создании легенды о Великом инквизиторе? Ответа на этот вопрос не дают современные издания Достоевского и специальная литература о его творчестве. В примечаниях к изданию «Братьев Карамазовых» в 10-томном Собрании сочинений писателя (Гослитиздат, 1956—1958) сказано следующее: «Исследователи Достоевского не разыскали до сих пор источника этих стихов; не исключена возможность, что приведенное двустишие написано самим Достоевским».

Источник двустишия — поэма А. И. Полежаева «Кориолан», написанная в 1834 году и полностью опубликованная лишь в 1857 году. В этом произведении поэт обработал легенду о римском патриции Кориолане, образ которого привлекал внимание Шекспира и Бетховена. Обращение к материалу древнеримской жизни позволило Полежаеву высказать смелые суждения о свободе и борьбе с тиранами, воспринимавшиеся исключительно злободневно в России 1830-х годов. Именно это закрыло поэме путь в печать при жизни ее автора, трагическая судьба которого волновала Достоевского (об этом есть интересное свидетельство литератора Е. Н. Опочинина).

В первой главе «Кориолана», где героическому прошлому республиканского Рима противопоставляется «низкая» действительность последующих эпох, и находятся приведенные Иваном Карамазовым стихи — с небольшим отклонением от оригинала (у Полежаева — «великолепном»): Достоевский цитировал по памяти произведение поэта, достаточно прочно позабытого ко времени работы над «Братьями Карамазовыми» (после изданий 1857 и 1859 гг. первое наиболее полное собрание стихотворений Полежаева было осуществлено в 1889 г.).

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Невский лед

Иван КЫЧАКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

С допросами Ульянова Кичин не торопился.

И на это у него были свои веские причины.

Должность Товарища Прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, исполняющего прокурорские обязанности по дому предварительного заключения, давно уже тяготила его. До самой опустошающей тоски ему надоела эта пресловутая статья 17-я инструкции по управлению домом, которую приходится блюсти, надоело копаться в делах полиции, часто составленных так глупо, что хоть за голову хватайся, надоело ладить с управляющим, заискивать перед председателем комитета по управлению домом и, самое главное, надоело скрывать свою ненависть к политическим арестантам, когда, совершая обход одиночных камер, приходится выслушивать их бесконечные просьбы.

Его привлекал совсем другой дом, тот, что находится на Малой Садовой, дом Министерства юстиции.

И часто, просматривая министерскую почту, он ловил себя на том, что ждет, с нетерпением ждет официальное письмо министра юстиции, в котором извещается, что «государь император изволит принять вас в ближайшее воскресенье, после обедни».

А там могла бы и прийти долгожданная минута вступления в должность, ну, например, председателя окружного суда.

Тогда можно было бы и вздохнуть свободнее, отбросив всю эту гадкую канцелярскую паутину прокурорских занятий, полных бесконечного беспокойства и самых неожиданных тревог, и свято блюсти лишь форму и обряды судопроизводства.

Кичин, давно наловчившийся понимать начальство с полуслова, конечно, не мог не думать с надеждой и тревогой о новом царе.

Еще на гроб Александра III возлагались серебряные венки, а уж молодой царь заверял народ, что все подданные одинаково будут предметом его милостивых забот. И если многие ждали каких-то послаблений и улучшений, Кичин ждал одного — быть замеченным и обласканным.

Именно неопытность царя и казалась ему самым верным шансом к тому, чтобы выдвинуться. А то, с какой легкостью Николай выгнал, казалось, несменяемого министра путей сообщения Кривошеина, а потом и вечно пьяного санкт-петербургского градоначальника фон Валя, укрепило в нем веру в свои надежды.

Надо было действовать.

И дело группы Ульянова сразу показалось наивыгоднейшим: ведь открыть перед царем новый, доселе неведомый революционный пласт — это ли не настоящая заслуга!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16—19.

Кичин еще больше утвердился в своем убеждении, когда узнал о скандале, разразившемся во дворце во время приема депутаций, явившихся с поздравлениями.

Начав с лепета, который был едва слышен, царь вдруг перешел на крик, кончил угрозами и, резко оборвав речь, вышел, оставив верноподданных в гробовом молчании.

Что же вызвало этот беспримерный гнев?

Раболепнейший адрес, поднесенный земством Тверской губернии, в котором наивные земцы среди потока верноподданнических восклицаний осмелились выразить надежду, что «права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы»! И только одно это так страшно разгневило молодого царя.

Двое самых почтенных тверских гласных, высказавших надежду о возможности «выражать свое мнение», были немедленно исключены из земского собрания и подверглись всяким другим карам в административном порядке.

Так что же можно было сказать о деле, которое держал Кичин в своих руках?!

Теперь уже не оставалось никаких сомнений — надо было действовать, действовать решительно и смело.

Уверенный в безошибочности своего решения, Кичин не одну бессонную ночь провел над составлением доклада «о кружках лиц, именующих себя социаль-демократами».

Он стремился показать высокому начальству свою полную осведомленность — перечислил не только участников центральной группы, но и членов наиболее крупных кружков, не только адреса руководителей, но и рабочих, входящих в кружки, указал места и даты сходок и совещаний.

Желая быть как можно более убедительным, он привел примеры резкой формы оскорбления царя, когда в одном из воззваний государя называли «августейшим животным», в другом черным по белому были написаны такие строки: «Так пусть же будет проклято все это отродье паразитов, это величайшее зло и несчастье нашей родины», в третьем — даже стихи:

«Ах, скоро ли рукою твердою
Ты с корнем вырвешь это зло
И скажешь лишь с усмешкой гордою:
— Было, быльем поросло!»

«Но,— восклицал он,— и после ареста единомышленники не прекратили преступные действия. 18 декабря на Путиловском заводе, на фабрике Лебедева и в других местах появились листовки. 3 января на Галерном острове найдено много прокламаций».

«Дознание выясняет,— почти торжественно писал он,— что подстрекательство ЛИШЬ школа для постепенного развращения рабочих в политическом отношении и образования сплоченной и организованной силы для восстания».

Он не побоялся этого грозного слова не только потому, что хотел придать своему докладу больший вес, но и потому, что был убежден в своей правоте.

Доклад был отослан.

И теперь, втайне надеясь, что доклад произведет впечатление, Кичин принялся за ведение дела с утроенной энергией, чтобы, когда его позовут для личной беседы, выложить новые неопровержимые доказательства.

Второй допрос он назначил на 30 марта.

Готовясь к нему, Кичин тщательно продумывал все детали будущего нелегкого диалога. Резкого и несдержанного Клыкова решил заменить более мягким и тактичным подполковником Филатьевым. Клыкову же поручил вести совсем другое дело.

За эти три месяца с помощью провокаторов Галла и Михайлова удалось установить, что Ульянов был на сходке в Удельном лесу, участвовал в прогулке на пароходе «Тулон», эксперты Дмитриев и Голике доказали, что часть рукописей, найденных у арестованных, писана рукой Ульянова. Кроме того, неопровержимые улики дали показания нескольких арестантов: на предъявленную им карточку Ульянова они утверждали, что это Николай Петрович, который бывал у них на квартирах, проводил противоправительственные беседы и передавал деньги в помощь бастующим.

Вот только злополучный чемодан исчез, как в воду канул. А ведь если бы его удалось разыскать, тогда разговор был бы куда веселее. Правда, можно дать очную ставку с провокаторами, но Кичин тут же отказался от этой мысли: он приберегал их для решающего удара.

Когда арестованного ввели, Кичин поднялся с кресла.

— Здравствуйте, Ульянов!— сказал он так легко и даже радушно, словно встретил старого знакомого.— Прошу садиться.

Ульянов, поклонившись, сел.

— Надеюсь, вы все обдумали и этот допрос будет последним. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас. Хорошо.

Действительно, заключенный, как это ни странно, внешне выглядел лучше, чем во время первого допроса. Правда, лицо утомлено, но глаза...

— Книги вам дают?

— Да.

— Судя по списку, у вас в камере настоящая библиотека. Свидания с матерью и сестрой получаете?

— Да.

Кичин сделал паузу и бросил равнодушно:

— А с невестой?

Этим вопросом он хотел хоть на секунду

смутить арестованного: ведь он-то доподлинно знал, что его настоящая любовь — Надежда Крупская, проживающая на Старо-Невском, в доме с проходным двором, ни разу не была на свидании. Но Ульянов и тут ничем не выдал себя, он просто кивнул головой.

— Еще один, так сказать, частный вопрос. Александр Ульянов — ваш брат?

Заключенный резко вскинул голову, чуть прищурился и сказал гордо:

— Кровный.

Кичин не смог выдержать этого прямого, открытого взгляда и, поднявшись, начал ходить вдоль стола.

— Да-а,— собираясь с мыслями, протянул он.— Какие судьбы! Бедные матери. Не успела зажить одна рана...

Ульянов негромко, но настойчиво перебил:

— Я жду вопросов по существу дела.

Кичин смутился. Как безошибочно действовала на других эта его манера «залезать в душу», а тут ничего не выходит. Заключенный замкнут на семь замков, через ироническую усмешку к нему не пробьешься. Кажется, не ты его, а он тебя видит насквозь, да еще и смеет перебивать! Но как тонко это делает — не придерешься.

— Вам хочется вопросов?— возвращаясь на место, спросил Кичин.— А мне, откровенно вам скажу, не хочется. Мне уже давно все ясно.

— Что же именно вам ясно?

— Вы ненавидите наш строй.

Ульянов усмехнулся.

— А разве любовь и ненависть подсудны?

Кичину захотелось закричать: «Довольно, негодяй!» — или что-то в этом роде,— застучать кулаками по столу, затопать ногами, но он сдержался. Наоборот, его улыбка стала еще теплее.

— Спешу вас порадовать,— сказал он, желая хоть чем-то отомстить,— по вашему делу дополнительно привлечено еще более двадцати человек. В их числе ваш друг — Ляховский.

Но и к этому сообщению Ульянов остался внешне равнодушен.

— Вообще об арестах сожалею,— сказал он не спеша.— Но о ком вы говорите, не знаю.

Кичин кивнул головой Филатьеву, и тот, несколько обескураженный началом допроса, проговорил подчеркнуто сухо:

— Осмотрите документы.— И, когда Ульянов осмотрел, добавил:— Это писано вашей рукой?

Отрицать было бесполезно да и опасно: эксперты все равно докажут истину. Поэтому Ульянов коротко бросил:

— Да.

— Подробное описание стачки ткачей в Иваново-Вознесенске. Зачем вам это понадобилось?

— Я занимаюсь журналистикой.

Кичин не удержался от иронии.

— Вот как!— воскликнул он.— Летописец наших дней. «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя».

Филатьев покосился на него, ожидая, что Кичин еще что-нибудь скажет, но тот с загадочной улыбкой на лице замолк.

— Взгляните,— опять сухо проговорил Филатьев.— На первом листке написано — «Рабочее дело». Видите?— Ульянов кивнул.— Далее следует список статей по рубрикам. Что это, господин летописец?

— Не знаю. Это писал не я.

— Это писал ваш друг Ванеев. Он уже сознался. А «Рабочее дело» — противоправительственная газета, которую вы предполагали издавать. Чему вы улыбаетесь?

— Простите, но наблюдать за ходом ваших логических построений просто любопытно.

— Вот как?— искренне удивился Филатьев.— Что же тут любопытного?

— Вы показываете мне какой-то листок, где написаны чьей-то рукой слова «Рабочее дело», и тут же утверждаете, что это и есть противоправительственная газета.

Ульянов слегка пожал плечом и отвернулся.

Этот жест снова вывел Кичина из себя.

— Наша логика, господин Старик,— проговорил он, не скрывая злости,— покоится на показаниях заключенных. А они подтверждают: вы хотели, да, да, хотели создать противоправительственную газету. Но мы вам помешали. Взгляните, это писали вы?

Ульянов чуть приблизился, вглядываясь в документ.

Да, эту рукопись отрицать было бесполезно, он ее действительно писал. И когда он сказал: «Да!» — Кичин встал.

— Наконец-то вы сознались! Думаю, что одного этого вполне достаточно.

— Возможно,— спокойно проговорил Ульянов,— но прошу учесть, что эта статья переведена мной из венской газеты «Нейе Ревю».

Кичин никак не ожидал такого объяснения.

«Черт побери,— думал он,— почему же эксперты не доложили, что это всего лишь перевод?!»

— Для чего перевели?

— Я предполагал напечатать ее в одном из русских изданий.

— Но ведь статья о Фридрихе Энгельсе!— опять теряя самообладание, вскричал Кичин.

— На смерть Фридриха Энгельса,— поправил его Ульянов и после паузы заговорил проникновенно:— Что же тут плохого, господин прокурор? Энгельс — сын германского текстильного фабриканта, коммерсант, философ, великий экономист, и разве грех помянуть его несколькими добрыми словами? И потом это всего-навсего,— он с усмешкой протянул,— пе-ре-вод. Почему же то, что печатают за границей, нельзя печатать у нас?

Теперь Кичин ясно видел, что допрос зашел в тупик. Необходимо как-то изменить весь ход этого напряженного диалога. Но как?

И он решил предъявить протоколы допросов других заключенных, где упоминался Ульянов.

— Что вы на это скажете?

Заключенный медленно поднял голову, отрывая взгляд от бумаг.

— Здесь идет речь о каком-то Николае Петровиче. Я же Владимир Ульянов и на квартирах у рабочих не бывал.— Он слегка усмехнулся.— Простите, но я должен заметить: меня называют то Стариком, то Николаем Петровичем. Не странно ли это?

— Ничего, голубчик,— шептал Кичин, когда Ульянова увели.— Мы еще покажем тебе, странно ли это, еще покажем!

Действительно, странным ему казалось другое: на его доклад до сих пор не было ответа. Это заставило насторожиться: неужели они не понимают, что им открыта совершенно новая, наиболее опасная враждебная сила?

— Да нет,— успокаивал он себя,— просто там руки не дошли,— молодой царь занят — приемы, детальное знакомство с делами, подготовка к коронации... Ничего, настанет и мое время. А пока действовать и действовать.

* * *

На свидания водили в конце дня, когда сумерки начинали постепенно, но уверенно обволакивать город.

Свидания происходили в двух помещениях — за двойной решеткой, когда заключенный стоит в своеобразной железной клетке, а посетитель подходит к ней с другой стороны, и за столом, длинным, похожим на фабричный лоток, когда встречающиеся сидят друг против друга.

В первом случае надзиратели бесшумными тенями двигаются взад-вперед по решетчатому коридору, внимательно вслушиваясь в разговоры, во втором — они восседают в концах стола, словно председатели какого-то важного собрания.

Когда раздалось долгожданное: «Запорожец, на свидание!» — Петр так сильно побледнел, что даже пошатнулся, придерживаясь рукой за стенку. Стараясь побыстрее справиться с волнением, он попробовал пальцами расчесать бороду, но делал это так поспешно, что, кажется, еще больше разлохматил ее. Волосы на голове отросли, и на лоб спадали густые пряди. Нервным движением ладони он закинул их назад и, не думая больше о своей внешности, шагнул в коридор.

Теперь он сосредоточился на одном: поскорее увидеть ее!

Она, конечно, будет в том же темном пальто, в той же шапочке (или шляпке, он не знал, как назвать ее головной убор), и лицо будет так же белеть, как тогда, ночью.

Он увидит эти тонкие длинные брови, и милые глаза, и улыбку, когда губы чуть раздвигаются и в маленьком просвете блестят влажные зубы.

Как долго его вели и куда вели, он не помнил да и не старался запомнить, ему было все равно, куда ведут, лишь бы скорее привели.

Что он скажет ей, он не знал, ему казалось, что слова не будут иметь никакого значения, главное — услышать ее голос, а уж по интонации она сама поймет, какие чувства обуревают его.

Он, конечно, возьмет ее руки (почему эти худые длинные пальцы всегда так холодны? Отчего?), спрячет их в своих больших ладонях и отогреет, непременно отогреет.

— Сюда, сюда...— глухо проговорил дородный надзиратель, делая рукою нетерпеливый жест.

Петр понял, что надо подойти к решетке. Подошел. Крепко сжал пальцами холодные прутья.

Народу и с той и с другой стороны было уже довольно много, в высоком мрачном помещении однотонно гудели голоса (как на вокзале, когда ждут прихода поезда), плакала старушка, укутанная шалью, слева сквозь быстрый шепот то и дело пробивался короткий кашель.

Ее не было.

И Запорожец заволновался, начал искать Марию глазами, вытянул шею, приподнялся на носки и раза два оглянулся на надзирателя.

— Кто к Запорожцу?— голосом балаганного зазывалы прокричал другой надзиратель, открывая входную дверь.

— Пожалте...— снова пропел он, пропуская мимо себя незнакомую девушку.

У дверей произошло замешательство: вслед за первой посетительницей вперед пробивалась вторая, с муфтой в руках.

Надзиратель отступил на шаг, и все трое смотрели друг на друга с недоумением.

— Вы к Запорожцу?— спросил надзиратель, рукой нащупывая журнал посещений, лежащий на тумбочке.

— Да!— заметно краснея, кивнула головой первая посетительница.

— И вы тоже?— Надзиратель уже взял журнал в руки и держал его почтительно, как дьячок свой часослов.

— Я к Запорожцу!— не допуская возражений, проговорила вторая и гордо вскинула голову.

— И вы, как я вижу, не знакомы?— Надзиратель ехидно улыбался.— Так-с! А у меня в журнале, извольте взглянуть...— он открыл журнал,— отмечено — не-ве-ста! Так кто же из вас, милые барышни, невеста Запорожца?

Раздался хохот — это смеялся еще один надзиратель, со стороны наблюдавший эту сцену.

— Это не она!— хотел крикнуть Запорожец.— Позовите Марию. Она там. Слышите?

Но так прикусил губу, что выступила капелька крови.

Надзиратель, повторяя: «Прошу, милые, прошу...» — растопырил руки (в одной он продолжал держать журнал) и всем телом двинулся на посетительниц. Толстяк за решеткой крикнул: «Убрать!» И двое надзирателей начали отрывать Запорожца от решетки.

...Тут же Клыкову доложили, что к заключенному Запорожцу пытались проникнуть на свидание две особы, не отмеченные в журнале, а когда обман был обнаружен, заключенный не желал уходить в камеру и чуть не дошел до буйства.

* * *

Перед третьим — это было 7 мая — допросом Кичин сидел в кабинете, просматривая бумаги. Его внимание привлекла копия письма из Москвы, показавшаяся охранке подозрительной.

«Лето наступает грустное,— читал он.— Были пожары. В Петербурге такая началась жара, духота, а потом заболеваемость, что просто ужас. Эпидемия охватила все круги».

Кичин подчеркнул слово «эпидемия» и задумался.

Да, время было действительно тяжелым: от бесконечных арестов («эпидемия») в доме предварительного заключения было жарко и душно; ему, Кичину, приходилось работать день и ночь, даже на дачу выехать некогда.

«Но удивительнее всего то,— писал корреспондент,— что люди умирали, умирали, а их все столько же, если не больше».

И тут он, подлец, прав!

Ульянов был арестован в ночь на девятое декабря, а уже через шесть дней появилась листовка, в которой заявлялось, что «Союз» будет продолжать свое дело.

Вскоре последовали новые аресты — удалось захватить большую группу единомышленников Старика, среди них особенно выделялись рабочий Иван Бабушкин и сын потомственного почетного гражданина Юлий Цедербаум.

И что же?

Листовки не исчезли. Более того, в самом начале марта был обнаружен адрес от столичных мастеровых. И кому? Французским рабочим. Они, видите ли, поздравляли своих друзей (тоже мне, нашлись дружки!) с годовщиной Парижской коммуны.

Кажется, с какой тщательностью готовились к коронации царя — из Москвы было выслано более ста неблагонадежных лиц, шпиков расставили буквально на каждом шагу, и как гром среди ясного неба — Ходынка, а потом забастовка текстильщиков.

Бедный неудачник в царской короне был жалок — он боялся жить в Москве и в то же время боялся вернуться в Петербург: забастовка длилась свыше трех недель. За это время «Союз» издал тринадцать листков!

И самым странным было то, что Запад тотчас откликнулся на стачку — многие газеты левого направления слали приветствия, Элеонора Эвелин и Вера Засулич руководили движением солидарности, а в Лондоне действовал «Соединенный комитет по делам стачки», оказывая забастовщикам материальную помощь. Это было что-то совершенно новое и, надо прямо сказать, непонятное.

Кичин прищурился, следующие строчки письма заставили его чуточку привстать с кресла.

«Старцу сказали, что вся рыба в реке вымерла, а он хотя бы глазом моргнул, даже улыбнулся и говорит: «Ну что же, рыба умерла — икра осталась».

«Опять этот Старец! Опять этот загадочный Старик!»

Вспомнилась объемистая брошюра «Что такое «друзья народа». Автор неизвестен. Шпики доносят, что в кружках ее зачитывают до дыр. Он взял как-то брошюру домой, надеясь полистать ее на досуге. И, к удивлению своему, прочел всю — от корки до корки, с интересом следя за убийственной логикой автора, заражаясь его молодым, ярким полемическим задором.

Нет, это не пресловутые «Летучие листки» народовольцев с их красивыми, но довольно туманными идеалами. И не либеральные мечтания революционных Маниловых. Тут видна свежая мысль. И человек, написавший все это, видит очень далеко. Он говорит не только о революции в России, но и о всемирной социалистической революции!

Кичин надолго задумался, перебирая в уме всех известных ему теоретиков, которые могли бы оказаться авторами брошюры. Нет, ни один из них ни по яркости мысли, ни по четкости в логике, ни по стилю не подходил. Плеханов? Но и эта догадка отпала. Авторство Плеханова было бы давно известно через заграничных агентов.

Нет, это кто-то именно из молодых.

И скорее всего Старик.

Так неужели ТАМ не оценят, что именно он, Кичин, раскрыл этого опасного преступника?

«Ну, ничего, сегодня мы ему покажем»,— подумал Кичин и хотел было приступить к допросу, но вошел адъютант и сообщил, что «их сиятельство изволит принять их превосходительство». Карета ждет...

* * *

На этот раз Ульянов не узнал Кичина — перед ним сидел совершенно уставший, болезненного вида человек, плечи безвольно опущены, взгляд отсутствующий, тусклый, прическа сбита, очевидно, теребил волосы да так и забыл поправить.

Действительно, Кичин хотя и смотрел в сторону заключенного, но все еще видел перед собой строгое лицо «его сиятельства».

Первый же вопрос ошеломил его.— Знает ли он, кто такие народовольцы?

Кичин начал было отвечать, но его перебили еще более коварным вопросом:

— Арестован ли Александр Ергин, прапорщик запаса?

Кичин ответил утвердительно.

— А известно ли вам, что этот Ергин через посредство рабочего Путиловского завода Николая Полетаева распространял между рабочими номер третий «Летучего листка группы народовольцев»?

Наступила пауза, показавшаяся Кичину вечностью.

Так вот где зарыта собака!

В то время, как в заключении находится опасный народоволец, может быть, замысливший покушение на молодого царя, он, Кичин, ищет каких-то никому не ведомых социаль-демократов, отвергающих бомбометание и страшных только какой-то пропагандой.

Кичин лихорадочно подыскивал наиболее угодный ответ. Но его не было. Да, он знал, что Ергин арестован, но... дело такое огромное, арестованных так много, что...

После очень неприятной длительной паузы ему было брошено короткое «Займитесь...» И аудиенция окончилась.

Возвращаясь к себе, Кичин впервые отчетливо понял, что главным для него во всем этом сложном деле должна стать не погоня за чинами и наградами (бог с ними!), а опасение за прочность своего служебного положения. Ему отчетливо виделась эта проклятая статья инструкции, где сказано, что «просьба об отставке пишется на простой бумаге, с сорокакопеечною маркою, на имя министра юстиции с обозначением причины, по коей увольнение желательно, т. е. или «по болезни», или «по домашним обстоятельствам». Никаких произвольных мотивов отставки в этих просьбах не допускается».

Кичин уже успел убедиться в том, что новый царь робок до трусости, нерешителен до вялости, несчастлив до того, что почти каждый его значительный шаг непременно сопровождается или скандалом, или конфузом. Конечно, преподносить царю накануне коронации такой доклад было в высшей степени неразумно.

Но чего ждут от него, от Кичина?

Ведь за этим коротким «Займитесь...» не стоит никаких конкретных указаний.

Ну, с народовольцами довольно просто — это давние враги престола. Но с этими проклятыми социаль-демократами!..

Поймав на себе любопытный взгляд Ульянова, Кичин постарался приободриться, расправил плечи, приосанился, отчего взлохмаченный хохолок на голове стал еще выразительнее и смешнее.

«Ничего не поделаешь,— горестно думал он,— надо как-то выходить из положения. Но как?»

И, словно забыв о главном, он заговорил о беспорядках в столице, о стачке ткачей, о возмущении мастеровых на Александровском, Путиловском, Обуховском заводах. Он рассчитывал, что Ульянов, расслабившись, хоть чем-нибудь выдаст себя.

И тот действительно отбросил замкнутость, взгляд его подобрел, исчезла и усмешка, так ненавистная прокурору.

Кичин хотел, чтобы он разговорился. И Ульянов, словно выполняя его желание, начал говорить свободно, без напряжения. Беспорядки он объяснял крохоборством хозяев — императора коронуют, на случай торжеств рабочих распускают по домам на три дня. Пей, гуляй. А с расчетом поскупились. Деньги выдали за один день. Вот и результат.

— Откуда вам это известно?— спросил удивленный Кичин.

— Из газет. Вчера принесли целую пачку.

«Однако, ты и хитрец, батенька,— подумал Кичин.— Прикинулся простачком. Ну-ну...»

Он заговорил о том, что забастовку поддерживают деньгами из Берлина, Лондона и даже Нью-Йорка, что рабочие требуют восьмичасовой рабочий день (при этом Ульянов сказал сочувственно: «И это тогда, когда вам, господин прокурор, приходится работать по восемнадцать часов в сутки»), что государь обеспокоен и требует принять срочные меры.

— Аресты?— понимающе кивнул Ульянов.

— Не только. Может быть, и закон о сокращении рабочего дня.

— Ну, это вряд ли,— сказал Ульянов.— Это же принесет колоссальные убытки.

Они смотрели друг другу в глаза сочувственно и даже любезно, но каждый думал о своем.

Кичин искал возможность перейти к главному.

А Ульянов вспоминал о проекте программы, который он писал молоком между строчек легальной книги и передавал на волю.

...Этого ты, милейший, не знаешь. Да и в силах ли ты понять настоящий смысл всего, что происходит не только в столице, но и в Москве, в Киеве, в Харькове?! Не хватил бы тебя кондрашка, если бы ты узнал, что мы стоим на пороге первого съезда партии!

Впрочем, как бы разгадав что-то во взгляде Ульянова, Кичин протянул ему листовку.

Ульянов, быстро взглянув на листок, не смог удержать радости, весь загорелся, даже глаза заблестели.

...Так вот ты какая, вольная моя птица! Все-таки вылетела за решетку и теперь гуляешь по заводам. Что ж, счастливого тебе полета!

Кичин заметил оживление заключенного и, водя пальцем по строчкам, все приговаривал:

— Читайте, читайте. Какая наглость! Не государю императору, а прямо «царскому правительству». А выражения каковы! «Хвастовство министров...— хвастовство полицейского солдата, который ушел со стачки небитым»! И подписано: «Союз борьбы». Каково?

Ульянов молчал.

Он думал о Наде — какое счастье, что она на свободе, ведь благодаря ей жива эта листовка.

Кичин расценил молчание заключенного по-своему и решил нанести решающий удар.

— И мы знаем: все это — дело ваших рук, Старик,— не снижая тона, проговорил он.— Это ваши люди приходят на заводы, заводят друзей среди рабочих, залезают в каждую щелку, ведут беседы. И какие беседы! Это же надо знать!

Он так увлекся, что не замечал невыгодного для себя пафоса.

— Потом они тайно печатают листовки, в которых каждое слово, каждая буква понятна мастеровому. А вывод? «Долой царя!» Сначала стачка, потом бунт, потом революция.

Ульянов склонил голову.

— Что ж, вы это знаете, очевидно, лучше меня.

Кичин уловил, конечно, скрытую иронию в этих словах и еще больше распалился — в голосе уже не было ни капли елея.

— Теперь вам ясно, как мы расцениваем ваши экскурсии на заводы? Вы полагаете, что мы настолько наивны, что не знаем,

зачем вы ездили за границу? Для встречи с Плехановым.

Совсем не отвечая на последнюю тираду, Ульянов опять поскучневшим голосом сказал, что в камере он, естественно, не мог напечатать листовку, а за границу ездил на лечение после воспаления легких, причем воспользовался возможностью заняться в библиотеках Парижа и Берлина по предметам своей специальности.

— А что означает эта телеграмма?— быстро спросил Филатьев, подавая телеграфный бланк.

Это было что-то из области сюрпризов. Необходимо немедленно избрать правильную тактику. Самым лучшим будет, пожалуй, не проявлять никакого интереса к телеграмме.

И Ульянов даже не протянул руки. Филатьеву самому пришлось громко прочесть: «Ульянову из Регенсбурга. Товар высылаем. Счета оплачены. Срочно высылайте новые заказы».

— А подпись?

Это был самый щекотливый вопрос: подпись могла значительно усложнить все дело.

Но когда Филатьев, откладывая бланк в сторону, сказал: «Подписи нет»,— а Кичин воскликнул: «Так что вы на это скажете?» — Ульянов усмехнулся: «Пока лишь одно — грубо нарушена тайна переписки».

— Вы по существу отвечайте!

И еще более скучным голосом Ульянов начал объяснять, что телеграмма адресована не ему, а, судя по содержанию, какому-нибудь торговцу. «Я же, как вам известно, никакой торговли не вел, не веду и не собираюсь вести».

— Но вы же не станете отрицать, что вы Ульянов!

— Ульяновых в Петербурге, я полагаю, сотни.

Опять наступила длинная пауза.

— И все-таки,— устало проговорил Кичин,— у нас есть сведения о том, что вы встречались с Плехановым.

Ульянов чуть повернулся в сторону адъютанта, ведущего протокол, и заговорил размеренно, словно диктуя:

— Так как мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов, как я слышал, проживает вблизи Женевы, а я ни в Женеве, ни вблизи ее не бывал и, следовательно, не мог иметь с ним никаких сношений.

— У нас есть свидетели!— почти выкрикнул Кичин.

— Укажите мне их,— спокойно попросил Ульянов, заранее зная, что никаких свидетелей прокурор представить не может. Кичин, нагнувшись, что-то прошептал Филатьеву, а тот, нахмурясь, пробормотал:

— Мы это сделаем позднее.

— Ну, раз так, то и я не могу дать объяснений по существу, вследствие того, что мне не названы показывающие против меня лица.

На этом официальная часть допроса закончилась. Ульянов начал просматривать протокол допроса. Филатьев с озабоченным видом ушел. А Кичин снова превратился в радушного хозяина. Он даже сказал, что начинает проникаться к Ульянову некоторым уважением, и, вынув из стола гектографическую брошюру, со смехом прочел цитату, где говорилось, что Михайловский, как только попробовал от фраз перейти к конкретным указаниям, так и сел в лужу.

Ульянов, краем уха слушавший его, ждал, прочтет ли он продолжение цитаты.

И Кичин не удержался, прочел: «И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью».

Отбрасывая брошюру, Кичин, смеясь, повторил несколько раз: «Брызжет кругом грязью!»

— Каково нынче стали писать, а?

— В такой позиции часто оказывается не один Михайловский,— сказал Ульянов, ставя на протоколе свою подпись.

Кичин выпрямился, улыбка медленно сходила с его лица.

— Скажите,— сказал он проникновенно,— ведь это писали вы? Ей-богу, больше некому, только вы.

Ульянов стоял, чуть наклонив голову вперед.

— Об указанной мне книге,— сказал он быстро, как человек, занятый неотложным делом,— ничего фактического сообщить не могу, так как о существовании оной узнал здесь, на допросе.— И, чуть подняв подбородок, спросил в упор:— Когда состоится суд?

Кичин был уверен, что сейчас заключенный заговорит о передаче его на поруки — присяжный поверенный Волькенштейн уже делал попытку хлопотать об этом.

— Не торопитесь,— сказал он протяжно.— Каторгу вы получить успеете, молодой человек.

Глаза его снова приобрели масленый блеск. «Ну что, дружок, съел?» — как бы говорил этот ласковый взгляд.

Но Ульянов ничуть не смутился.

— Мы требуем,— сказал он, не повышая тона,— ускорить разбирательство дела.

— Вот как вы заговорили!— отступая назад, сказал Кичин и слегка прищурился:— Требуете? А кто это мы, позвольте узнать?

— Все привлеченные по данному делу и их родственники.

«Еще не хватало!» — подумал Кичин, чувствуя, как на левом виске запрыгала жилка.

— Вы не можете не знать,— продолжал Ульянов,— что нескончаемо долгое сидение в одиночных камерах губительно сказывается на здоровье. Петр Запорожец заболел нервным расстройством. У Анатолия Ванеева обострилась чахотка...

— Прекратите!— не выдержав, закричал Кичин.— Сейчас вы арестованный, а не присяжный поверенный.

Ульянов слегка приподнял правую ладонь и спокойно докончил:

— У многих арестованных начались желудочные и язвенные болезни. И мы требуем — слышите? — требуем передачи дела в суд.

Кичин ехидно улыбнулся.

— Суда вообще не будет.

— Значит, наше дело решается административным порядком?

— Именно решается,— сказал Кичин, подчеркивая последнее слово.

ОГОНЬКУ СООБЩАЮТ

ДЛЯ ЛЕНИНСКОЙ

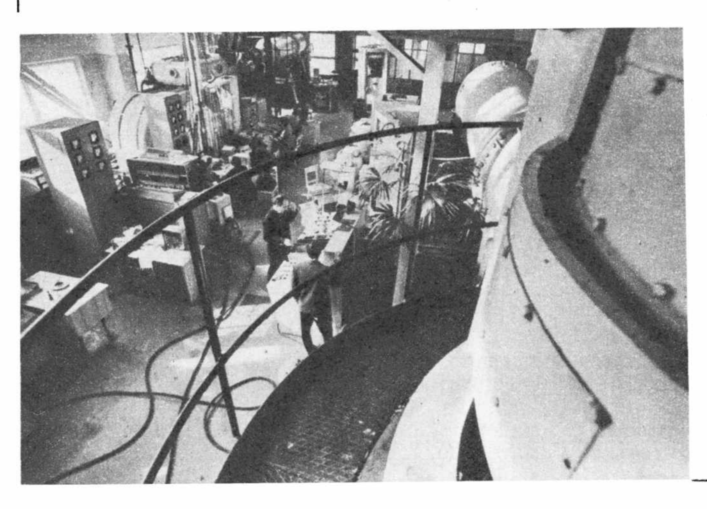
Саяно-Шушенская ГЭС! Ее еще нет на карте. Первые кубометры бетона в фундамент будут уложены в семидесятом году. Но о новой ГЭС каждый день идет речь на берегах Невы — в цехах заводов, в лабораториях научно-исследовательских институтов. Эта величайшая в мире гидроэлектростанция — Ленинская — создается на Енисее в честь столетия со дня рождения основателя нашего Советского государства В. И. Ленина. И все заказы с пометкой «Саяно-Шушенская» первоочередные.

Проектное задание предусматривало мощность гидроэлектростанции в шесть с половиной миллионов киловатт. В ее зале намечалось смонтировать двенадцать турбин, по пятьсот сорок тысяч киловатт каждая. Но когда конструкторы, исследователи, инженеры-технологи и ученые произвели не одну сотню расчетов и исследований, то пришли к смелым выводам: будет не двенадцать, а десять турбин! И мощность каждой из них увеличится с 540 до 650 тысяч киловатт. В одном агрегате — весь Днепрогэс! Причем величина и вес турбины останутся неизменными. Таких энергогигантов не знала еще мировая практика!

Новый вариант эскизного проекта позволит сэкономить сотни тонн металла, сократится время станочной обработки деталей, транспортировки и монтажа их на станции. Наконец, уменьшатся затраты на сооружение самого здания ГЭС.

Новый проект рассмотрен и одобрен. На Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС началась разработка технического проекта небывалых гидротурбин.

За плечами у конструкторов богатейший опыт: от самой первой водяной турбины всего на 270 киловатт, выпущенной в 1924 году, до Саяно-Шушенской. Но дело, конечно, не только в масштабах, но и в надежности, экономич-

В гидротурбинной лаборатории.
Фото Л. Шерстенникова.

СТРАНА НА ПЯТИ ГЕКТАРАХ

Ни у кого нет столь обширного рабочего места, как у геологов. По нехоженым маршрутам проникают они в таежные глубинки и на вершины гор. Им и раскаленные пески не преграда, и морское дно им доступно. И само собой разумеется, что для каждого случая существует свой способ разведки земных недр, и год от года все богаче становится арсенал средств, все совершеннее методика исследований.

Как же обучать геологоразведочным премудростям? Необъятность рабочей территории стала особенно ощутимо сказываться на сроках студенческой практики, а сама практика в полевых условиях начала терять эффективность без хорошо оснащенной лабораторной базы. Как тут быть?

Выход предложили те, кто открыл бухарский газ и цветные металлы Алмалыка, золото Кызылкумов и минеральное сырье Султан-Уиздага... В Ташкенте начато строительство первого в стране учебного геологоразведочного комплекса. На пяти гектарах будет представлено все, чем располагает ныне наука и практика исследования недр. Кроме учебного здания, рассчитанного на обучение 600 студентов, здесь оборудуется полигон со стационарными и передвижными буровыми установками, четырехэтажный лабораторный корпус, геологический музей. Учащиеся смогут производить любые анализы, заниматься сейсморазведкой, радио- и электрометрией, экспериментировать с применением радиоактивных элементов.

В отличие от других подобных учебных заведений ташкентский техникум будет готовить кадры по всем специальностям геологоразведки.

Строительство учебного комплекса решено закончить в 1970, юбилейном ленинском году.

Ю. ШОПЕН

ности и долговечности агрегатов. Случилось так, что после Великой Отечественной войны на Днепрогэсе были смонтированы три турбины американского производства и шесть — Металлического завода. Наши по всем показателям оказались лучшими. Это признали сами американцы. С тех пор советские инженеры не уступают своего первенства в гидротурбостроении.

— В Саяно-Шушенской турбине,— рассказывает один из создателей днепровских машин, начальник гидротурбинной лаборатории, лауреат Государственной премии Ф. В. Аносов,— мы добились наивысшего коэффициента полезного действия — 95 процентов. Такого мы достигли впервые. А один процент — это тысячи и тысячи киловатт электроэнергии дополнительно.

В эти дни гидротурбинная лаборатория и конструкторское бюро слились как бы в один огромный заводской исследовательский центр. А он, в свою очередь, связан с работой краматорских, ижорских и невских металлургов: высокие мощности и скорости вращения требуют новых сверхпрочных сталей.

— Мы приняли социалистическое обязательство,— сказал нам главный конструктор гидротурбин, профессор Г. С. Щеголев,— закончить технический проект в этом году. Обязательство это будет выполнено. Коллектив завода помнит: турбины пойдут на Ленинскую ГЭС...

К. ЧЕРЕВКОВ.

«ОБРЕЧЬЕ, ИМЕНИЕ ЛЕВИНА...»

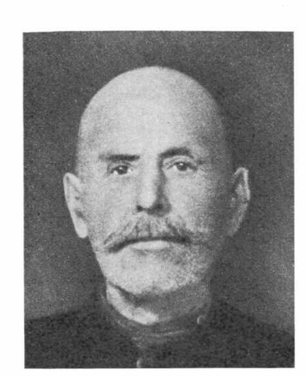
4 июня 1887 года Надежда Крупская отправила в Ясную Поляну бандероль с романом «Граф Монте-Кристо», переделанным ею для издательства Сытина, которое в то время предпринимало переиздание для народа в сокращенном виде некоторых произведений мировой литературы.

В письме она просила Льва Толстого порекомендовать ей еще книгу для подготовки к печати и сообщала свой адрес: «Станция Николаевской железной дороги Окуловка. Обречье. Имение Левина. Надежде Константиновне Крупской».

Деревня Обречье одной длинной, извилистой улицей окаймляет берега тихой речки Перетны.

Пионеры из Ленинграда искали следы пребывания здесь Н. К. Крупской. Жительница деревни Анна Николаевна Логинова повела их на свой огород. Из-под земли кое-где выступали большие камни. Анна Николаевна сказала, что это и был фундамент дома Левина. Логиновы, старожилы этих мест, как и большинство их односельчан, не могли в конце прошлого века обучать своих детей грамоте, да и школы никакой поблизости не было. Но отцу Анны Николаевны, одиннадцатилетнему Коле Логинову, повезло. Однажды с мальчиком заговорила девушка, приехавшая из Петербурга. Через несколько дней Надя Крупская стала обучать грамоте Колю, его младшего брата, а также их приятелей братьев Зубовых. В свою очередь, Коля и его друзья учили свою наставницу различным крестьянским работам. В сенокос молодая Крупская помогала Логиновым убирать сено.

С. РУБАНОВ,
педагог Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова

На снимке: Николай Николаевич Логинов — ученик Надежды Константиновны Крупской.

СЕТИ В ЛЕСУ

Сетями ловят не только окуней, но и зайцев. По лесным просекам, вдоль опушек егеря протягивают зеленую сеть высотой около метра и длиной в километр. Бригада загонщиков обходит лес стороной, а потом цепью — через него. Стреляют в воздух, кричат, тарахтят погремушками. Шуму надо много, чтобы не выдержал заяц. Иначе он может отсидеться в ямке или уйдет в сторону.

Такой отлов зайцев пришлось наблюдать недавно на Херсонщине. Тут много развелось их. Дело не только в том, что зайцы вредят посевам, посадкам. Отлов ведется главным образом для того, чтобы переселить зверей в леса, примыкающие к крупным городам, и обогатить фауну.

Зайцы, которых мне удалось сфотографировать, попали в один из подмосковных лесов. Уже много зверей-переселенцев живет сейчас вблизи столицы. Сюда завозятся пятнистые олени, маралы, косули, кабаны, тетерева, глухари.

В. РЫБИН

Фото автора.

«А ты, голуба, полагал, что мы дадим тебе возможность ораторствовать в суде?— подумал он, внутренне торжествуя.— Нет, не на таковских напал!»

Укоризненно качая головой, он опустился в кресло.

— Юрист, а задаете такие нелепые вопросы. Нахождение в одиночных камерах зависит не от нас, а от обширности дела. И потом... разве вам не известно, что приговор в окончательной форме зависит не от департамента полиции и не от министерства юстиции, а от его императорского величества?

Когда Ульянова увели и Кичин остался один, он, случайно обернувшись, увидел в стекле раскрытого окна свое отражение и ужаснулся.

Улыбаюсь? А чему? Странно. Неужели я уже настолько оказенился, что потерял контроль над собой и действую как щедринский органчик?! Каким дураком я был, когда решил назвать это огромное дело именем Ульянова! Ведь он швырнет меня в лужу так же легко и просто, как кинул Михайловского. Сам адвокат, он бросит в бой адвокатуру. И найдутся, конечно, найдутся первоклассные адвокаты, которые докажут несостоятельность обвинений. Поднимут шум столичные публицисты — уж кого-кого, а своего брата-публициста они найдут возможность поддержать. И, наконец, во весь голос завопит эмиграция: Плеханов и другие. А то, что Ульянов с ними связан, бесспорно.

— Так чему же вы улыбаетесь, милейший?— громко спросил он у своего отражения и, приблизившись, опять улыбнулся и прищурился.

— Боже, как противна эта дурацкая улыбка, как гадки эти прищуренные глаза... Да и все это зачем, к чему, для чего?

Он немедленно вызвал Клыкова и весь свой гнев обрушил на него.

— Почему не доложили подробно о Ергине? Что это за группа? Что-о, народовольцы? Обнаружена типография? И вы молчите? Примите, подполковник, мое неудовольствие вашим поведением. У вас главное дело, а вы ни звука.

Клыков от удивления заметно дернул головой, у него беспомощно раскрылись губы. «А Ульянов?» — хотел спросить он, но с усилием заставил себя проглотить слюну, чтобы только промолчать.

— Попрошу вас,— с подчеркнутой вежливостью продолжал Кичин,— все дела о типографии доставить ко мне. Допросы проводить в моем присутствии. А вам, кроме того, поручается приискать фигуру для поименования дела «стариков».

— А Ульянов? — Теперь уже Клыков не смог удержаться от вопроса.

— Не годится. И смотрите...— Кичин прищурился, словно целясь в переносицу собеседнику,— смотрите, чтобы у вас не получилось, как с чемоданом желтой кожи. Помните?

Клыков мотнул головой, изображая поклон, и тяжело зашагал к двери. Он знал, что Кичин остановит: подойдешь, возьмешься за ручку, а он тебе слово — изволь краем уха ловить его, оборачиваться да еще и изображать улыбку. Так и произошло.

— И вот еще что... наблюдение за квартирой на Старо-Невском... ну, в том доме с проходным двором... возьмите под контроль.

«Ах, коварная лиса,— думал Клыков, шагая по коридору.— Ульянова боится и ненавидит и хочет укусить побольнее...».

Продолжение следует.

19 МАЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СУДЬБА ЮНОГО ЗНАМЕНОСЦА

Случилось так, что читатели «Огонька» дважды видели его фотографию на страницах журнала. 1952 год. Первая страница обложки 4-го номера. В Московском Доме пионеров ребята слушают рассказ об Ильиче. Среди них и он, Виль Фунтиков, ученик 36-й школы (мы отметили его на снимке крестиком). Пройдет четыре года. И в 44-м номере журнала за 1956 год появится фотография с подписью «По традиции учебный год начался выносом знамени». Знаменосец — тот же Виль Фунтиков. И вот третий снимок, сделанный несколько дней назад: юный знаменосец стал офицером...

Судьба знаменосца неразрывно связана с судьбой знамени.

Летом 1942 года в Москве формировался 85-й комсомольский полк гвардейских минометов — «катюш». За несколько дней перед отправлением на фронт в полк прибыла делегация пионеров Москвы и перед строем части вручила знамя лучшему дивизиону. Минометчики прошли с боями тысячи километров — от донских степей к волжской твердыне и от Волги до Восточной Пруссии. И всюду рядом с боевым гвардейским знаменем находилось знамя пионеров.

А потом фронтовики привезли потемневшее от порохового дыма, пробитое осколками знамя в Москву. Они передали его Московскому комитету комсомола с просьбой гвардейцев — вручить его лучшей пионерской дружине столицы. Так оно попало в 36-ю школу и осталось в ней навсегда. Но ребята не знали о нем ничего: как оно оказалось в полку, кто его нес в бою? Так родилось боевое задание юным следопытам. Самым упорным оказался Виль Фунтиков. Он смотрел картотеки Исторического музея, архивы, старые газетные подшивки.

Фунтиков и его товарищи узнали адреса бывшего комиссара полка Петра Петровича Гука и политработника Терентия Моисеевича Горба. А через некоторое время пионеры принимали в школе ветеранов полка и записывали их рассказы. Во время одной из встреч решили совершить пеший переход по местам боев полка. Первый маршрут в четыреста километров проходил от города Серафимовича до Волгограда. Ребята взяли с собой пионерское знамя. Руководителем и знаменосцем похода был Виль Фунтиков. Летом следующего года школьники снова отправились в путь, на этот раз в район Орла — Мценска. И снова руководителем и знаменосцем похода был Виль Фунтиков.

Третий поход юные следопыты совершили по Прибалтике. Пионеры прошагали 180 километров, пока не разыскали могилу героя полка капитана Петра Маланова, имя которого носил их отряд.

Шли годы. Ребята взрослели, и однажды Виль Фунтиков сказал: «Хочу служить в гвардейском минометном полку». Вся школа провожала Фунтикова в армию. В совет дружины стали приходить от Виля письма. А потом, в канун годовщины Советской Армии, приехал и он сам в составе делегации воинской части. Перед учителями предстал бравый солдат. Ладно сидит на нем перехваченная ремнем шинель. Тверже, суровее стал взгляд, расправились плечи. Словно прошел не год всего, а целая жизнь. Настоящий военный!

...Совсем недавно, в канун Дня Победы, в 36-ю школу пришел молодой офицер с погонами капитана. Это Виль Иванович Фунтиков. После действительной службы он окончил Высшее общевойсковое командное военное училище имени Верховного Совета РСФСР, стал политработником. Старший начальник очень хорошо отзывается о нем. Коммунисты избрали его в партком части.

19 мая, в день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, Фунтикову исполнится 31 год, его сыну — четыре. Вот как сложилась судьба знаменосца-пионера с обложки «Огонька».

М. ПЕВЗНЕР

Мо

Из-за поворота в летнем ветре
Вылетел гудящий грузовик,
И склонились, как в поклоне, ветви,
А подсолнух рыжий, что привык
Головой вертеть, он беглым взглядом
Проводить успел почти во сне
Парня, что, форся, промчался рядом, —
Сотня лошадиных сил в коне.

Сельское, куда ты мчишься, чадо?
Здесь повсюду мирные хлеба.
Что здесь, друг, твоей машине надо,
Где скрипела вечная арба?

...Был бескраен мир, и наши деды
Жизнь вели в пути, среди полей,
На арбе, под мерный ход беседы,
В детстве — на коленях матерей.
Жизнь текла в дороге, чередуя
Исстари достойные хвалы
Первые слова и поцелуи.
Да шагали старые волы.
Тише, ветер, спят молодожены...
В колыбели облака вот-вот
Плавно встанет день новорожденный.
Там, глядишь, и старость подойдет.
Скоро отдохнешь от этой доли...
День и ночь опять скрипит арба:
В поле — и домой — и снова в поле —
Счет минувшим дням ведет судьба.
День и ночь — и снова без оглядки
Ткут и ткут упрямо полотно,
Чтоб покрыло путь земной негладкий,
Что пройти им было суждено.
Длинный путь — в хлебах, в речной осоке,
Рядом с домом, проще говоря.

Но однажды встала на востоке
Властная сентябрьская заря.

Как ее я встретил, парень здешний?
Сердце мне от радости свело.
Я с отрядом, шалый и безгрешный,
С гор спустился весело в село.

О воспоминанья! Ваша прелесть
Часто мной владела, за ту грань
Я смотрел всегда, когда хотелось,
Дням прошедшим отдавая дань.
Дань всему тому, что безвозвратно
Отлетело где-то по пути
И осталось там, куда обратно
Вряд ли мне когда-нибудь прийти...

Вряд ли — сколько здесь самообмана! —
Будто сладость вязкая во рту...
Никогда — ни поздно и ни рано!
Уважаю эту прямоту.

С правдой эта формула согласна,
Чуждая обманчивой игре.
Это слово жесткое прекрасно,
Коль стоит надежно на добре.
Никогда!
Не сможет, в самом деле,
Загреметь иссякший водопад,

Димитр МЕТОДИЕВ

НОЛОГ В ПУТИ

Листья, что под ветром облетели,
Средь ветвей уже не зашумят.
Горе тем, кто молодость, как зелье,
Черной кружкой осушил до дна
На чужом пиру, в чужом похмелье,
Где она почти что не видна.

Слава богу, что прошла не с краю
Яростной борьбы моя стезя.

...У дороги руку поднимаю.
Грузовик скрежещет, тормозя.
Погружен в раздумье, среди сини,
Будто выпил где на стороне,
Я лечу с парнишкой по равнине —
Сотня лошадиных сил в коне.
А земля бросается под шины,
Стелется машина по земле,
И рука, пропахшая бензином,
Как она спокойна на руле!
По щеке размазан след тавота,
А черты румяного лица
Так напоминают мне кого-то,
Как напомнить может сын отца.
Чей ты сын?.. А ветер бьет упруго...
Спрашивать не стану я сейчас.
Это сын ровесника и друга.
Это сын кого-нибудь из нас...

— Вам куда? — спросил ты между прочим.
Что ж не отвечаю я, чудак?
Может быть, вопрос не слишком точен,
Может, понял я его не так.
Путники и ровная дорога.
Поднял руку — просьба в небольшом.
Да и весят в общем-то немного,
Даже если вместе с багажом.
Путники! Но это же прекрасно,
Их не торопитесь осудить.

Милый мой, ты хмуришься напрасно,
Кажется, решил меня ссадить...

Мы летим дорогою куда-то,
Здесь, в краю, где все родное мне,
Где мы, деревенские ребята,
Думали о том, грядущем дне.
Здесь же, сбросив майку, над плотиной
Сочинял я первый свой куплет.

Здесь я стал работником партийным,
Старостою в двадцать с лишним лет.

Я венчал. Крестил. В ту жизнь врубался —
Шли ко мне за делом стар и мал.
Жил, как все. Как все, и ошибался
И потом ошибки исправлял.

И труды, что были б многотомны,
Здесь зарыл, навек похороня.
Потому, быть может, и запомнят
Земляки сердечные меня.
Не считаю, что я дал промашку.
Хватит и того мне, кем я был;
Как ходил в тужурке нараспашку,
И как жег меня тот дерзкий пыл;
Как по вечерам в райкоме, где мы
Общую лелеяли мечту,
Кровные и смутные проблемы,
Вечные и временные темы
Нами разрешались на лету...

Но о чем жалею временами:
Я никак не вспомню — вот беда! —
Чтоб иное обжигало пламя,
Чтоб иными занят был делами,—
Целовал кого-нибудь тогда...
Видно, упустил я время это,
Что дается в жизни только раз,
Среди ржи, посередине лета
Глянуть в глубину девичьих глаз,
И исчезли губы в дымке где-то,
Навсегда, как понял я сейчас.

Дни былые, вами жизнь согрета —
Ни на что не променяю вас.

Молодости дни теперь неблизки,
Но стоят в строю они одном,
Будто в том подсолнечника диске
Семена застыли — день за днем.
Молодость дает мне это диво —
Парнем деревенским быть опять,
Синевой наполненные сливы
С веток провисающих срывать.
Молодость дает мне право ныне
И на тех, кто средь иного дня
Будет жить на этой же равнине,
Будет вместо прежнего меня.
И сады с тяжелыми плодами,
И опять подсолнухи рядами,
Даже твои светлые глаза,
Что с моими встретились глазами,—
Это все планировалось нами,
Это часто снилось нам, друзья...

Заседанья долгие ночами,
Новой власти первая стезя!

Мало ли мы в жизни упустили!
Сил и дней не столь велик запас.
Но мы были молоды. Мы были
Щедрыми, как молодость у нас.

Что? Куда мне? Средь дорожной пыли,
Право, сам реши на этот раз.

День придет — и я сойду с машины
И исчезну в нивах, невдали.
В жизни целью жили мы единой:
Жили, то есть к будущему шли.
За тебя сражались мы когда-то,
Чтоб ты вырос в чем-то лучше нас,
Чтоб душа твоя была богата,
Больше власть, точней и зорче глаз.
Чтобы мог продолжить ты умело
В час, когда на это призовут,
Наше неоконченное дело,
Начатый когда-то нами труд...

Эй, шофер! Моею станешь сменой.
Угадал ты, мыслями я где?
Так сжимай свой руль рукою смелой
И лети, лети к своей звезде.
И еще — не спрашивай-ка больше,
У какого осадить плетня.
Мы с тобой слова из песни общей,
Рассмотри внимательней меня.
Не знаком я? Что ж ты смотришь строго?
Ты ж не знал меня, а не забыл.
Огорчаюсь все-таки немного:
Как-никак, здесь старостою был.
Да, но разве знаю я хоть что-то
О давнишнем парне молодом,
Том, что строил дом, блестя от пота,
Чтобы там родиться мне потом.
Скромный мастер, он ушел далёко,
В наши не вернулся он края,
Чтобы людям не было упрека:
Вот, мол, этот дом построил я.

Так труды, что были б многотомны,
Здесь и я зарыл, похороня.
Может быть, когда-нибудь припомнят
Земляки сердечные меня.
Не считаю, что я дал промашку.
Хватит и того мне, кем я был,
Как ходил в тужурке нараспашку
И как жег меня тот дерзкий пыл.
Хватит, что живу я не иначе,
Что в строю, как прежде, я досель,
В битвах за текущие задачи,
За одну большую нашу цель.
Хватит, что сижу с тобою рядом.
Старые тесня́ки [1] — до меня,
Ты — за мной, мы все — одним отрядом,
Я бессмертью общему родня!
Время имена сотрет и лица,
Но проглянем все-таки из тьмы,
В памяти сумеем сохраниться,
Землю переделавшие, мы.
Потому что выше доли нету,
Чем горючим быть и поутру
Вывести усталую планету
На орбиту, близкую к добру...

Грузовик гудит одноголосо,
И поет, сияя, небосклон,
И земля ложится под колеса,
Издавая ликованья стон.
И подсолнух успевает взглядом
Проводить мгновенно, как во сне,
Парня, пролетающего рядом,—
Сотня лошадиных сил в коне.

Здравствуй,
юность!
Искренне и смело
Здесь, в полях, страдала ты и пела,
Сохранила веру, честь, любовь,
Здравствуй,
и пускай ты отлетела,
Ты осталась, ты со мною вновь!

**Перевел с болгарского
Константин Ваншенкин.**

[1] Тесняк — член Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов).

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЛЕОНАРДО

Свобода — главный дар природы.

Леонардо да Винчи

КОСТРЫ ВО ВТОРЫХ АФИНАХ

Сегодня Флоренция обезумела... С утра, словно гонимые медной плетью колоколов, по городу рыскают отряды молодых инквизиторов. Эти юные слуги Христа, наряженные в белые балахоны, стриженные под скобку, вламываются в дома, срывают картины, калечат скульптуры, старинную утварь, рвут книги, крушат все красивое.

С гнусавым пением это ополчение одичавших юнцов тащит через весь город творения художников, поэтов, мастеров. Они идут, размахивая алыми крестами. Вот они шагают по понте Веккио, и вдруг один из молодых фанатиков под улюлюканье друзей выбегает из шеренги и кидает в мутные волны Арно жалобно звенящую виолу. Это словно послужило сигналом другим, и в реку вмиг полетели античные статуэтки, древние фолианты. Вой, смех, визг злым эхом разносились по притихшим улицам.

Зловещая пирамида на площади Синьории, у палаццо Веккио, все росла и росла. Она была сложена не из огромных каменных глыб, способных противостоять векам,— она была хрупка, эта небывалая гора из музыкальных инструментов, ветхих папирусов, женских нарядов, творений живописи, скульптуры и книг.

Словно гонимые бесами, кружились в адской карусели тощие мальчишки и грузные монахи, топча творения Платона и Овидия, Боккаччо и Петрарки, Боттичелли и Леонардо да Винчи, бесценные шедевры Древней Греции и Рима. Доминиканцы в черно-белых одеждах укладывали поленья. Готовили костер для «сожжения сует». Так назвали эту акцию безумствующие аскеты.

Площадь Синьории, тесная, сжатая обступившими ее зданиями, была до предела набита людьми.

Кто не хочет поглядеть, как сожгут бесценные ценности, кто не хочет послушать самого Савонаролу?

Весь день хлопотливо и угрюмо воздвигался костер, этот монумент невежеству, фанатизму и мраку. И когда ожидание стало невмоготу, когда эта страшная гора, сверкающая всеми цветами радуги, казалось, достигла небес, над притихшей площадью, над тысячной толпой вознесся истошный, резкий крик проповедника: «О Флоренция, о Рим, о Италия! Прошло время песен и праздников, вы больны, даже до смерти... Мне остается только плакать... Милосердия, господи!»

Истощенный постом, истерзанный ночными бдениями, этот человек с бледным, словно выгоревшим лицом, воздев к небу тонкие, худые руки, вопил: «Смотрите, смотрите, вот уже небеса почернели!.. Солнце багрово, как запекшаяся кровь. Бегите! Будет дождь из огня и серы, будет град из раскаленных камней... У вас не хватит живых, чтобы хоронить мертвых... Бегите!»

Голос монаха звенел, раскалывая тишину притихшей площади. Сегодня он повелевал умами и сердцами этих людей. Думал ли он, что не пройдет и трех лет, как сам он, нынешний вершитель судеб Флоренции, измученный пытками, под гробовое молчание толп народа взойдет на эшафот, и через мгновение языки пламени поглотят его и двух его соратников. Поглотят навеки.

Но сегодня он на гребне славы и силы, сегодня он сокрушает кажущееся ему зло, заключенное в «суете сует» — книгах, картинах, музыке... Сегодня он предает анафеме песни и танцы, любовь и красоту. «Я посею между вами чуму, такую страшную, что от нее никто не убежит... Травою зарастут улицы, лесами покроются дороги...»

Голос проповедника все крепнет, его слова таранят души, терзают сердца, туманят разум. «Я проклинаю вашу гордость, и мне противны даже жилища ваши, все будет сожжено, все будет уничтожено, а вы все пойдете в царство дьявола».

Страшные слова словно сжигали в людях веру в надобность счастья, любви, знания. Над толпою, как порыв ветра, пронеслись вздохи, стенания, плач.

И вот загудел колокол. Его молотоподобный звон перекрыл все звуки и заполнил площадь. Костер запылал. Сперва огонь неохотно лизал хворост, потом перекинулся на бревна и поленья, а затем набросился на эту проклятую роскошь, эти окаянные краски, эти мерзостные страницы стихов. Эту суету!

Пламя взлетело до самого шпиля башни и словно обагрило кровью шершавые камни палаццо Веккио. В арках лоджий залегли черные тени. Жар костра накалил воздух, в его дрожащих струях плясали искаженные лики юродствующих инквизиторов. Рев пламени сливался с криками, воем, пением. Наконец толпа не выдержала и стала пританцовывать, вертеться, и скоро сумасшедший хоровод окружил бушующий огонь. Чад, гарь и смрад затмили небо, погасили звезды.

...Последний сноп искр высоко взметнулся к небу и медленно угас. Мрак окутал площадь. Казалось, сама старуха средневековье, повернув стрелку часов истории, вернулась справить тризну по свету и радости.

Люди, ошалевшие от огня, от воя фанатиков, оцепенели от внезапно наступившей тишины и мглы. Внезапно молчание прорезал одинокий детский плач. Народ вздохнул и, словно по незримой команде, вдруг рванулся с площади.

Тишина и тьма на пьяцца Синьории. Холодный, порывистый ветер гонит по мостовой тучи седого пепла. Все, что осталось от сожжения «сует»...

Это было в самом конце пятнадцатого века — Кватроченто, как называют его итальянцы.

Страницы истории...

ВЕРРОККИО ПОРАЖЕН

Радуга расцвела на синей вершине Монте Альбано, и простерла свою сияющую параболу над маленьким городком Винчи, над его белой башенкой, над черными кипарисами, и, сверкнув павлиньим хвостом в водах Арно, скрылась за крутогорбыми зелеными холмами.

Ночью была гроза. Но к рассвету ветер разогнал тучи, утро встречало юного Леонардо блеском росы и птичьим гомоном... Необыкновенное утро. Ведь сегодня четырнадцатилетний Леонардо, сын нотариуса Пьеро да Винчи, прощается с детством и уезжает во Флоренцию, чтобы учиться живописи у самого Верроккио!

Он никогда не забудет эти края — зеленые долины, обрамленные лиловыми горами, высокое небо с гордо парящими в нем птицами и свежий ветер, доносящий до слуха рожок пастуха и звон благовеста. Будущий художник не раз вспомнит родниковый, прозрачный воздух, запах росы и горных трав, журчание ручья и веселую песню дрозда, а главное — безмятежную тишину и раздолье, которого так ему будет не хватать в суетной и шумной столице Тосканы.

Леонардо еще в детстве полюбил природу и привык неспешно *созерцать* ее красоту. Это помогло ему уже в первых, порою наивных рисунках проявить такую зоркость глаза и твердость руки, что его работы, привезенные отцом к великому Верроккио, поразили мастера.

Итак, судьба юноши решена. Отныне все его устремления, все помыслы будут отданы искусству, ведь так рассудил мессир Верроккио... Но откуда было знать маститому живописцу, какого демона он извлек из маленького местечка Винчи в 1466 году.

Боттега — так назывались мастерские художников в то время. Боттега Верроккио была известна своими учениками; ведь в ней работали такие славные и ставшие после великими художники, как Перуджино, Боттичелли. С ними учился и молодой Леонардо.

Флоренция тех лет была в зените своего расцвета. Род Медичи, правивший Тосканой, уделял много сил развитию литературы, науки и искусства. Недаром Флоренция претендовала в те годы на гордое прозвище «вторых Афин».

Годы учебы, познания мастерства, анатомии, перспективы летели незаметно. Леонардо радовал своего учителя успехами, и вот настал момент, когда маэстро привлекает ученика к участию в работе над композицией «Крещение Христа», в которой Верроккио поручает да Винчи написать фигуру ангела.

«Верроккио поручил Леонардо написать ангела, держащего одеяния. И хотя тот был юнцом, однако выполнил это так, что ангел Леонардо вышел много лучше, нежели фигуры Верроккио». Далее искусствовед Вазари добавляет, что учитель так был расстроен явным превосходством своего ученика над собой, что с тех пор не прикасался к кисти».

Должны оговориться, что сами очевидцы иногда изобретают драматические коллизии, дабы придать нужную, по их мнению, остроту своему повествованию. Но дело не в том, бросил ли Верроккио писать или нет. Дело в том, что ангел, созданный двадцатилетним Леонардо, носит в себе приметы *новой* живописи, еще невиданной по мягкости светотени, по обаятельности решения образа, по оригинальности и виртуозности рисунка.

Современники рассказывают, что когда сэр Пьеро да Винчи был как-то за городом, то пришел к нему некий поселянин с добрососедской просьбой: взять с собой во Флоренцию для росписи круглый щит, который он собственноручно сделал из срубленного фигового дерева. Тот охотно сделал это. Леонардо же, взяв этот щит в руки и увидя, что он крив, плохо сработан и занозист, стал выправлять его на огне и затем, отдав токарю, сделал его из покоробленного и занозистого гладким и ровным. Потом Леонардо в одну из комнат, куда не заходил никто, кроме него, натаскал хамелеонов, ящериц, сверчков, змей, бабочек, саранчу, летучих мышей и другие странные виды подобного рода тварей и из их множества, разнообразно сопоставленного, образовал некое чудище, чрезвычайно страшное и жуткое, которое выдыхало яд и наполняло воздух пламенем; при этом он заставил помянутое чудище выползать из темной расселины скалы, брызжа ядом из раскрытой пасти, огнем из глаз и дымом из ноздрей до такой степени причудливо, что в самом деле это имело вид чудовищной и ужасной вещи. После этого он впустил отца посмотреть. Ничего не ожидавший сэр Пьеро при первом же взгляде сразу отшатнулся, не веря, что это и был тот самый щит и что изображение, которое он видит, есть живопись.

В ту пору Леонардо пишет Мадонну. В этой картине Вазари отмечает деталь, поразившую его: «Графин с цветами, наполненный водой. Отпотевание воды на поверхности было изображено так, что она казалась *живее живого*» (разрядка моя.— И. Д.).

Правда, в наши дни усилия и достижения Леонардо, так поразившие современников, могут показаться некоторым нашим любителям искусств наивными; ведь, по существу, такое натуральное изображение природы граничит (боже, я боюсь даже написать это слово) с фотографичностью... Но Леонардо не боялся этих терминов — он просто их не знал. Гениальный художник преклонялся перед природой: «Милостивая природа позаботилась так, что ты во всем мире найдешь, чему подражать».

Он знал, что, прежде чем быть новатором и фантазировать, надо изучать и знать, а главное — *уметь*! И он умел!

ЭТОТ ЛЕНИВЕЦ...

Тайна. Вот слово, которое не раз вспоминаешь, едва касаясь подробностей жизни и творчества Леонардо да Винчи — часто загадочных и необъяснимых. Судьбы художников не всегда логичны и укладываются в привычные нам рамки, но великий винчианец поражает любого исследователя с самых первых шагов своей творческой жизни, как никто.

Современники пишут о нем: он был прекрасен собой, пропорционально сложен, изящен, с привлекательным лицом. Блистательный своей наружностью, являвшей высшую красоту, он возвращал ясность каждой

Леонардо да Винчи. 1452—1519. АВТОПОРТРЕТ. Около 1510—1513. Турин.

Леонардо да Винчи.

МАДОННА БЕНУА. 1478.

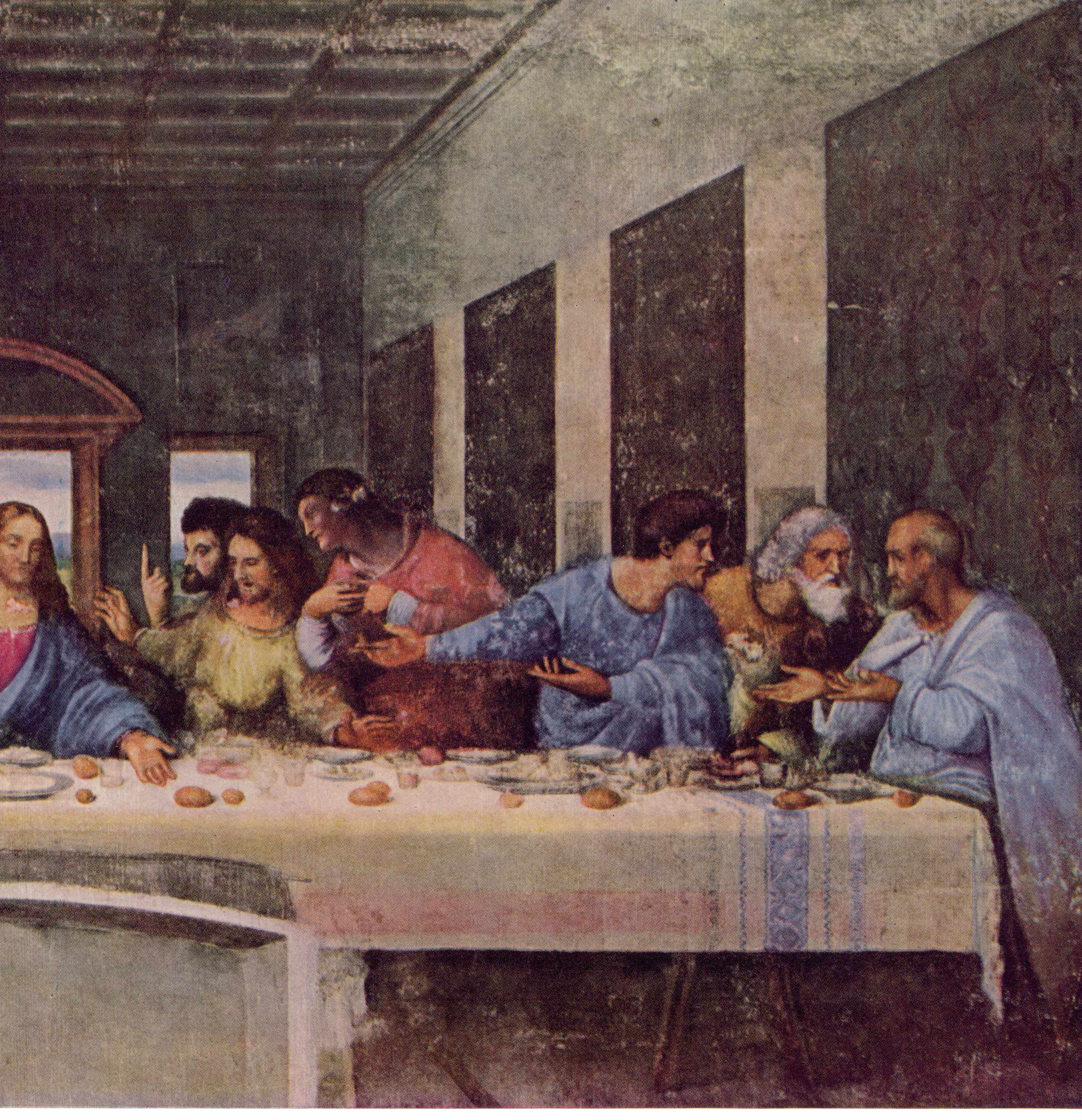
Государственный Эрмитаж, Ленинград

Леонардо да Винчи. ДЖОКОНДА. Около 1503.

Лувр. Париж.

Леонардо да Винчи. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. 1494—1498.

Санта-Мария делле Грацие. Милан.

Леонардо да Винчи.

ПОРТРЕТ ЛУКРЕЦИИ КРИВЕЛЛИ. Около 1495.

Лувр. Париж.

Набросок.

Конная статуя Франческо Сфорца. Рисунок.

Леонардо да Винчи. МАДОННА ЛИТТА. Около 1490. Государственный Эрмитаж, Ленинград

Леонардо да Винчи.

ГОЛОВА ВОИНА.

Эскиз к картине «Битва при Ангиари». Около 1503 г.

Музей изящных искусств. Будапешт.

СТАРЫЙ ВОИН.

Эскиз к картине «Битва при Ангиари».

Набросок.

опечаленной душе, а словами своими он мог заставить любое упрямство сказать «да» или «нет». Своей силой он смирял любую неистовую ярость и правой рукой гнул стенное железное кольцо или подкову, как будто сделанные из свинца.

По рассказам, он останавливал на всем скаку самых горячих скакунов; его тонкие, почти женственные пальцы, как воск, сгибали пополам золотые флорины и дукаты...

Трудно себе представить более совершенный идеал молодого мужчины: красавец, атлет, умница и при всем этом великолепный художник, только что с блеском заявивший о себе как об одном из первых мастеров первого из городов Италии. Казалось, такое сочетание физического здоровья и творческого полнокровия даст обильный урожай шедевров.

Забежим несколько вперед. К концу жизни — а она не была так коротка (Леонардо прожил шестьдесят семь лет) — самые скрупулезные исследования позволяют обнаружить не более 15—20 работ, которые с достоверностью можно приписать кисти мастера, кстати, многие из картин и портретов остались незаконченными. Поражающий итог, если вспомнить о поистине вулканической производительности мастеров его класса — Рафаэля, Тициана, Рубенса, Рембрандта.

Леонардо был великий исследователь. Его феноменальный темперамент находил свое выражение в предельно напряженных изысканиях, в поражающе широком кругу вопросов. Причем художник везде и всегда заставляет себя докапываться до истоков, до выяснения первопричинности явлений.

Долгая дрема средневековья, от которой, пробуждаясь, человечество получило так много вопросов, нераскрытых тайн. И да Винчи — один из первых пробудившихся от сна людей земли — смело и бескомпромиссно бросился в схватку с мраком.

...Лицо Леонардо, его одежда, осанка, казалось, являли пример спокойствия и устроенности. Казалось, что заботы, суета будней не касаются его. Но это лишь казалось: заботы были, а денег не было. Художник презирал скороспелые поделки, и его боттега бедствовала — не было заказов. Мнимая медлительность живописца возводилась в лень, и избалованные искрометными мастерами флорентийская знать и двор Медичи (а у власти в то время был сам Лоренцо Великолепный) постепенно отвернулись от Леонардо. А художник не искал благодеяний и заказов Лоренцо и присных с ним и порою просто бедствовал. Правда, тщательно сохраняя маску покоя и благоденствия. На самом же деле элегантный барин был порою беднее последнего нищего. Но он не спешил, он изучал.

«Живописец! — записывает Леонардо,— если хочешь избежать упреков со стороны людей понимающих, старайся изображать каждую вещь верной натуре и не пренебрегай изучением как делают стяжатели».

Старая, как мир, история. Взыскательный творец и стяжатель, расторопный ремесленник, познавший ряд модных секретов и спешно кующий деньгу... История банальная, но вечно живая.

Итак, Леонардо тридцать лет. Он на пороге великих свершений и открытий, но сегодня никто не хочет помочь ему и даже понять меру его дарования. Да когда было меценату Лоренцо Великолепному, упивавшемуся властью и захваченному стремительным бегом времени, видеть и понимать новую пластику картин Леонардо! Откуда было знать гордому Лоренцо, что пройдут века и великие государства будут бороться за честь иметь в своих собраниях хотя бы один рисунок неуживчивого и медлительного да Винчи.

И Лоренцо Великолепный без всякого чувства сожаления, горечи и досады отпускает художника ко двору миланского правителя Лодовико Моро.

«ОДИН ИЗ ВАС ПРЕДАСТ МЕНЯ...»

«Тайная вечеря». Одно из великих созданий Леонардо, судьба которого так же трагична, как жизнь художника. Любой видевший эту картину в наши дни испытывает непередаваемое чувство скорби от вида тех страшных утрат, которые нанесли творению да Винчи варварство людей и время.

«Один из вас предаст меня...» — только что произнес Христос, и ледяное дыхание неотвратимого рока коснулось каждого из участников вечерней трапезы. Сложнейшая гамма чувств впервые в истории живописи нашла такое глубокое и тонкое отражение. Живописец сломал все привычные традиции и каноны, переведя действие из условной и парадной атмосферы в обстановку реальной жизни. Его мастерство позволяет расположить фигуры апостолов в естественных позах, в сложнейших ракурсах, используя в полной мере свое волшебное «сфуматто» — искусство леонардовской светотени.

Не обходилось и без курьезов...

«Рассказывают,— пишет Вазари,— что приор монастыря очень настойчиво требовал от Леонардо, чтобы он окончил свое произведение, ибо ему казалось странным видеть, что Леонардо целые полдня стоит погруженный в размышления, между тем как ему хотелось, чтобы Леонардо не выпускал кисти из рук, наподобие того, как работают в саду. Не ограничиваясь этим, он стал настаивать перед герцогом и так донимать его, что тот принужден был послать за Леонардо...

Леонардо, знавший, насколько остер и многосторонен ум герцога, пожелал (чего ни разу не сделал он по отношению приора) обстоятельно побеседовать с герцогом об этом предмете: он долго говорил с ним об искусстве и разъяснял ему, что возвышенные дарования достигают тем больших результатов, чем меньше работают, ища своим умом изобретений и создавая те совершенные идеи, которые затем выражают и воплощают руки, направляемые этими достижениями разума.

К этому он прибавил, что написать ему осталось еще две головы: голову Христа, образец которой он не хочет искать на земле, и в то же время мысли его не так возвышенны, чтобы он мог своим воображением создать образ той красоты и небесной прелести, какая должна быть свойственна воплотившемуся божеству; недостает также и головы Иуды, которая также вызывает его на размышления, ибо он не в силах выдумать форму, которая выразила бы черты того, кто после стольких полученных им благодеяний все же нашел в себе достаточно жестокости, чтобы предать своего господина и создателя мира; эту голову он хотел бы еще поискать; но в конце концов, ежели не найдет ничего лучшего, он готов использовать голову этого самого приора, столь назойливого и нескромного. Это весьма рассмешило герцога, сказавшего ему, что он тысячекратно прав. Таким образом, бедный приор, смущенный, продолжал понукать работу в саду, но оставил в покое Леонардо, который хорошо кончил голову Иуды».

Эта милая, чисто ренессансная новелла рисует одно из самых легких происшествий на сложном жизненном пути да Винчи. Но судьба готовила ему куда более серьезные испытания...

ПРЕДТЕЧА

Ах, эти спешные сборы, когда тебе уже под пятьдесят и когда нет места иллюзиям...

Ночь. На мозаичном полу дворцового помещения разбросаны рисунки, картины, кисти, одежда. Свет свечей, колеблемый сквозным сырым ветром. По стенам мечутся длинные тени.

За окном шагает чужеземная стража. В призрачном свете звезд холодными жесткими огоньками поблескивает оружие французских солдат.

Где Лодовико Моро... Где слава Милана, рода Сфорца?.. Да, век на исходе. Век уходит, а с ним и его слава. Леонардо подошел к камину и вдруг в зеркале встретил себя. Из тусклой серебряной заводи на него глядел двойник — растерзанный, усталый, постаревший.

На пороге нового, шестнадцатого века, в декабре 1499 года, да Винчи, измученный неудачами, решается покинуть Милан. Семнадцать лучших лет жизни отдано этому городу.

Сборы были недолги. Он увозил с собой груз легче, чем когда-то из Флоренции. Но с ним не было самого главного, что сопровождало всю его жизнь,— надежды.

Семнадцать лет... Огромный глиняный «Конь,— воплощающий величие рода Сфорца. Ведь он сейчас остается в городе, оккупированном врагом. Правда, Леонардо не мог знать, что монументу осталось жить совсем немного и что он будет безжалостно разрушен пьяной солдатней.

«Тайная вечеря» осуждена на гибель. И это знает пока только он — создатель плохого грунта. Да, это он сам приговорил к медленной смерти свое детище.

Но Леонардо не знал полностью истинную судьбу «Тайной вечери». Иначе он увидел бы, как невежественные монахи разрушают центр композиции, пробивая в стене дверь. Он услышал бы ржание и топот лошадей в устроенной наполеоновскими гвардейцами конюшне. И он содрогнулся бы от ужаса, увидев, как падают американские бомбы в беззащитный монастырь, взрывая трапезную. Так в течение четырех с половиной веков его картина не раз подвергалась смертельной опасности.

Ведь варвары не переводятся от времен Атиллы до наших дней...

Лука Пачоли, единственно близкий ему в эти суровые дни человек, помог снести незамысловатую кладь в крытую повозку, и Леонардо да Винчи снова начал тернистый путь изгнанника.

Впереди его ждал двор Мантуи с Изабеллой д'Эсте, прельстившей его эрудицией и любезностью и столь же быстро разочаровавшей его своим фатовством и тщеславием.

К весне мы уже видим да Винчи в Венеции. Больной, стареющий художник не нашел здесь желанного приюта и отдыха, и вскоре он спешит навстречу своей молодости во Флоренцию.

Отец, родные встретили его холодно. Он не оправдал их надежд. Близких друзей у Леонардо не было, все связи были потеряны за эти долгие годы.

Художник долго бродил по городу. По знакомым и любимым когда-то местам. Он не узнавал многого. Как-то Леонардо забрел в сады монастыря святого Марка, этого оплота безумствующего аскетизма. Художник ужаснулся мерзости запустения и разрухе, постигшей былую сокровищницу античности, где когда-то он часами рисовал, учился, познавал тайны гармонии.

Разбитые статуи, валяющиеся обломки мраморных рук, голов, поросших сорняком,— таковы были результаты «подвигов» Христова воинства, молодых инквизиторов...

Флоренция. Она пережила падение Медичей и диктатуру Савонаролы. И сейчас, разоренная и поблекшая, жила без иллюзий и блеска.

Леонардо не находил себе покоя. Может быть, его мучила нужда? Нет, от Милана остались кой-какие сбережения. Может быть, он просто устал? Устал быть любезным царедворцем, устал от несбывшихся надежд, от одиночества. И все-таки он искал уединения. Живопись его не влекла. Он мечтал тогда не о славе художника. Ему виделся гордый полет человека-птицы. Он записал в своем дневнике предсказание:

«Большая птица начнет свой первый полет с хребта «Большого Лебедя», наполняя Вселенную изумлением...»

И, однако, не полет с горы «Лебедь» прославил Леонардо. Бессмертным его сделала его живопись — небывалая ни до него, ни после. И этот великий путь да Винчи был еще далеко не окончен...

Он создаст неповторимую «Джиоконду», опередившую развитие живописи на века вперед. Он раскроет законы композиции, светотени, психологического решения портрета.

Предтеча. Вот миссия Леонардо. Ведь это он проложил дорогу высокому Ренессансу...

Ренессанс. Фридрих Энгельс писал о нем:

«Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености...

Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики».

«ВЫ НЕ ЦЕНИЛИ ЕГО...»

Великий флорентинец Данте умер в Равенне в 1321 году... Прошло два века, и его земляки обратились к равеннцам с просьбой вернуть им прах изгнанника. Они хотели захоронить его с почестями в церкви Санта Кроче — пантеоне великих граждан Флоренции.

Флорентинцы скоро получили ответ: «Вы не ценили его при жизни. Вы не получите его после смерти». Но послы не успокоились, они пожаловались папе Льву X, и отец церкви, очевидно, позабыв все крамольные вирши поэта, велел привезти останки Данте на родину. Когда саркофаг вскрыли, он был пуст. Прах Данте исчез, и флорентинцы уехали ни с чем. Это было в 1519 году.

В этом же 1519 году в далеком французском замке Клу на берегу Луары умирает Леонардо да Винчи... Одинокий, вдали от Италии, Флоренции...

Лев X, так быстро откликнувшийся на «Дело о прахе Данте», столь же быстро и легко отпустил от себя великого флорентинца да Винчи. Он не понимал, этот временщик, сказавший при своем избрании следующую, ставшую сакраментальной фразу: «Будем же наслаждаться папством, которое даровал нам Господь». Он не мог оценить глубину и меру дарования Леонардо.

Папа долго держал живописца в черном теле и наконец, когда дал заказ и, узнав, что художник приступил сначала к изготовлению новых рецептов лаков, произнес, многозначительно улыбнувшись: «Увы! Никогда ничего не сделает тот, кто начинает думать о конце работы, еще не начав ее». Конечно, придворные немедленно донесли эти слова до ушей да Винчи.

Не только эти слова, но и дела заставили старого художника покинуть родину в 1516 году и уехать во Францию.

1519 год. Апрель. Чувствуя близкую кончину, Леонардо диктует завещание. Он лежит неподвижно. Его правая сторона парализована.

Наступает май. В широко открытые окна замка Клу ветер доносит свежее дыхание Луары, аромат цветущих лугов. В высоком весеннем небе одиноко парит коршун. Слабеющий художник с восторгом следит за свободным, величавым полетом птицы.

Свобода — главный дар природы — так говорил Леонардо.

...Великий флорентинец умер 2 мая 1519 года. Он угас на руках верного Франческо Мельци, которому он завещал семь тысяч страниц — свои гениальные записи, рисунки, композиции...

«Как хорошо прожитый день дает спокойный сон, так с пользой прожитая жизнь дает спокойную смерть»,— пишет пророчески Леонардо.

Мастер поистине с великой пользой для человечества прожил всю свою жизнь. И наверное, если бы не уродство общества, не эгоизм пап, глупость дворов и многое, многое другое, он имел бы право, как никто, на эту окаянную, банальную — «спокойную жизнь», на право свободно и спокойно творить. Но феномен его судьбы, что лишь на закате лет, на чужбине, уже, по существу, немощный и разбитый параличом, он, наконец, из рук иностранного владыки получил это злополучное, но, по существу, уже ненужное спокойствие. И он тихо угасает. Величайший художник своего времени...

Вы не ценили его при жизни — можно было сказать с равным правом и Лоренцо Великолепному, и трусливому Лодовико Моро, и неистовому Савонароле, и Кровавому Цезарю Борджиа, и легкомысленному Льву X, и сотням других больших и малых граждан Земли, окружавших художника.

Граждан той самой планеты, которая в эти светлые, майские дни отмечает четыреста пятьдесят лет со дня кончины великого Леонардо да Винчи.

ПАРАШЮТИСТЫ СЕГОДНЯ

Будет «ноль»!

Павел СТОРЧИЕНКО,
заслуженный тренер СССР

Фото В. Рубана.

Советские парашютисты прочно удерживают высшие титулы абсолютных чемпионов мира. В 1966 году на 8-м мировом чемпионате это звание завоевали Владислав Крестьянников и Лидия Еремина, а на 9-м, в прошлом году,— Татьяна Воинова и Евгений Ткаченко. И в командном первенстве наши спортсмены являются сильнейшими. Добиться этого было очень трудно, так как надо было обогнать американцев — искусных и смелых парашютистов.

В чем сложность парашютных рекордов? Перед спортсменами стоит задача приземлиться как можно ближе к намеченной точке — центру круга. Центр круга — это диск 15 сантиметров в диаметре. Спортсмены называют его по-хоккейному — «шайбой».

Индивидуальные рекорды устанавливаются с высот 600, 1 000, 1 500, 2 000 метров с немедленным раскрытием и с задержкой в раскрытии парашюта, в зависимости от высоты. И все эти рекордные прыжки произведены точно в центр круга, так что побить их невозможно; спортсменам приходится довольствоваться лишь повторением.

Сложнее обстоит дело при установлении групповых рекордов. Рекордные попытки выполняются с тех же высот и по тем же условиям, что и одиночные, но только группами от 3 до 9 человек. Если результат семи парашютистов выше результата, показанного группой из трех или пяти человек, то он считается рекордным и для этих групп.

Групповой прыжок требует еще более точного расчета, чем обычный. И все же четверка американских парашютистов сумела приземлиться со средним отклонением всего 4 сантиметра с высоты 1 500 метров, а группа из 9 спортсменов — с высоты 2 000 метров в 55 сантиметров от центра круга. Штурмовать эти достижения могла только сборная команда СССР, и наши парашютисты долго готовились к этому штурму.

Попытка была произведена на совместном сборе с болгарскими, румынскими и корейскими парашютистами в Ташкенте...

Самолет «АН-2» на высоте 1 000 метров. Один за другим вспыхивают в небе пять цветных куполов. Тишину теплого весеннего дня нарушает только рокот удаляющегося самолета. Площадку приземления окружили спортсмены, судьи заняли свои места. А парашютисты все ниже и ниже. Они то быстро вращаются под куполами, то плавно проплывают друг мимо друга. Кажется, что они просто резвятся, радуясь этому солнечному дню. И вот первый парашютист, выполнив плавный разворот, выходит на цель. Судьи начеку: ведь им надо определить точку первого касания парашютиста с землей и замерить расстояние до центра цели. Капитан сборной команды СССР Олег Казаков верен себе. Двумя ногами он на нуле. А на подходе уже Слава Шарабанов — и опять ноль! И вдруг напряженную тишину разрывает возглас: «Шайбу!» — и сразу же этот азартный призыв подхватывают все: «Шайбу! Шайбу!» Приземляется Слава Крестьянников, за ним Володя Гурный и последним Евгений Ткаченко. Все они, к восторгу болельщиков, тоже дают ноли. Есть абсолютный мировой! Все кричат «ура», обнимают рекордсменов, буквально разрывая их на части.

После этого рекорды стали возникать один за другим. Высота — 600 метров. Каждый парашютист мечтает установить рекорд с этой высоты. Он самый сложный. На борту самолета Казаков, Ткаченко, Крестьянников, Гурный, Осипов. Сигнал «Пошел!» — и все друг за другом быстро покидают борт самолета, выполняя задержку в раскрытии парашюта. И снова пять нолей! Абсолютный мировой рекорд. Затем группа увеличивается до 9 спортсменов, высота — снова 600 метров. Парашютисты выпрыгивают, сразу же открывая купола. Кажется, что им никогда не разойтись так, чтобы не мешать друг другу. Но они расходятся и добиваются среднего отклонения всего 3 сантиметра. Но еще невероятнее кажется достижение в

В свободном падении.

Лучшие парашютисты страны: В. Шарабанов, В. Гурный, Е. Ткаченко, О. Казаков, В. Крестьянников.

прыжке с высоты 1 500 метров. Отклонение этого прыжка от центра составило всего... 1 сантиметр.

Великолепных результатов добилась и женская сборная команда Советского Союза, превысив рекордные достижения, ранее ими же установленные. Так, группа из 9 спортсменок приземлилась с высоты 1 000 метров всего в 41 сантиметре от центра круга, а с высоты 1 000 метров с задержкой в раскрытии парашюта отклонение составило 76 сантиметров.

Советские парашютисты отобрали все дневные рекорды, ранее принадлежавшие спортсменам США, и подтвердили, что они являются сильнейшими. Можно с уверенностью сказать, что сейчас в мире нет такой дружной, умелой и трудолюбивой команды. А работать приходится очень много. Спортсмены сборной совершают в день до 10 прыжков да еще занимаются после этого общей и специальной физической подготовкой. Ведь для того, чтобы выполнить фигуры в свободном падении и управлять парашютом, надо быть сильным, ловким, выносливым и иметь прекрасный вестибулярный аппарат. А развитие быстроты мышления? Ведь современный парашют очень сложен в управлении. Наши конструкторы создали замечательный по своим тактико-техническим данным парашют «УТ-2», не уступающий лучшим зарубежным образцам. В этом большая заслуга коллектива конструкторов. Именно с помощью этого парашюта выиграны чемпионаты мира и установлены новые рекорды. Но попробуй раскрыть этот парашют не по правилам! Огромная перегрузка обрушивается на спортсмена. И, несмотря на это, с новым парашютом справляются не только мужчины, но и женщины.

По-прежнему одна из сильнейших — капитан и тренер женской сборной команды, заслуженный мастер спорта СССР Валентина Михайловна Селиверстова. Она установила 44 мировых рекорда, является участницей 5 чемпионатов мира, трижды завоевывала звание чемпионки мира. Она единственная женщина в мире, которая совершила 3 000 парашютных прыжков!

Капитан мужской сборной Олег Казаков также пять раз участвовал в чемпионатах мира. Спокойствие и хладнокровие не раз помогали ему выводить команду из самых безвыходных положений. Самому Олегу не везет на первенствах мира: он все время четвертый! Это потому, что всю свою энергию, волю и мастерство он вкладывает в команду, в ее победу.

Очень сложными и наиболее эмоциональными являются прыжки с задержкой в раскрытии парашюта. В таких прыжках парашютист может сравниться разве только с птицей. Да куда там птице! Парашютисты могут летать по горизонту со скоростью до 90 километров в час, что под силу редким экземплярам пернатых. Единственно, чего никогда не забывают спортсмены,— это быстро приближающейся земли. Ведь сила земного притяжения неумолима. Пользуясь руками и ногами, как плавниками, парашютисты могут совершать любые маневры, а тренеры с помощью оптических труб следят за выполнением заданий их учениками.

Теперь стала обыденной и киносъемка в воздухе. Да, да! Кинооператор падает рядом со спортсменами и снимает их. На экранах нашей страны уже не раз демонстрировались замечательные парашютные фильмы «Люди над облаками», «Мы спортсмены-парашютисты», «В воздухе только девушки», «Десантники», созданные воздушными кинооператорами С. Киселевым и Р. Силиным. В сборной команде СССР воздушные съемки проводят Ю. Соболев и Ф. Неймарк. Это интересная и трудная работа. Оператор с кинокамерой на каске, маневрируя в падении на огромных скоростях, ищет кадр, подстраиваясь к группе спортсменов.

Умело управляя своим телом, парашютисты могут изменять скорость вертикального падения и горизонтального перемещения, что позволяет подплывать друг к другу.

На соревнованиях в Югославии один из парашютистов зацепился за самолет. Набегающий поток крутит и швыряет беспомощно висящее тело. Но что это? К нему приближается другой парашютист. Вот он рядом, вот привязывает к себе товарища, обрезает зацепившиеся стропы и устремляется к земле. Вспыхивает парашют, а затем открывается и другой, и оба спортсмена благополучно приземляются. Сколько было волнений среди зрителей и как они аплодировали, узнав, что авария умело организована, что проведенный сложный маневр — своего рода театральная постановка! Учебный прыжок продемонстрировали зрителям члены сборной команды СССР Е. Ткаченко и В. Гурный.

Еще более сложный прыжок выполнили в Болгарии Л. Ячменев и В. Бурдуков. Леонид Ячменев, отделившись от самолета после товарища, догнал его в свободном падении и произвел с ним «стыковку». Открыв один из парашютов, они снижались вместе, а на заданной высоте Леонид, поблагодарив друга за гостеприимство, покинул его и открыл свой парашют.

Рассказ о сборной команде будет неполным, если не вспомнить о наших «шеф-пилотах». Летчики сборной команды И. Гонобоблев и В. Тычинский — асы своего дела. Они неразлучны с командой на самых трудных соревнованиях. Им приходится летать на неизвестных типах самолетов, предоставляемых организаторами, а на знакомство дается им всего один полет...

Парашютизм — это увлекательнейший вид спорта, и ареной его служит небо.

МОЛЕКУЛА НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ

Ученые сенсаций не любят. Даже о самых неожиданных и замечательных открытиях в своей области рассказывают спокойно и сдержанно — так, как это делает директор Института молекулярной биологии АН СССР В. А. Энгельгардт. Однако события последнего времени показали, что именно эта ветвь науки обещает принести такие результаты, которые окажут глубокое влияние на жизнь человека. Об этом видный советский ученый беседует с нашим корреспондентом М. Хромченко.

Академик В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ,
Герой Социалистического Труда

— Прежде всего о перспективах молодой науки, которой мы занимаемся. Хотя говорить о них всегда несколько рискованно, могу сказать одно: именно здесь мы ждем самых существенных и поразительных открытий. Чтобы меня не заподозрили в пристрастии, сошлюсь на высказывание Франсиса Перрэна, главы французского Комитета по атомной энергии:

«Если в первой половине этого века мы были свидетелями великой революции и множества сказочных успехов в физике, то можно позволить себе предсказание, что во второй половине века наиболее увлекательные успехи будут в науках о живом мире».

Французский физик подразумевал изучение живых объектов на молекулярном, как принято говорить сейчас, уровне, то есть как раз те работы, которые и составляют содержание молекулярной биологии.

Жизнь проявляется сочетанием трех потоков: материи, энергии и информации. Их материальная основа — белки и нуклеиновые кислоты — ДНК и РНК. Интересно, что эти потоки первоначально сталкиваются на уровне даже не отдельных клеток, но атомов и молекул.

«ОГОНЕК». ...Потоки жизни! Любые ее проявления — от простого деления клеток до высочайшего полета творческой мысли — все это результат взаимодействия атомов и молекул. Так прозревали еще гении прошлого. Доказать непреложность и универсальность этого положения человек сумел лишь на уровне развития науки и техники XX века.

Сто лет назад Ф. Энгельс сказал, что жизнь есть способ существования белковых тел. Сто лет назад были открыты и нуклеиновые кислоты. Сегодня и те и другие по справедливости поставлены рядом. Их неразрывную связь и взаимозависимость предопределила сама природа. Потому что вся информация, заложенная в нуклеиновых кислотах, оказалась бы бессмысленной без точки ее приложения — без белковых молекул. В свою очередь, эти молекулы — материальная база и энергетический ресурс всего живого — без потока управляющей информации, без четких заданий создали бы жуткий, бесформенный хаос.

Этого не происходит. Все живое на Земле упорядочено и организовано, сложено, как из кирпичиков, из универсальных клеток, а каждая клетка — из атомов и молекул...

— Как раз проникновение на этот уровень и есть задача нашей науки. Только освоив этот уровень, мы заложим научный и практический фундамент для управления жизнедеятельностью и каждой клетки и организма в целом.

Известно, что в каждой ДНК ядра каждой клетки зашифровано строение и все свойства нашего тела. Но эта информация используется клеткой не в такой уж большой степени. Только отдельные участки длинной цепи — матрицы ДНК — включаются в работу — раздают приказы на синтез белка и выключаются с помощью специальных белков-ферментов. Рядом с нами, точнее, в каждом из нас, в каждой из сотен триллионов клеток нашего тела смонтирована и ежесекундно действует идеальная информационная система — ген или дезоксирибонуклеиновая кислота. В этой всемирной библиотеке записано все: строение глаза, форма ладони, цвет волос, возможно, наконец, тип нервной системы, наши способности и таланты. Причем записано все это не только в ДНК половой клетки, которая дает начало будущему организму, но и в любой другой, скажем, клетке кожи или селезенки.

«ОГОНЕК». Несколько лет назад советские ученые вырастили морковку из клетки, взятой из корня растения! В Оксфордском университете в оплодотворенной лягушачьей икринке заменили ядро, позаимствовав новое из клетки кишечника (!) лягушки иного вида. И что же? Из такой икринки выросло взрослое животное, ничем не отличающееся от своих собратьев, родившихся обычным путем. Причем собратьев того самого вида, чье ядро было извлечено из клетки кишечника.

Эти опыты были проведены иными методами и с иными целями, чем те, о которых рассказывает академик В. А. Энгельгардт. Однако они с очевидностью научного факта демонстрируют, что информация, заложенная в чрезвычайно популярной ныне двойной спирали молекулы ДНК, используется поразительно рационально. Словно в гигантской автоматической телефонной станции, где нас немедленно соединяют с абонентом, действующий в ядре клетки специальный белок-фермент раскрывает ту страницу в программе ДНК, в информации которой заинтересована в данный момент клетка...

— Но что определяет поведение самого фермента? В нашем институте это предмет изучения коллектива лаборатории, руководимой доктором биологических наук Г. П. Георгиевым.

Программы-приказы ДНК всегда воплощаются в синтезируемом белке с помощью различных рибонуклеиновых кислот. Часть из них переносит информацию с ДНК на сборочный конвейер клетки, в рибосомы. Другие РНК на этом конвейере в соответствии с планом собирают из отдельных блоков готовый белок. Но выполнить эту свою роль они могут также только в присутствии фермента.

В связи с этим одна группа моих сотрудников ищет пути замены фермента реакциями химического синтеза. В случае успеха мы получим возможность строить молекулы таких белков, каких нет в природе. Вторая группа планирует свои исследования в «согласии с природой», изучая строение существующих ферментов и механизм их действия.

Сотрудники академика А. Е. Браунштейна основное внимание сосредоточили на тех из них, которые наряду с белковой, своей основной составной частью содержат и небелковую молекулу, производную от витамина B_6. Эта добавка придает оптическим свойствам всей молекулы особое качество: способность поглощать свет, что регистрируют приборы.

Степень поглощения света зависит от изменений структуры небелкового фрагмента. Подобные изменения отражаются на способности молекулы осуществлять свои биологические функции. Таким образом, искусственно варьируя структуру небелкового фрагмента и одновременно фиксируя изменения оптических свойств молекулы, удалось проследить не только за состоянием фермента, но и выяснить в реальных, конкретных формах, как он работает, то есть до известной степени воочию, глазами физических приборов проследить на самом глубоком уровне за всеми этапами механизма биологического действия фермента — ускорителя химических реакций.

Ферменты — рычаги обмена веществ. Естественно стремление ученых овладеть ими, изучить интимный механизм действия ферментов и его зависимость от физического состояния, структуры молекулы. Но дело это чрезвычайно трудное прежде всего потому, что такие химические реакции быстротечны. До сих пор мы, как правило, видели лишь начало и конец этих сложнейших процессов. Как остановить мгновения?..

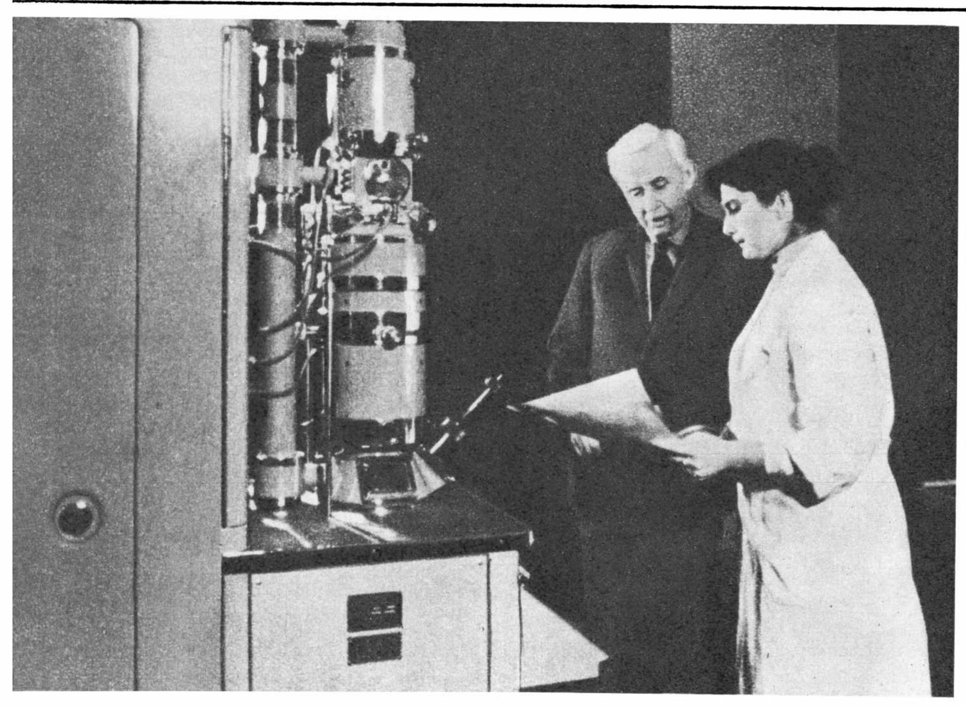
Пробел в некоторой степени восполняет работа коллектива лаборатории под руководством члена-корреспондента АН СССР М. В. Волькенштейна, связанная с использованием влияния магнитных сил на оптические свойства. Оказалось, что даже незначительные изменения биологического характера сопровождаются резкими изменениями магнитных и оптических свойств, которые регистрируются с помощью созданных в лаборатории новых аппаратов.

«ОГОНЕК». Дайте мне точку опоры, интриговал своих современников мудрец Древней Греции, и я переверну земной шар. Дайте нам совершенный инструмент, словно вторят ему архимеды XX века, и мы раскроем все секреты природы.

Одним из таких инструментов стал новый прибор, о котором упомянул академик В. А. Энгельгардт. В некоторой степени его можно сравнивать с киноаппаратом в руках оператора, фиксирующего, скажем, прыжок спортсмена. Глаз человека не в состоянии запечатлеть все детали прыжка. Медленно прокручивая пленку, мы заново разглядываем динамику координированных движений, а при необходимости можем остановить — вычленить — любой их момент.

Нечто подобное позволяет и аппарат, созданный в институте. Благодаря мгновенной записи изменений магнитных и оптических свойств молекулы, участвующей в быстротечной химико-биологической реакции, удается прослеживать и фиксировать мельчайшие этапы ее динамики...

— Инструментом для изучения других ферментов в лаборатории доктора химических наук Р. М. Хомутова оказался синтезированный здесь же антибиотик циклосерин, вошедший в клиническую практи-

— Что продемонстрирует нам сегодня электронный микроскоп!

В. А. Энгельгардт и заведующая лабораторией электронной микроскопии, доктор биологических наук А. С. Тихоненко.

ку как лечебное средство против запущенных форм туберкулеза. Любопытно, что этот антибиотик, дополненный различными структурными группами, являет своим рельефом как бы зеркальное отображение определенного участка молекулы фермента. А так как фотография циклосерина нам уже известна, мы получаем нечто вроде маски, отпечатка пространственной структуры интересующего нас белка.

Самое существенное: такой подход открывает перспективу создания мощных лекарственных средств, подавляющих действие разбушевавшихся ферментов. Зная их форму, химики смогут по маске, по зеркальному отображению подбирать вещества, которые будут закрывать эти участки и таким образом выключать ферменты из реакции.

17 марта этого года на очередном традиционном Баховском чтении член-корреспондент АН СССР А. А. Баев рассказал о последних работах руководимой им лаборатории. Вместе со своими молодыми сотрудниками ему удалось расшифровать строение, если мне не изменяет память, пятой по счету транспортной РНК, сокращенно именуемой валиновая т-РНК-1. Помимо выяснения структуры нуклеиновой кислоты, что важно само по себе, наконец-то удалось осуществить то, что я как-то назвал хирургией на уровне молекул.

Молекулу валиновой т-РНК-1 разрезали на две части, после чего кислота утратила свою биологическую активность. А затем обе половинки заставили сблизиться. Была восстановлена исходная структура молекулы и ее прежние свойства.

Больше того. Принципы хирургии удалось провести и дальше: разрезать молекулу на еще большее число фрагментов и из этих частей вновь ее же и реставрировать.

Могу сказать, забегая несколько вперед и касаясь работ, которые находятся еще в процессе исполнения, что на этом пути перед нами открывается увлекательная перспектива соединять между собой части нуклеиновых кислот разного происхождения, взятых, скажем, из клеток печени и мышцы, то есть осуществлять нечто подобное гибридизации на уровне молекул.

«ОГОНЕК». Этот успех означает начало нового этапа: молекула ложится на операционный стол. Что сулят нам победы на этом направлении? Разрешим себе пофантазировать, опираясь на уже известные факты.

Каждый участок нуклеиновой кислоты несет программу строительства того или иного белка. Разбирая и целенаправленно собирая молекулы, мы увидим, как записана эта информация в кислоте, как и почему возникают отклонения, дающие начало болезни. А затем останется сделать последний решительный шаг: вмешаться и в случае необходимости исправлять — заменяя один или несколько участков-блоков кислоты — естественный ход эволюции, путь развития живых существ...

— Сходные поиски ведутся и в области изучения молекулярных основ явлений невосприимчивости, направления, которое можно было бы назвать молекулярной иммунологией. Такие работы проводятся в институте в течение последних лет, и мы придаем им чрезвычайно большое значение. Здесь также удалось осуществить гибридизацию на межмолекулярном уровне, только уже не с нуклеиновыми кислотами, а с антителами — белковыми веществами, ответственными за невосприимчивость организма к болезнетворным агентам. Группа доктора биологических наук Р. С. Незлина осуществила вначале разложение антитела на составные части, а затем получила полноценное антитело из составных частей, взятых напрокат уже из разных источников.

«ОГОНЕК». ...Молекулярная биология — наука общительная. С первых же своих шагов она протянула руку генетике. Их брак быстро принес плоды. Таких же результатов мы вправе ожидать и от нового альянса. Иммунология, рожденная трудами Э. Дженнера, Л. Пастера, И. Мечникова и других замечательных врачей и ученых прошлого, избавила человечество от многих тяжелейших инфекционных заболеваний. Однако до сих пор победы давались ценой многолетних проб и ошибок, поисков наугад. Это не удивительно.

Борьба организма с возбудителями заболевания во многом сводится к взаимодействию двух белковых комплексов — антитела с антигеном: кто кого? Их сражение — та же быстротечная, химико-биологическая реакция. Поэтому иммунологи, как и химики, могли фиксировать лишь конечный результат: победу антитела-организма или его врага-антигена.

Только детальное знание структуры этих крайне важных белковых комплексов и точно установленная связь строения с функцией позволят предвидеть любые зигзаги их поведения. Значение поисков, о которых рассказывает академик В. А. Энгельгардт, особенно возрастает сегодня, когда человек стоит на пороге эры трансплантации. Возможность управления несовместимостью окончательно решит проблему пересадок органов и тканей...

— Сейчас в эти исследования включились физики. Подобное содружество — путь к более глубокому познанию роли различных структур и физических свойств молекул белка для выполнения ими своих биологических функций.

Таким образом, исследования, проводимые в нашем институте, как, впрочем, и во всем мире, пока в основном сосредоточены на решении важнейших теоретических проблем. Однако уже на нынешнем этапе развития молодой отрасли естествознания, какой является молекулярная биология, эти теоретические разработки исходят из насущных практических задач.

— Владимир Александрович, недавнее присвоение вам звания Героя Социалистического Труда совпало с вручением высшей награды Академии наук СССР — золотой медали имени М. В. Ломоносова. По этому поводу вы прочитали традиционную Ломоносовскую лекцию, посвятив ее вопросам передачи энергии в биологических системах. Почему, определяя жизнь сочетанием трех потоков, вы остановились лишь на одном из них?

— Во-первых, потому, что поискам в этой области я отдал много лет моей научной жизни. Потому, во-вторых, что изучение трансформации энергии было и остается одной из важнейших задач современной биологии.

В свое время мне удалось установить, что энергия, выделяемая при окислении пищи, накапливается в химических связях молекулы АТФ — аденозинтрифосфорной кислоты. Запасами этой энергии пользуются сократительные белки мышцы, расщепляя для выполнения своей роли кислоту и извлекая из нее спрятанные калории.

В дальнейших работах было показано, что АТФ — универсальный молекулярный трансформатор энергии. Он работает и в зеленом листе растения, без него не обойтись и в канальцах почки, где фильтруется кровь. Последние годы необходимость во все той же АТФ доказана и для зрения.

«ОГОНЕК». ...До сих пор разговор шел только о молекулах белка и нуклеиновых кислот. Но и они, несмотря на все их могущество, оказались бы беспомощными, если бы рядом с ними не действовали молекулы АТФ. Без преувеличения можно сказать: нет и не может быть жизни без этой энергетической валюты клетки...

Особый интерес представляют самые первые этапы многоступенчатого процесса превращения энергии. Они, в частности, явились предметом обширных исследований американского ученого Уолда, награжденного в 1967 году Нобелевской премией. Его интересовали превращения уникального светочувствительного вещества, содержащегося в сетчатке глаза,— зрительного пурпура.

— Как показал покойный академик С. И. Вавилов, наш глаз способен воспринимать ничтожное количество лучистой энергии — один квант света — и переводить ее в энергию нервного импульса. Следовательно, можно было предположить, что в сетчатке действует какой-то сверхмощный усилительный механизм. Благодаря ему зрительный пурпур трансформирует порцию света в нервный сигнал.

Сегодня такое предположение подтверждается. В своей лекции я упоминал работы одной из лабораторий Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, где было доказано, что фермент сетчатки, как и его собрат в мышце, для получения необходимого количества энергии разлагает все ту же АТФ — аденозинтрифосфорную кислоту.

«ОГОНЕК». Вот еще один ярчайший пример рациональной творческой мудрости природы: единый молекулярный трансформатор энергии для всех живых систем, будь то клетка растения, мышца, канальцы почки или сетчатка глаза. Более того, становится очевидным, что используется эта энергия также универсальным способом, хотя и для совершенно различных целей. Ну, действительно, что общего совершаем мы, когда, скажем, подтягиваемся на кольцах или смотрим кинофильм? Ровным счетом ничего. И все-таки общее есть. Начинаются оба эти процесса одинаково: фермент мышечных клеток и фермент клеток зрительных, палочек сетчатки, размуровывает лежащую в избытке рядом АТФ и так, и только так, получает необходимое клеткам количество энергии...

— Так исследования нынешних шестидесятых годов смыкаются с моими работами, начатыми еще в тридцатых. Так доказывается поразительная универсальность молекулярной трансформации энергии, закономерности которой сегодня достойны изучения не меньше, нежели формула ДНК — РНК — белок!

...Новая наука только берет разбег. Но уже сегодня ученые начинают диктовать свою волю молекулам, дающим начало мощным потокам жизни. Это путь к изобилию, к новым сортам высокоурожайных растений. Это путь окончательного избавления человечества от тяжелейших заболеваний. Это в конечном счете ключи управления жизнью!

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

Уоттс, август 1965 года.

1. БРЕДНИ „АМЕРИКИ" И ПРАВДА УОТТСА

Уоттс сегодня. Аллея пепелищ.

Недавно мне попался на глаза очередной номер пестрого глянцевитого журнала «Америка», который не устает морочить головы людям болтовней о поразительных дивах заокеанской державы. Вот и в своем февральском номере он преподнес читателям очередную порцию россказней о некоем нью-йоркском ресторане, где ужинают знаменитые артисты; о том, почему президент Линкольн отпустил бороду,— его, видите ли, уговорила это сделать одна девочка; о том, как чутко отнеслись минувшим летом жители Вашингтона к участникам знаменитого «Похода бедноты»,— поместив фотографии фанерного городка, построенного участниками этого похода у памятника тому же Линкольну, редакция журнала забыла лишь упомянуть о том, что полиция разгромила этот городок и разогнала его обитателей; о пользе и целесообразности гражданского неповиновения — правда, и тут редакция забыла сказать, как зверски расправляются в США с теми, кто пытается проявлять такое неповиновение; о том, что в США созданы фирмы, помогающие женихам выбирать невест, а невестам женихов с помощью электронно-вычислительных машин, и так далее и тому подобное.

Обо всем этом в конце концов можно было бы и не упоминать— всем уже давно известно, чего стоят бредни незадачливого детища американской информационной службы ЮСИА. Но гвоздем февральского номера «Америки» была поистине экстраординарная статья, перепечатанная из журнала «Йель ревью» — «Негритянская агрессивность» (!). Ее автор, некий Роберт Фридрикс, взял на себя крайне неблагодарную задачу: втолковать советскому читателю, будто в обострении расового конфликта в США, позорящего эту страну, виноваты... сами негры: как о них ни заботятся, как им ни помогают, они, представьте себе, все бунтуют!

Да-да, автор так и пишет: «Бунты негров вспыхивают там, где создаются сравнительно справедливые условия жизни, а не там, где царит полная несправедливость». Фридрикс соображает, что такая постановка вопроса вызовет удивление у читателя, и спешит удивиться сам: «Кто же может помочь нам разобраться в таком явном противоречии? На мой взгляд, лишь психологи и психиатры (!) или кто-либо из особо чутких писателей или историков». Почему же именно они, а не социологи, к числу которых, кажется, причисляет себя сей автор? А вот почему: социологи тут, видите ли, бессильны, так как «все наши (то есть американские) попытки к устранению исторических причин несправедливости приводят лишь к усилению конфликта», а вот психиатрам эта задача по зубам: видите ли, «агрессивность (негров, конечно!) словесная, эмоциональная и социальная, относится к инстинктивным (?) проявлениям того же примерно порядка, как и половое влечение».

Что же получается? Фридрикс

сокрушенно поясняет: пока негры были лишены всяких прав и в их гетто господствовал страх, все было тихо-мирно, «потребность (!) в агрессивных проявлениях» была «загнана внутрь». Когда же, как он выражается, «законы постепенно распространили на негра те гарантии — более ощутимые им в психологическом отношении, чем в социальном или материальном,— которые белые издавна считали правами, от рождения исключительно принадлежавшими им», случилось черт знает что: «Агрессивность негра, поколениями не находившая себе выхода, получила, наконец, возможность излиться в реакции против белых».

Вот как!

Я недавно снова побывал в Соединенных Штатах, за социальной и политической жизнью которых наблюдаю уже четверть века. Снова встречался со многими видными деятелями, принадлежащими к самым различным общественным течениям. Беседовал, естественно, и с белыми и с черными. По правде говоря, писать о расовой проблеме не собирался, зная, как болезненно реагирует средний американец на всякую критику извне в этом вопросе — в конце концов это их внутреннее дело, и рано или поздно они должны будут его решать сами. Но нелепые бредни журнала «Америка», обращенные к советскому читателю, вынуждают меня взяться за эту тему, чтобы поставить вещи на свои места.

И уж коль скоро речь пойдет о наиболее острых проявлениях борьбы негров за свои права, которые Фридрикс позволяет себе охарактеризовать как «агрессивность», я начну с рассказа о посещении центра этой борьбы — знаменитого ныне негритянского квартала Лос-Анджелеса — Уоттса. Именно там в августе 1965 года произошел страшный взрыв ненависти.

АЛЛЕЯ ПЕПЕЛИЩ

Мы приехали туда серреньким дождливым утром, и, может быть, поэтому зрелище, которое открылось мне и моему спутнику — тихому деликатному мистеру Воглу, служителю религиозной общины «Друзья на службе общества», было особенно унылым и безотрадным.

Негритянские кварталы Лос-Анджелеса, раскинувшиеся на шестидесяти четырех квадратных милях, вообще мрачны. Иной раз, глядя на скопище этих лачуг, невольно забываешь, что ты находишься на территории богатейшей страны мира. Полтора миллиона негров, живущих в районе Лос-Анджелеса, до сих пор остаются париями, людьми отверженной касты среди двенадцати миллионов белых, обитающих здесь, хотя формально они имеют равные права.

Но Уоттс, занимающий какие-нибудь 2,8 квадратные мили, на которых теснятся шестьдесят семь тысяч обездоленных чернокожих людей, занимает особое место даже в этом угрюмом мире. Здесь нет предприятий, где можно было бы получить работу. Здесь нет общественного транспорта; а как добраться без него до заводов, расположенных в сорока—пятидесяти милях отсюда? Здесь давно обветшавшие жилые дома и отвратительные, жалкие школы. Здесь нет сколько-нибудь пристойных культурных центров.

Белые, населявшие этот район в тридцатые годы, давно бежали из Уоттса. Потом начали уезжать черные мужчины, отцы семейств. Оставались матери со многими детьми—десять, двенадцать, пятнадцать голодных ртов у каждой. Около шестидесяти процентов населения жило лишь на нищенские благотворительные пособия. Подростки начинали промышлять воровством. Люди голодали. Страдали. Мучились. Нужна была лишь крохотная искра, чтобы грянул взрыв. И этот взрыв прогремел на весь мир в душную августовскую ночь 1965 года, когда «заурядный» инцидент—грубое обращение полицейского с негром—вызвал стихийный бунт, охвативший все негритянские кварталы Лос-Анджелеса и буквально потрясший Америку.

Здесь все было охвачено пламенем. «Они жгли свои тюрьмы, как те отчаявшиеся во всем рабы Древнего Рима, которые пошли за Спартаком»,— сказал мне один из руководящих деятелей Компартии Америки, негр Джеймс Джексон. И, помедлив, с горечью добавил: «Но у них здесь не нашлось своего Спартака». Шесть дней и шесть ночей, целую неделю, на этих улицах шла стихийная кровавая борьба; против горсточки безумно смелых, презиравших смерть негров—главным образом юношей и подростков,— правительство бросило целую армию полицейских и солдат: двадцать тысяч! В те дни газеты выходили с огромными аншлагами, воспроизводившими тревожные военные сводки с этого необычайного фронта, вдруг открывшегося в самом сердце богатейшего калифорнийского города. И это случилось всего лишь через десять дней после того, как президент Джонсон горделиво сказал, подписывая закон, уточняющий избирательные права негров: «В американском доме нет больше места несправедливости».

Как всегда в таких случаях, «большая пресса» попыталась взвалить ответственность за трагедию Уоттса на самих его обитателей: это они-де, жаждущие крови агрессивные чернокожие люди, виноваты во всем! Но статистика — упрямая вещь: из тридцати шести человек, погибших в Уоттсе, тридцать три были негры; из девятисот раненых почти все были негры; все четыре тысячи арестованных и брошенных в тюрьмы были негры. А репортеры заполняли страницы газет сенсационными описаниями:

— В 4 часа 30 минут утра в воскресенье на углу 59-й улицы и Вермонт-авеню солдат приказал женщине остановиться. Она не остановилась. Солдат открыл огонь из автомата. Когда к ней подошли, увидели, что ее нога перерезана очередью. Это была миссис Лернер Кук, 47 лет, негритянка...

— Солдат убил двух черных мужчин, которые, возможно, были вооружены. Может быть, они были снайперами, а может быть, это были просто любопытные люди...

— Солдат выстрелил в темноту, и навстречу нам вышел окровавленный негр, поднявший руки кверху. Он был ранен...

— Солдат сделал первоклассный выстрел: пуля попала негру в лоб, а вышла через затылок. Негр умер на ступеньках дома. «Это был великолепный выстрел»,— сказал детектив. «Мы убили тут двоих,— сказал кто-то рядом,— и целую кучу поранили...»

— Пули летели во все стороны роем. Четырехлетний Брюс Браун был убит у порога своего дома, его трехлетнего братишку тоже прошила очередь из автомата, но он выжил...

— Мы выиграли битву,— гордо заявил 16 августа 1965 года начальник полиции Лос-Анджелеса.— Если не считать того, что отдельные изолированные бунтовщики продолжают стрелять, мы контролируем сейчас весь город. Это не означает, однако, что не будет новых инцидентов...

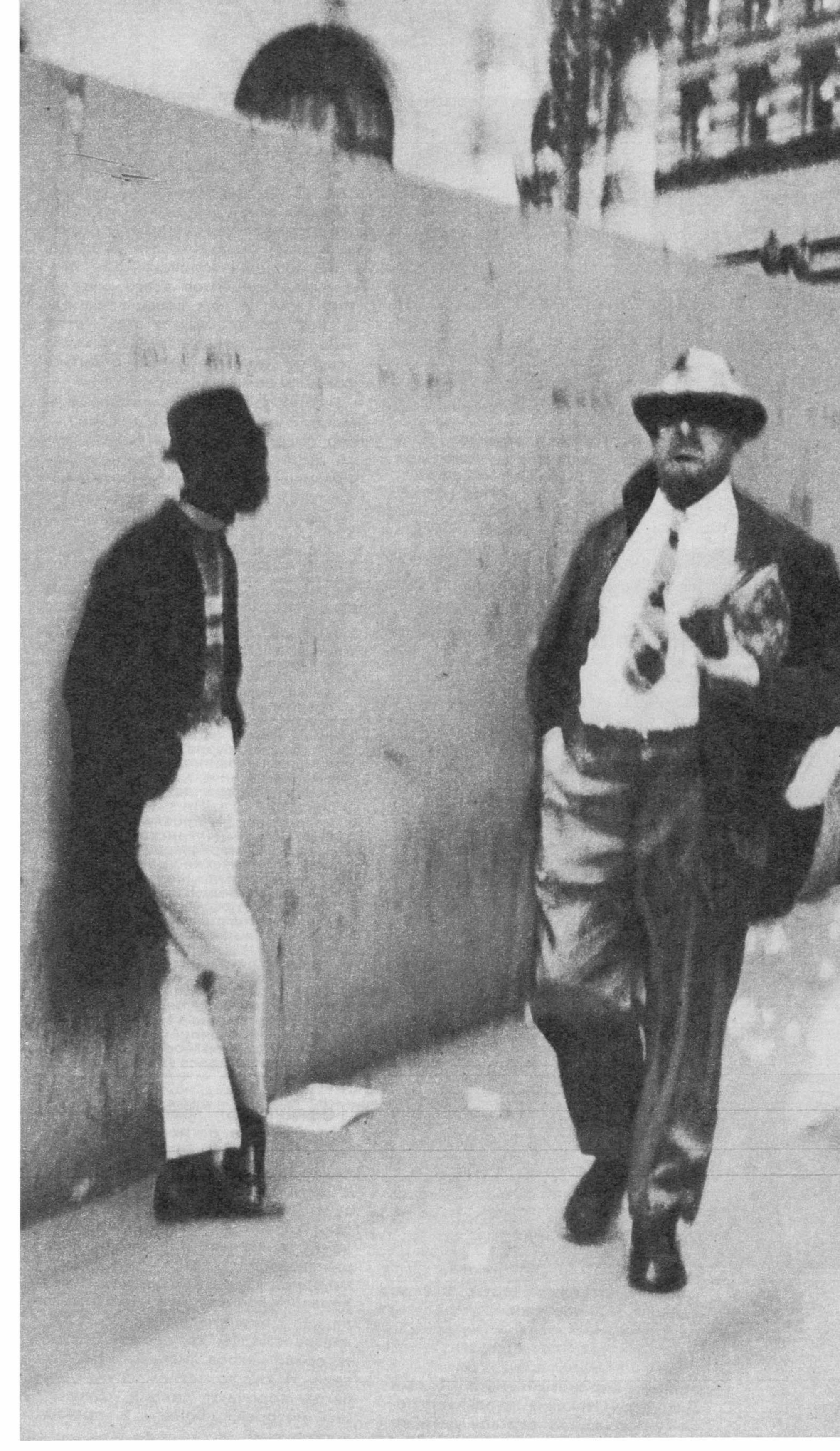
— Песенка спета,— ожесточенно сказал в тот же день специальному корреспонденту парижской газеты «Франс суар» один молодой негр,— песенка спета, но мелодия еще звучит...

* * *

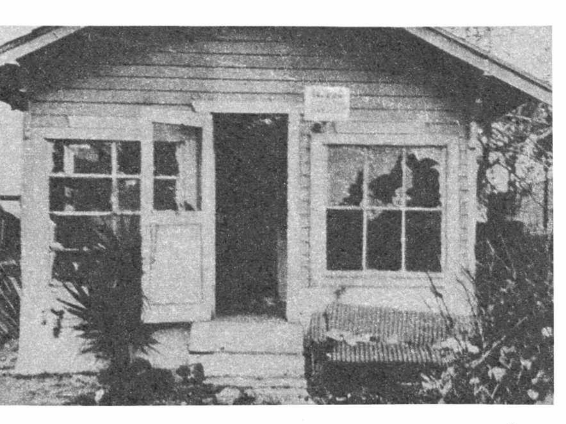
Да, песенка спета, но мелодия еще звучит! Я вспоминаю эти слова сегодня, через три с половиной года после кровавой бойни в Лос-Анджелесе, осторожно ступая по странному полю, вымощенному кафельными плитками, между которыми пробивается буйными прядями сорная трава,— это бывшая 103-я улица, разрушенная и сожженная дочиста в те страшные августовские дни,— тогда в Уоттсе было разрушено 207 домов, сгорело 275, повреждено 192, потерпело ущерб 288. Превратились в руины 14 общественных зданий. И больше всего пострадала именно эта центральная улица — недаром ее зовут сегодня Аллеей пепелищ.

Читатель, быть может, удивится: как же так, неужели столь богатый индустриальный город, каким является Лос-Анджелес, обладающий могучей строительной базой, не смог за три с половиной года восстановить эти разрушенные кварталы, страшным видом своим столь красноречиво напоминающие о самой позорной странице в его истории? Представьте себе, Аллея пепелищ остается Аллеей пепелищ!

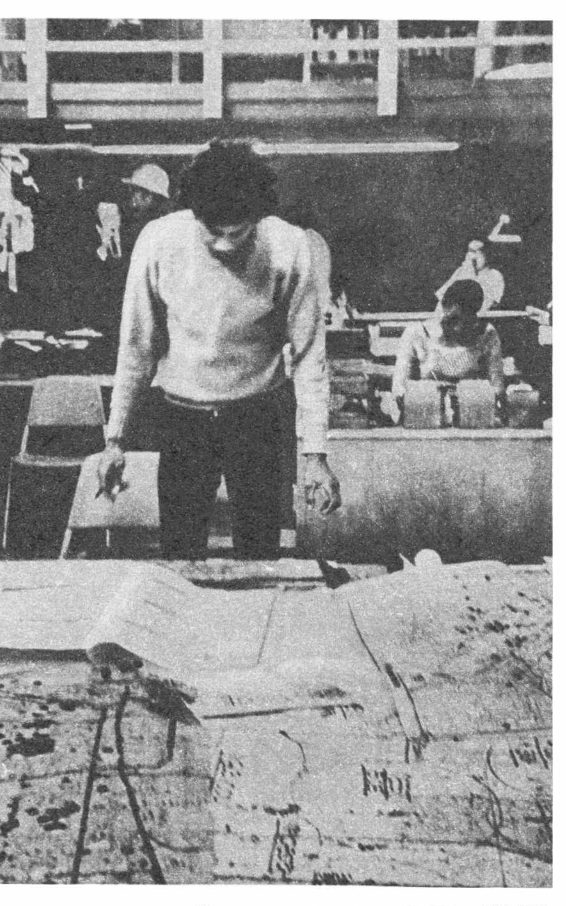
— Тут ничего не произошло с тех пор,— говорит двадцатитрех-

Две Америки.

Закоулки Уоттса изобилуют брошенными домами с выбитыми стеклами.

...Они составляют карты, схемы, чертежи.

летний бородатый негр Томми Джакетт.— Никаких реальных перемен в нашем квартале да и во всех негритянских районах Лос-Анджелеса нет. Хозяева города приняли кучу резолюций. Нас позабавили всякими обследованиями, конференциями. Обещали дать нам профессии, но работу до сих пор найти невозможно. Новых домов никто не строит...

— Я не вижу ничего нового,— откликнулся другой молодой негр, стоящий у парикмахерской.— Погляди вокруг — людям здесь нечего делать!..

— Расисты мстят нам,— сказал мне лидер местного профсоюзного «Комитета действия» чернокожий гигант Тэд Уоткинс, бывший рабочий автомобильного завода Форда.— Они нарочно не восстанавливают сожженных магазинов и не строят здесь ни предприятий, ни домов. За эти три с половиной года в негритянских районах Лос-Анджелеса было восстановлено лишь три магазина, а в нашем Уоттсе — ни одного. Безработица здесь усилилась еще больше, жилищные условия не улучшились, а ухудшились...

То, что я увидел в Уоттсе, типично для негритянских гетто, в которых живут почти все чернокожие граждане Америки, а их ни много ни мало — уже двадцать три миллиона человек — это двенадцать процентов всего населения США. И чем больше говорят и пишут о проблемах этих гетто, тем хуже становится положение тех, кто имел несчастье родиться темнокожим.

— Тут только одна проблема,— сердито заметил Томми Джакетт,— это белая проблема.— И он упрямо повторил: — Если бы не дискриминация со стороны белой, расистской Америки, тут не было бы никаких проблем...

Ну что ж, Томми Джакетт не открыл Америки,— еще в 1963 году почти то же самое, только еще красноречивее, сказал президент Джон Кеннеди, которого немного погодя закопали на Арлингтонском кладбище, предварительно вытащив у него из затылка пулю.

«У негра по сравнению с белым,— сказал Кеннеди,— втрое меньше шансов получить среднее образование, в десять раз меньше шансов заработать 10 тысяч долларов. У него вдвое больше шансов остаться безработным и втрое больше шансов попасть в тюрьму. Продолжительность его жизни в среднем на семь лет меньше, чем у белого...»

Негритянская проблема в США существует уже триста пятьдесят лет. Нынче негр, ежели верить законам, юридически равен белому. Но судите сами, чего стоит это формальное равенство:

только из-за цвета кожи средний заработок негритянской семьи составляет лишь половину (точнее, 54 процента) дохода средней семьи белых американцев;

41 процент негритянских семей в США живет в нищете (у белых лишь 12 процентов, хотя и это немало), но только 14 процентов их получают пособия;

детская смертность в семьях чернокожих вдвое выше, чем у белых.

Официальная пропаганда твердит: спасение негров в руках самих негров, пусть они обогащаются и становятся капиталистами. «Черный капитализм!» — вот лозунг дня. Черный капитализм? Но если хозяином какого-нибудь «дела» (безразлично для ловкой американской статистики — многомиллиардной корпорации вроде «Дженерал моторс» или паршивого ларька с папиросами) в США является каждый сороковой белый, то среди негров лишь один из тысячи. И уж, во всяком случае, не негры ворочают делами «Дженерал моторс», «Боинг» и прочих корпораций...

Что это за цифры? Откуда они взяты? Может быть, редакторы журнала «Америка» скажут, что это красная пропаганда? Нет, они промолчат: я взял приведенные здесь статистические данные из официального доклада, опубликованного Белым домом и воспроизведенного парижской газетой «Монд», которую даже ловкачам из «Америки» не удалось бы изобразить в виде рупора коммунистической пропаганды.

Но вернемся в Уоттс; в конечном счете личные впечатления всегда более убедительны, чем любая статистика, даже почерпнутая из самых авторитетных источников. Покинем же трагическую пустыню Аллеи пепелищ и углубимся в закоулки, изобилующие брошенными, гниющими домами с выбитыми стеклами и заросшими бурьяном подъездами.

Здесь, в самом сердце несчастного Уоттса, вы найдете крохотную избушку на курьих ножках с огромной вывеской «Мастерская городского планирования». Ваш автомобиль въедет в неогороженный, немощеный дворик, разбрызгивая воду в грязных лужах, и остановится у старого сарайчика. На пороге мастерской вас встретит высокий стройный негр в светлой куртке и кепке — Эдгар Гофф. Он один из руководителей этого несколько странного и необычного учреждения. Группа энтузиастов, работая в необычайно трудных условиях, поставила перед собой задачу — попытаться найти какие-то возможности, чтобы вновь вдохнуть жизнь в агонизирующие кварталы лос-анджелесского гетто.

В тесном помещении мастерской негры — архитекторы и экономисты вычерчивают графики, схемы. Стены увешаны плакатами, таблицами, где каждая цифра и каждый знак кричат о неизбывном горе людей с черной кожей. Здесь и карта восстания в августе 1965 года, а рядом на первый взгляд странная схема: на ней показаны 263 созданные после негритянского бунта организации, которым поручалось найти решение неразрешимых проблем Уоттса. Они работают уже несколько лет. Но число проблем в Уоттсе возросло еще больше, и ни одна из них не решается.

— Ничего не сделано,— резко говорит Гофф, махнув рукою в направлении этой схемы.— А ведь им дают немалые средства...

— А как действуете вы?

— Нас здесь тридцать четыре человека. Все мы черные. Я и мой друг Юджин Брукс руководим работой. Никаких субсидий ни от кого не получаем. За счет чего живем? За счет частных заказов. Например, какая-нибудь фирма вдруг заинтересуется расширением рынка, ее представители разыскивают нас и просят дать необходимые фирме данные: какие товары имеют наибольший спрос в гетто, что можно продать нам, неграм, на чем можно заработать. Их интересует в деталях: что мы едим, как одеваемся и все такое прочее. Или, скажем, другая фирма собирается строить дома для негров — за деньги, разумеется, или в кредит. Это не такие дома, как для белых: во-первых, у нас нет денег, чтобы оплачивать большие квартиры с несколькими ванными комнатами и тому подобной роскошью, а во-вторых, мы люди многосемейные, у многих по двенадцать — пятнадцать и больше детей, значит, нужно иметь место хотя бы для двухъярусных нар на всех. Мы проводим обследования, собираем сведения, необходимые заказчику, готовим предложения, проекты. А на заработанные таким путем деньги ведем ту исследовательскую работу, какая интересует нас самих. Ну, скажем, анализируем динамику развития гетто и прикидываем, как, например, сложатся отношения между неграми и белыми к 2000 году, каким будет наше положение в условиях полностью автоматизированного производства и так далее. И еще: хотим прорваться на следующую всемирную выставку, которая состоится в Осаке, с показом положения негров в США, и в частности в Уоттсе...

У этого человека интересная биография: 4 июля 1951 года он, будучи молодым солдатом 24-й дивизии, укомплектованной неграми, был высажен в южнокорейском порту Пусан, временно захваченном американскими войсками. Но уже 1 августа Гофф попал в плен и пробыл в лагере до 1953 года.

— Это было хорошее время,— вспоминает он.— Мы многое там поняли и многому научились. В конце концов хотя мы были на положении военнопленных, но чувствовали себя свободнее, чем дома...

Как ветеран войны, Гофф, вернувшись домой, получил возможность учиться в Калифорнийском университете. Так он стал архитектором. Что дает ему и его друзьям работа в их крохотной мастерской и что дает она Уоттсу? Сознание того, что здесь, в этом крохотном домике, бьется пульс независимой творческой мысли — никто здесь не оскорбляет черных архитекторов, никто ими не помыкает. Но Гофф покривил бы душой, если бы сказал, что их мастерской удается оказывать сколько-нибудь существенное влияние на дела в Уоттсе.

И еще одна встреча — с профсоюзным лидером Тэдом Уоткинсом, о котором я вскользь уже упоминал. Его профсоюзный «Комитет действия» находится в другом, столь же жалком домишке этого гетто. Комитет Уоткинса — также несколько необычная организация: он объединяет членов одиннадцати разных профсоюзов, живущих на территории Уоттса, и цель его — организация в широких масштабах самопомощи.

Уоткинс подарил мне толстый том — самодельную книгу, в которой перечислено все, что было сделано комитетом за последние годы. Один из его помощников показал нам на месте некоторые из достижений комитета. За что только не берутся эти энергичные люди! Они создали свою маленькую автобусную фирму — у них двадцать автобусов,— чтобы доставлять рабочих из Уоттса на заводы, расположенные в 40—50 милях отсюда. Организовали учебный центр, чтобы учить безработных подростков разным ремеслам. Приобрели бензоколонку — теперь там можно покупать бензин со скидкой. Устроили в Уоттсе птицеферму — честное слово, было странновато видеть в самом центре гигантского города-спрута, каким является Лос-Анджелес, хохлатых кур и горластых петухов, которые кукарекали так же точно, как на колхозной птицеферме где-нибудь в рязанской деревне. Отвоевали полосу отчуждения под линией высоковольтных передач и устроили там огороды. Создали в каждом квартале площадку для детских игр. Посадили лесопитомник — молодыми деревцами оттуда будут обсаживать безрадостные улицы Уоттса. Создали школы продленного дня. Воюют за строительство госпиталя — площадка для него уже выделена властями.

Уоткинс производит впечатление очень энергичного человека. Его биография типична для жителей негритянских гетто. Родился в штате Миссисипи; работать начал, когда ему исполнилось семь лет, за два доллара в месяц (в месяц!) ухаживал за собаками на псарне у г-на О'Келли в городе Виксберге — кормил и мыл собак, чистил псарню. В свободное от этой работы время помогал слугам производить уборку в господском доме. Так прошли восемь лет, и за все это время его заработок не повысился ни на один цент. Исполнилось пятнадцать лет — перебрался в Лос-Анджелес. Выполнял любую работу, какая найдется, пока не посчастливилось поступить рабочим на завод Форда в Пико Риверс. Там он стал активным деятелем профсоюза, и вот в марте 1966 года руководитель этого союза Уолтер Рейтер поручил ему создать «Комитет действия» в районе Уоттса...

Хлопот у Уоткинса полон рот. Но вот вопрос: какова эффективность? Сам он твердо верит в свою философию малых дел. Действительно, кое-что комитету удается сделать, и лучше что-нибудь, чем ничего. Но было бы иллюзией думать, что самая самоотверженная деятельность энтузиастов из мастерской Гоффа и «Комитета действия» Уоткинса может спасти жителей гетто от их трагической судьбы и сколько-нибудь существенно улучшить их долю. Все, с кем я ни говорил в Лос-Анджелесе и в других городах Соединенных Штатов, с горечью признавали: положение в гетто не только не улучшается, но, напротив, ухудшается...

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

Виктор ПЕТЕЛИН

1

В последнее время наша проза нечасто радовала своими достижениями. По всему чувствовалось — происходит процесс накопления перед очередным взлетом. Но когда он, взлет?..

И вдруг новость: в «Правде» начали печататься новые главы романа Шолохова «Они сражались за родину». Все мы соскучились по шолоховскому слову. Главы, опубликованные в «Правде», не обманули этой радости ожидания. Настоящая русская проза, глубокая по мыслям, бескомпромиссная по своему гражданскому звучанию, светлая, как родниковая вода, по языку. Шолоховская проза после «Тихого Дона» обретала какое-то новое качество: к стихийной и безбрежной гениальности художника, к его мудрому и зрелому мастерству приобщалась пушкинская ясность и какая-то по-особому звонкая чистота.

Весь свой талант художника отдает Шолохов изображению народа. В то же время нет в современной литературе писателя, который бы с такой силой и мастерством показал **народное как человеческое.** Величие Шолохова в том, что ему удалось показать историческую эпоху становления социалистического общества в нашей стране как эпоху **духовного преображения** простого русского человека из глубинных слоев народа.

Мы давно полюбили «Тихий Дон» с его трагически-прекрасным Григорием Мелеховым, «Поднятую целину» и «Судьбу человека». И вот новые главы «Они сражались за родину», небольшие эпизоды романа. А какие раздумья порождают они...

Велика власть шолоховского слова. Сколько в нем человечности, глубины, лиризма, мудрой простоты! Граждански бесстрашно, прозорливо смотрит художник на мир и на человека.

О войне написано много и еще больше будет написано. Но из всего, что уже создано, резко выделяются шолоховские произведения тех лет, особенно «Наука ненависти», «Судьба человека» и главы романа «Они сражались за родину», опубликованные еще в годы бушевавшей войны,— главы как зерна, уже давшие и еще обещающие богатые всходы. А ведь многое из написанного о том времени другими кануло в Лету: то ли потому, что поверхностно повествовалось о тех событиях, то ли потому, что не о самом главном писалось, то ли потому, что неверно освещались причины временных неудач нашей армии и истоки героических усилий советского народа. А вот читаешь шолоховские произведения о войне, и словно бы могучая рука переносит тебя в те пламенные годы, делает тебя участником грозных исторических событий, заставляя так же думать, чувствовать, страдать — подобно тем людям, которые шаг за шагом двигались к победе. Шолоховские герои становятся столь близкими и дорогими, что невольно переживаешь все, что переживают и они.

В целом ряде мастерски нарисованных характеров Шолохов показывает благородные свойства и качества людей, их нравственную чистоту и духовную мощь. Великий художник глубоко раскрывает истоки такой самоотверженности. Сила ее — в народном патриотизме, который объединил советских людей, сблизил, заставил отбросить все личное и руководствоваться во всех деяниях, помыслах и чувствах необходимостью бескорыстного служения Родине. Перечитываешь ранее опубликованные главы романа, и все время не покидает тебя ощущение радости и уверенности: во всех батальных сценах и поступках главных действующих лиц, в чертах их характеров видится моральное превосходство русского советского солдата, его непревзойденная сила духа, неистребимое человеческое достоинство, национальная честь, никогда не покидающее его чувство юмора. Если в годы войны были опубликованы главы, одна из целей которых заключалась в том, чтобы, как признавался в одном из интервью М. Шолохов, развлечь уставших от войны солдат, влить в них бодрость, уверенность, радость жизни, то сейчас опубликованы главы, в которых даются эпизоды из жизни героев романа накануне войны, главы, заряженные взрывной силой грядущего — трагического и героического, хотя ничто еще не предвещает серьезных испытаний, драматических событий. Пока лишь на мирных баталиях сосредоточивает свое внимание М. Шолохов: Николай Стрельцов тяжко переживает измену жены. Любовь и ненависть к ней крепко переплелись в сердце старшего агронома. «Еле ощутимый поначалу холодок в их отношениях все больше крепчал, становился пугающе привычным. Он входил в жизнь, превращался в неотъемлемую часть ее, и с этим уже ничего нельзя было поделать. У Николая иногда возникало такое, чисто физическое ощущение, будто он длительное время живет в нетопленой комнате, постоянно испытывая непреходящее желание побыть на солнце, погреться»... И в дальнейшем М. Шолохов, глубоко погружаясь в мир интимных переживаний и чувств, многогранно и полно передает внутреннее состояние человека, оказавшегося в столь тяжком положении. Но мир интимных переживаний словно отходит на второй план, как только Николай узнает о скором приезде брата, с которым не виделся уже девять лет. Другие чувства, мысли и заботы начали одолевать Николая Стрельцова. «Без малого четыре с половиной года» пробыл в заключении генерал Александр Семенович Стрельцов, пока не разобрались и не установили его невиновность.

Простой русский человек, Иван Степанович, участник гражданской войны, директор МТС, со всей чистотой и непосредственностью радуется радостью своего товарища по работе. Более того: «приезд твоего брата и для меня праздник. Может, следом за ним и другие, кто зазря страдает, на волю выйдут, а?» Так вот отсюда, снизу, начинает выясняться отношение к создавшемуся положению в стране накануне войны. Здесь и тревога, и наивность, и простота, и трезвое умение дать оценку положению в государстве, и вера в справедливость верховной власти, и многое другое слышится в этих тревожных раздумьях вслух.

Полны глубокого смысла брошенные им слова: «Ты меня весной как-то на собрании принародно попрекнул, что вот, мол, Иван Степанович трусоват, он, мол, робкого десятка, и пережога горючего боится, и начальства побаивается, и всего-то он опасается... Может, ты и прав: трусоват стал за последние годы. А в восемнадцатом году не трусил принимать бой с белыми, имея в магазинной коробке винта одну-единственную обойму патронов! Не робел на деникинских добровольческих офицеров в атаку ходить. Ничего не боялся в тех святых для сердца годах! А теперь пережога горючего боюсь, этого лодыря Ваньку слесаря праведно обматить боюсь, перед начальством трепетаю... Пугливый стал! Но это одесская шпана сделала смешными наши слова: «За что боролись!» Я знаю, за что я боролся!»

М. Шолохов обладает редким даром, умением сочетать серьезное и смешное, мелкое, бытовое и крупное, масштабное. И в опубликованных главах это умение сказывается во всей полноте.

Генерал Стрельцов поначалу раскрывается в общении с маленьким племянником. «Добродушный и веселый», «общительный и простой», «умел старый солдат подобрать ключик к каждому сердцу». Мы понимаем, конечно, что в этих главах только начинается лепка образа, но уже и из этого ясно, насколько интересен, глубок, содержателен генерал Стрельцов, на плечи которого, видимо, лягут тяжкие невзгоды войны и радости побед над врагом. Ведь сколько бы жизнь ни трепала его в прошлом, он остался стойким, нравственно чистым, духовно сильным.

«— До чего же неистребим ты, Александр! Я бы так не мог...

— Порода такая и натура русская. Притом — старый солдат. Кровь из носа, а смейся!..»

В своем монологе Александр Стрельцов много поднимает больных вопросов, острых проблем. Но об этом разговор впереди. Здесь только хочется подчеркнуть, что после знакомства с новыми шолоховскими главами еще более бледнеют некоторые скороспелые произведения, авторы которых с поразительной односторонностью трактовали серьезные проблемы нашего исторического прошлого.

Новые шолоховские главы построены так, что на какие-то мгновения на первый план выдвигается то Иван Степанович, то Александр Стрельцов, то дедушка Сидор — старик овчар, и каждый в меру своих нравственных сил строго и мудро судит о самом главном, основном, решающем в жизни. Три человека — три взгляда на жизнь, и многое после этого становится яснее в отшумевших, но неотболевших сложностях.

В интервью «Огоньку» М. Шолохов пообещал опубликовать в скором времени новые главы: будем с нетерпением ждать их!

Тема войны давно стала одной из центральных в писательском творчестве. Только в журнале «Москва» за последнее время опубликованы такие произведения, как «Зазимок» Михаила Годенко, «Лейтенант Артюхов» Сергея Крутилина, «Северная корона» Олега Смирнова. И это не случайно. Тема войны как подвига всемирно-исторического по своему звучанию приобретает в наши дни исключительное значение в деле патриотического воспитания молодежи. Появилось несколько интересных произведений о революции, гражданской войне, о периоде нэпа и коллективизации. Это романы Кузьмы Горбунова «Меж крутых берегов» и «Петроград» Сергея Малашкина, повесть А. Крутецкого «Проклятые души» («Октябрь», 1968, № 12) и др.

Разные темы, разные проблемы, различные герои. Но все названные выше писатели заинтересованно ведут художественный поиск, в результате которого приоткрываются новые подробности и детали минувшего. На героических примерах прошлого писатели решают проблему воспитания нынешних молодых людей.

2

...Мы много думаем и говорим о нашем молодом современнике, о комсомольском характере, который сформировался за пятьдесят лет, о высокой образованности, возрастающей трудовой и общественно-политической активности, о широком кругозоре и других чертах, отличающих комсомольцев 60-х годов. И с радостью отмечаем, что наш молодой современник свято хранит в своем сердце память о тех, кто своим самоотверженным и героическим трудом возводил нашу социалистическую действительность, кто сознательно шел на лишения, отказывал себе в самом необходимом ради процветания Советской Родины. История борьбы и труда отцов и дедов прочно вошла в духовный мир современной молодежи, сформировала в них очень важную черту нравственного облика — глубокое единство и революционную преемственность поколений. И вполне естественно, что тема Родины, верности патриотическим и революционным традициям, тема героизма на фронтах Великой Отечественной войны, проблемы становления характеров молодых современников являются главнейшими во многих произведениях писателей.

На пятом Всесоюзном совещании молодых писателей шел откровенный, сердечный разговор не только о законах мастерства, но и о волнующих молодежь вопросах — о подвигах, о профессиях, о человечности, о мечте, о совести, о долге, о своих правах и обязанностях. Отрадно было отметить, что в лучших произведениях молодежной прозы и поэзии шел единый в своей цельности разговор с молодым читателем. В разных по своим жанрам и художественному уровню произведениях словно слышатся добрые и сердечные голоса отца, матери, учителей в школе и профессоров в университете, умудренных жизненным опытом героев, являю-

щихся светлым идеалом для подражания. В этом разговоре участвуют люди разных профессий, разных судеб, разных поколений — от маршала, участника гражданской и Великой Отечественной войн, до самых юных, только начинающих свою судьбу.

Пятое совещание молодых писателей открыло и для читателей и для критиков новые талантливые имена. Иван Данилов, Василий Лебедев, Юрий Бородкин, Иван Зубенко, Иван Корнилов — вот далеко не полный перечень прозаиков, выступивших в последнее время со своими первыми книгами, которые заметил и принял читатель. При этом надо иметь в виду, что общий уровень прозы сейчас высок. Попасть в издательские планы с первой книгой становится все труднее; стало почти обычным явлением, что прозаики выходят с первой книгой на суд читателей в тридцать — тридцать пять лет. И чаще всего это уже творчески зрелая книга — и по своей философской основе, и по умению создавать образы людей, и по богатству языка.

«У каждого из нас есть своя одолень-земля, тот уголок, куда мы въявь и мысленно входим с душевным трепетом. Мы приходим туда в минуты радости и в часы раздумий. Там зорче видится, вольнее дышится.

Такой землей для меня является станица на негромкой речке Медведице. Тут я родился, вырос, здесь учился и учусь понимать людей и себя» — этими словами открывается новая книга Ивана Данилова «Февраль — месяц короткий».

В пятнадцать лет герою повести пришлось покинуть родную станицу, но в мыслях своих он никогда не расставался с взрастившей его землей. И когда бывал здесь, особенно осенью, каждый раз его охватывала «непонятная тревога», и сердце сжималось «в беспричинной грусти». Здесь, на этой земле, захоронены его далекие предки, и стоило бы «давно приехать сюда и сходить на кладбище, отыскать затравеневший, раздавленный годами серый бугорок и молча постоять возле него». Может, именно с этого для молодого писателя начинается Родина, малая и большая, с этих серых бугорков, в которых лежат наши предки и вечно будут напоминать нам о тысячелетней истории государства российского.

«Жизнь, сынок, что вода — пробежит, назад не воротишь» — эти слова принадлежат матери Ивана Данилова, они-то и послужили эпиграфом лирической повести. Мудрые и добрые материнские слова, лаской своей согревающие нелегкие судьбы людские. Ее нет среди действующих лиц, но герой все свои поступки и мысли словно бы проверяет материнским отношением ко всему в жизни.

«Я давно заметил, что осенью, когда у земли наступает короткая светлая передышка, человек становится зорче сердцем. Словно осенняя прозрачность вливается в людские души, и хочется тогда и жить чище и делать больше» — вот одна из ключевых мыслей героя повести, от имени которого ведется повествование.

Сюда, в деревню, к своим героям, часто наведывается и молодой прозаик Иван Корнилов. В Саратове вышла первая его книга — «Одно только лето», в издательстве «Молодая гвардия» готовится вторая. Вот о чем идет речь в одном из его рассказов. Шестерых детей вырастил старый Максим Чугринов, а вместе с ним никто не живет, все разбежались из отцовского дома в поисках лучшей доли. С приходом каждого лета родители ожидают приезда детей. Но нечасто радуют они отца и мать. А в это лето Максим Чугринов увидел в старшем — Павле — такие черты, которые огорчили старого крестьянина: полное равнодушие к отцовским заботам. Вот младший, Иван, кандидат наук, а не такой, во все вникает, обо всем расспросит, вместе с отцом пойдет косить, «и хоть косец из него, сказать по правде, никудышный, весело отчего-то с ним Максиму, делится он с ним самым сердечным словом». Оба дороги, оба сыновья, а какая разница в их отношении к жизни. Кое-что здесь еще не договорено, не раскрыто, изображено бегло, без глубоких психологических деталей, но по всему чувствуется, что И. Корнилов готов взяться за глубокие и серьезные проблемы современной жизни.

У Василия Лебедева вышла только первая книга: сборник повестей и рассказов «Маков цвет» (Лениздат, 1969). Но уже сейчас можно говорить о нем как о сложившемся писателе. Его герои попадают в сложные положения. Трагически переживает свой разрыв с Родиной матрос Иван Обручев (повесть «Жизнь прожить»). Мучает его тоска по родному дому, деревне, где родился и вырос, снятся ему родные картины природы. Наконец, Иван не выдерживает и, полный добрых намерений, «без камня за пазухой» идет «безвредным беглецом» к границе родной земли. Другая повесть В. Лебедева о судьбе мальчишки Прони, оставшегося в годы войны круглым сиротой, о той всепокоряющей русской доброте окружающих его людей, которая помогла ему выстоять в голодное время. Особенно удачна Анисья, простая крестьянка. Она не пасует перед трудностями, не растрачивает свою щедрую духовную силу в слезах и стенаниях, а с мудрым достоинством преодолевает их. Единственную жакетку, дорогой подарок дочери, она выменивает на валенки для приемыша Пронюшки. Так и выходила несчастного сироту, вывела в люди. Всю жизнь будет помнить людскую доброту выросший Проня. Не канул он в городе без следа, став «большим» человеком, часто навещает родную деревню. «И хорошо мне, что есть эта земля, вскормившая меня, что вечно живы на ней эти люди, лучшие из которых я хочу, чтобы повторились в нас и после. Я знаю: в любую невзгоду только на них я могу положиться...»

Драматичны судьбы и других героев Василия Лебедева; писатель не проходит мимо мрачного и тяжелого. Но светлое, доброе в жизни и в человеке всегда одерживает победу. Такова философская концепция произведений молодого литератора, чего, к сожалению, нельзя сказать об Алексее Леонове, другом ленинградском прозаике, у которого тоже вышла первая книга — «Яблоки падают». Мрачен колорит этой книги, каким-то безысходным трагизмом окрашены почти все события, поступки, совершаемые действующими лицами. Будто ничего доброго, светлого не встречает повествователь в родной деревне, в городах, где он бывал и работал, и старательно коллекционирует уродства, преступления, несчастья в судьбах человеческих. Неужели не наблюдал А. Леонов счастливой любви, мудрой старости, детских радостей, а видел лишь слезы, обиды, озлобления, ненависть? Жизнь многогранна и противоречива, и истинный художник только тот, кто способен уловить все ее стороны и убедительно передать в ярких художественных образах.

В произведениях молодых прозаиков есть любовь и ненависть, тяжкие переживания и восторженная радость, подвиги и обыденные дела, изображение мужества и приспособленчества, стойкости и бездумных поступков. Их герои относятся, как правило, к той категории людей, которые не терпят бездеятельности. Они стремятся проверить себя в истинных, а не надуманных трудностях. Вот, например, Виктор Якушев («Где твой дом» Вл. Битюкова) по распределению стал работать в конторе и с завистью принимает отчеты от мастеров, трудившихся в жару и в стужу в открытом поле. А о такой работе — смелой, мужественной — мечталось ему самому в годы учебы. В Викторе Якушеве много искренности, страстного желания сделать что-то заметное в жизни, чтобы не стыдно было смотреть людям в глаза. Много трудностей выпадает на его долю, когда ему поручают дело, о котором он мечтал: впервые приходится сталкиваться с подчиненными, принимать важные решения и нести за них ответственность.

В повести есть еще кое-какая нарочитость в наделении персонажей положительными и отрицательными чертами, в изображении динамики событий, есть и иные недостатки, идущие от малого творческого опыта молодого писателя. Но ей и присущи черты, которые всегда подкупают: искренность человеческих переживаний, подлинное знание жизни, глубинное патриотическое чувство, пронизывающее всю повесть.

В названных выше книгах еще нет глубоких и ярких типических характеров. За каждым из героев угадываются реальные прототипы, за каждым изображенным событием, явлением — реальные события, явления. В этом последнем — характерная и многообещающая черта произведений молодых писателей.

Художественное исследование конкретных фактов действительности, верность правде фактов — это только первичная стадия творчества; философское осмысление и обобщение всех накопленных фактов, событий, явлений — разнородных, противоречивых — такова непременная задача, стоящая перед каждым истинным художником слова.

Молодые писатели пока участвуют в очень важном процессе накопления фактов. И. Данилов, Вас. Лебедев, И. Корнилов, Вл. Битюков и другие по крупицам собирают жизненные материалы, тщательно изучают их, взвешивают их на весах своего опыта и художнического видения. Вместе с тем они задумываются о воспитании патриотических чувств, об активной любви к своей Родине, о верности отечественным традициям, творческой преемственности поколений, о бережном отношении к национальным святыням, о неразрывности всей народной культуры. Это и понятно. Только национальная гордость в высоком, ленинском смысле этого слова может служить питательной почвой для воспитания благородного чувства интернационализма; иначе оно может быть подменено космополитизмом.

3

«Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит **критике**, даже сама **критика**», — этими словами В. Белинский начинает свою «Речь о критике», в которой говорится о задачах и целях литературной критики. «Критика всегда соответственна тем явлениям, о которых судит: поэтому она есть сознание действительности». Эти слова Белинского и посейчас выражают нравственные цели любого принципиального критика.

Но всегда ли сегодняшняя литературная критика соответственна тем явлениям, о которых она судит? К сожалению, не всегда и отсюда временами возникновение тех странных дискуссий на страницах отдельных органов печати, которые ни к чему не приводят, то есть не приводят к открытию объективной истины.

Тот, кто прочитал в «Новом мире» хотя бы последние статьи и рецензии Ф. Светова, Г. Березкина, И. Роднянской, Н. Ильиной, М. Злобиной и прочитал рецензируемые ими вещи, не мог не заметить поражающего несоответствия, огромной пропасти, которые образуются между критиком и писателем в результате предвзятого истолкования художественного произведения.

Принято считать, что критик выступает в качестве посредника между писателем и читателем, помогая последнему понять подлинный, объективный смысл художественных произведений.

В современном литературном движении все чаще и чаще стали звучать со страниц различных изданий мысли о том, что у каждого из нас свой Шекспир, свой Достоевский, свой Шолохов. Такое допущение приводит к серьезным теоретическим и практическим ошибкам. Если у каждого свой Гете, свой Булгаков, свой Шолохов, то почему же не может быть своей правды, своей народности, своего понимания коммунистических идеалов, своего понимания совести, долга перед Отечеством, своего толкования подвига и героического в жизни и искусстве. Если пойти по этому пути, то все объективное можно подменить субъективным, произвольным.

К сожалению, в нашей практике такие явления имеют место. Нередко случается, что в различных изданиях одни и те же литературные явления трактуются и оцениваются совершенно по-разному. Чему ж удивляться, если у каждого из рецензентов, критиков может быть свой писатель, свое истолкование того или иного произведения, хотя в итоге порождается произвол в оценках, субъективизм и волюнтаризм в характеристике большого ряда произведений литературы и искусства. За последнее время все реже и реже вспоминают слова Белинского, Добролюбова, Плеханова, Горького об ответственности критика, о его роли в укреплении морально-нравственных устоев человека, в пробуждении усилиями критика патриотических и гражданских мыслей и чувств.

Критик — посредник между книгой и читателем. Вот почему он должен быть человеком высокой нравственности, с высоким чувством гражданской ответственности...

Не так уж давно редакция «Нового мира» в двух статьях — «По случаю юбилея» (1965, № 1) и «От редакции» (1965, № 9) — «высказала свои взгляды на принципы и практику журнальной работы».

А. Твардовский, определяя задачи литературной критики, писал: «Критику, выступающую на страницах нашего журнала, мы хотим видеть лишенной мелочных пристрастий и кружковой ограниченности вкусов, озабоченной существенными интересами литературы и жизни общества. Она призвана вести борьбу за глубокую идейность, реализм, народность художественного творчества, против убогой иллюстративности, конъюнктурной скорописи, формалистического «извития словес» и просто серятины. Наша критика, как и прежде, будет оценивать литературные произведения не по их заглавиям или «номинальному» содержанию, а прежде всего по их верности жизни, идейно-художественной значимости, мастерству, невзирая на лица и не смущаясь нареканиями и обидами, неизбежными в нашем деле».

Прекрасные слова! В этой части своей литературной программы главный редактор «Нового мира» заслуживает полной поддержки. Но, к сожалению, нередко бывает так, что слова остаются только словами, а самые лучшие декларации не осуществляются на деле. Так получилось и со многими статьями в «Новом мире». Нельзя сказать, что в этом журнале нет интересных, высоких по своему профессиональному мастерству литературно-критических статей, рецензий. (Скажем, статья Симона Маркиша «Античность и современность».) Но их не так уж много. А преобладают статьи и рецен-

зии, в которых отчетливо выражены и «мелочные пристрастия» и «кружковая ограниченность вкусов»; а бывает и так, что «просто серятина» высоко возносится на поверхность современного литературного потока.

Вслед за А. Твардовским мы тоже отдаем себе отчет в том, что «журналы издаются не для внутрилитературного потребления, не для «самообслуживания» завзятых знатоков и ценителей, хлеб привевших на этом деле, но в первую очередь для удовлетворения духовных запросов широких читательских кругов». Поэтому серьезно озабочены тем направлением, которое все отчетливее дает себя знать в некоторых публикациях журнала.

Широкие читательские круги «Нового мира» не могли не заметить, что за последнее время в журнале опубликованы интересные повести и рассказы В. Белова, В. Астафьева, Е. Носова, но вот в критике по-прежнему господствуют предвзятость, заушательство, групповые пристрастия. Именно отсюда ошибочные и несправедливые оценки некоторых произведений последнего времени. «Мы убеждены, что читатель ждет от критики,— читаем в редакционной статье «Нового мира» (1965, № 9),— не робкой уклончивости, а внятной громкой поддержки всего яркого, идейно значительного, талантливого, смелого в литературе и бескомпромиссного осуждения любой бездарности и поделки — под чьим бы именем она ни явилась на свет». Эти хорошие слова внушали надежды. Но журнальная практика вот уже в течение нескольких лет не оправдывает предполагаемых надежд.

Обратимся к фактам.

«Книга иллюстративная не только не дает эстетического удовлетворения, она, разрабатывая заранее заданную идею, извращает жизненную правду, тщится оправдать то, что оправдать невозможно, и выдает черное за белое. Причем одно дело, когда нам рассказывают историю о молодом человеке, пляшущем в лесу или оскорбляющем ни в чем не повинную девушку, а другое — когда автор, пользуясь теми же приемами, берется за освещение вопросов истории и политики, затрагивающих жизнь всего народа, всей страны.

Работа в художественной литературе — дело ответственное, предполагающее нравственные цели. Задачи же произведения иллюстративного совсем иные, и роман «Сотворение мира», к сожалению, еще одно подтверждение этой общеизвестной истины» — так Ф. Светов заканчивает свою рецензию на вторую книгу романа В. Закруткина «Сотворение мира» («Новый мир», 1968, № 2). Эта рецензия по своей профессиональной ограниченности и предвзятости может служить эталоном того уровня критики, который, к сожалению, свойствен журналу в настоящее время.

Все дело в том, что В. Закруткин правдиво, без излишнего нажима на теневые стороны реальной действительности 30-х годов, но и не избегая о них разговора в своей целостной художественной картине, ведет повествование о событиях значительных, серьезных. Если бы В. Закруткин рассказал историю «о молодом человеке, пляшущем в лесу или оскорбляющем ни в чем не повинную девушку», если бы писал о малозначимых подробностях деревенской жизни, о мелочах, о драках, о любовных треволнениях молодого человека, столь уничтожающего отзыва могло бы и не быть... Уверен в этом. Но В. Закруткин осмелился «еще и еще раз напомнить о заслугах Сталина», «выдать черное за белое», осмелился взяться «за освещение вопросов истории и политики, затрагивающих жизнь всего народа, всей страны». И этой художнической смелости В. Закруткину не простили в «Новом мире».

Я вовсе не хочу сказать, что вторая книга романа «Сотворение мира» в художественном смысле абсолютно безукоризненна, но сам В. Закруткин и его книга заслуживают честного и доброжелательного разговора.

В. Закруткин особенно ярко пишет о том, что близко ему, что пережил сам, что хорошо знает, знает во всех подробностях и деталях; социальные преобразования в деревне, природа родного края, полевые работы, люди труда, переживания молодости и зрелости — все это в полной мере удается ему выразить в своих произведениях.

Во второй книге больше внимания уделяется старшему сыну Дмитрия Ставрова, Андрею. Учеба, работа на Дальнем Востоке, быстрое возмужание, женитьба — вот эпизоды, в которых раскрывается его беспокойный характер. Одна из главных особенностей Андрея Ставрова — любовь к земле, к деревне, деревенским людям. Об этом много говорилось и в первой книге. А вот рецензент «Нового мира» не «заметил» этого: «Андрей Ставров втягивается в крестьянскую работу, он любит ее, любит землю и поэтому идет в сельскохозяйственный техникум и хорошо там учится. Правда, больше ничем эта его любовь к земле не подтверждается, а только неоднократно декларируется: непосредственно в работе мы Андрея увидеть не успеваем. Он показан главным образом в любви». Вот уж поистине поразительный пример профессиональной близорукости — не заметить таких эпизодов, где Андрей Ставров действительно показан и в работе, и в учебе, и в отношениях с другими!.. Можно спорить с писателем, с его манерой изображения, с его вкусом, с отбором эпизодов, понадобившихся для выявления характера героя, но делать вид, что в романе ничего нет, кроме любовных эпизодов... Поистине за деревьями критик не увидел леса.

В этом отношении интересна и рецензия Г. Березкина на поэму Сергея Смирнова «Свидетельствую сам» (журнал «Москва» № 11, 1967). Несколько неловких, может быть, выражений поглотили все внимание критика «Нового мира», и поначалу кажется, что именно против этого, столь мало занимающего места в поэме рецензент направляет свои критические стрелы. Но только поначалу...

В поэме — биография обыкновенного русского паренька, которого судьба в чем-то обделила и одновременно одарила поэтическим песенным талантом. И вся его жизнь — это преодоление своих недостатков, как доказательство мужества, стойкости, большого дара любить все прекрасное на земле. Лирический герой поэмы не может смириться с одним—он освобожден от воинской повинности, но все время рвется на войну, чтобы вместе со всеми мужчинами защищать свою Отчизну. Если нельзя с оружием в руках, то и перо поэта может активно служить на благо Отечеству. Все испытал, что мог испытать солдат передовой, и ему приходилось «рыть траншеи и готовить пищу, не теряться в трудные часы...» Приходилось видеть, «что такое пепелища и огонь передней полосы». Герой поэмы — всюду, где идет созидательная работа, где нужны люди крепкой кости. Он всегда вместе с народом — работает в шахте, учится в институте, эвакуирует завод, а во время войны — в армейской газете, с концертной бригадой много раз был на передовой, своим поэтическим словом поднимая боевой дух солдат. Вместе со всем народом герой поэмы прошел тяжелый, полный испытаний и героических свершений трудовой путь. Весь народ он славит, отдавая дань восхищения его трудолюбию, самоотверженности, мужеству, бескорыстию. С особой симпатией пишет поэт о колхозном крестьянстве:

Где найдешь подобного
кормильца? —
Вот он, молчалив и крутогруд,
Встал, водой колодезной
умылся,
Поснедал и — вновь за тот же
труд —
Тяжкий, ненормированный,
вечный,
Кое в чем — солдатскому
сродни,
Где плоды — высокочеловечны,
Окромя плодов на трудодни.

С. Смирнов объявляет своими личными врагами «тех, немногих, кто у нас порой — по своей охоте и программе хает мой и наш советский строй», тех, кто, пороча нашу страну, пользуется скандальной известностью по ту сторону баррикад, тех, кто своими действиями формирует «пятую колонну». «И пока смердят сии натуры и зовут на помощь вражью рать, дорогая наша диктатура, не спеши слабеть и отмирать!» — вот гвоздь всей поэтической программы Сергея Смирнова.

Я давний читатель «Нового мира». Ко всему привык — даже к таким статьям, о которых говорил выше. Но когда прочитал статью Наталии Ильиной «Литература и «массовый тираж» (№ 1, 1969), в полном удручении задумался над тем, где же предел необъективности и цинизму новомировских критиков, чем объяснить столь издевательский, снисходительный тон по отношению к чистой, светлой повести В. Матушкина «Любаша», напечатанной в «Роман-газете»?

Горе и страдания великие испытывал наш народ в годы войны. От мала до велика без стенаний и лишних слез встал народ на защиту Отечества. И подвиг Любаши — в ряду тех неисчислимых деяний, незаметных, будничных, которыми люди наши вправе гордиться. И сколько нужно бестактности, духовной черствости, непостижимого озлобления, чтобы вот так, как Н. Ильина, кощунственно иронизировать над мужеством юной девушки, которая переносила вместе со всем народом трудности и лишения.

Создавая образ Любы, В. Матушкин словно бы хотел этим сказать: даже такая молоденькая девчонка, не закаленная житейскими превратностями, сумела понять детским сердцем свою основную гражданскую задачу.

Особенно любопытно то место в статье, где автор не выдерживает тона «объективности» и начинает наставлять писателя, как следовало бы ему писать о Любаше: «Попроще, попроще говорил бы автор о Любаше, это было бы лучше для нее и для нас! Но автор почему-то не говорит просто». И здесь Н. Ильина иронизирует над описанием топки печи. Видно, никогда не приходилось Н. Ильиной топить печь. Или хотя бы наблюдать, как это делается. Нет, это не только «будничное занятие». Это действительно праздник, особенно для детей. И не понять этого — значит не понять всего настроя уходящей в прошлое деревенской жизни и не понять того великого отцовского чувства, которое помогло В. Матушкину создать образ чудесной Любаши.

Уж больно нехитры приемы, которыми пользуется критик «Нового мира». Разыскала две-три небрежных фразы в объемистом романе,— значит и весь роман написан небрежно.

Особенно «убедительно» Н. Ильиной удалось критически обработать роман А. Черкасова «Хмель». Ничего, оказывается, хорошего нет в романе, одни глупости да исторические ошибки и нелепости. Вот так легко и беззаботно перечеркнута большая и серьезная работа писателя.

Одним из главных положительных героев романа «Хмель» является Тимофей Боровиков. Да, в десять лет он взбунтовался, срубил вершину тополя, «в мелкие щепы искромсал икону Благовещенья» и ушел в город. А ведь из-за этой иконы стекались к старому Боровикову единоверцы со всей округи, да не с пустыми руками.

Возвращение Тимофея в Белую Елань — «прибыл по этапу... как политический преступник» — один из центральных эпизодов второй части романа.

Тимофей спокоен. В нем чувствуется сила, выдержка, уверенность в своей правоте. Отца прежде всего интересует вопрос, «кто надоумил его, «несмышленыша», свершить пакостное святотатство в моленной горнице». И сам же отвечает на мучивший его вопрос: «С каторжанином Зыряном про што разговор вел». Догадывался отец, кто посеял в «смышленом парнишке» дух протеста и безверия. Действительно большевик Зырян повинен в том, что Тимофей ушел из родительского дома.

«Жизнь в Белой Елани, как хмель в кустах чернолесья, скрутилась в тугие узлы. Идешь и не продерешься в зарослях родства и староверческих толков и согласий.

В дикотравье поймы Малтата и днем сумеречно. Кусты черемухи, ивняка, топольника заслоняют солнце... Хмелевое витье, перекидываясь с куста на куст, захлестывает, как удавками.

Так и жизнь в Белой Елани. Запуталась, очерствела, шла, как муть в подмытых берегах. Редко кто из приезжих мог прижиться на стороне кержаков-староверов». Вот одна из главных мыслей, которая выявляется в романе А. Черкасова.

Н. Ильина недоумевает: «В восемь лет, значит, читал «Писание», а в десять сжег все, чему поклонялся. Как же совершился этот перелом в душе ребенка?» И тут же сокрушается: «Но процесс превращения тихого отрока в бунтаря, бросившего вызов семье и обществу, остался за кулисами повествования».

Действительно, в романе нет «процесса превращения тихого отрока в бунтаря». Но что ж из этого следует? Разве автор не волен в отборе событий, эпизодов? Волен. И А. Черкасов, не показав «процесса превращения», в то же время нашел достаточно убедительные психологические мотивировки той душевной перемены, которая совершилась в тихом отроке. Бывший каторжник Зырян, «тот самый, про которого в Белой Елани говорят: «Без бога в раю проживает»,— вот кто позаботился о том, чтобы Тимофей Боровиков стал настоящим человеком.

Критик вправе требовать от художника психологических мотивировок каждого поступка, каждого действия своих персонажей. Но какие средства для этого изберет художник — даст ли «процесс превращения» со всеми психологическими подробностями, противоречиями, деталями, или об изменениях в человеке автор расскажет устами других действующих лиц? Это воля автора.

Лаконично и мотивированно говорится в романе о причинах психологического взрыва в душе Тимофея. Видимо, Н. Ильина недостаточно внимательно читала роман. Прежде всего сам Тимофей рассказывает об этом периоде своей жизни: «...Я ушел из тьмы. Просто сбежал. Добрые люди помогли... Заездили бы, если бы не подсказал человек, что делать. Рубанул я тот тополь, а потом иконы пощепал, и был таков. Понимаешь? Туго было первое время в городе. Мастеровой взял к себе в семью, кузнец. От него в люди вышел».

Далее читаем в статье Н. Ильиной следующее: «Началась война. В селе общая растерянность. Не растерян лишь Тимофей, ибо он твердо знает, что надлежит об этой войне думать...»

Действительно, в романе есть слова, которые будто бы подтверждают мысль критика, но в контексте они приобретают несколько иной смысл. Тимофей только что перед этим спас от жестоких побоев Меланью, сноху старого Боровикова. И видел, как после этого Меланья, набожная, покорная, снова готова терпеть измывательства над собой. Темнота, невежество, покорность, терпеливость — вот что возмущало Тимофея Боровикова. «И это тоже называется жизнью?» — спрашивал себя Тимофей, остервенело вонзая трезубые вилы в шуршащее, пересохшее луговое сено. — Ни света, ни радости у них. Кому нужна такая жизнь? И вот еще война! За кого воевать? За такую каторгу? За царя-батюшку? За обжорливых жандармов и чиновников?» И Дарье он говорит, что «за царя и жандармов воевать» не пойдет. А что пропустила Н. Ильина? Всего лишь две строчки. «Какое соображение имеешь насчет войны?» — спрашивает Головня. «Тимофей и сам не ведал, какое он имеет соображение. Война налетела неожиданно». Да и многие большевики оказались в таком же положении.

Вот почему он упоминает в разговоре с Дарьей о письме, которое он ждет из города. «Вот жду, что напишут». Разве это ясность?

Но все-таки ему пришлось пойти на войну. Через несколько месяцев в Белую Елань запрос пришел из жандармского управления — разыскивают Тимофея как «сицилиста». А вот что рассказывает сам Тимофей: «В октябре четырнадцатого меня могли расстрелять военно-полевым судом, а нашелся полковник Толстов, который прервал заседание суда, а через день я был уже в маршевой роте...»

Потом другое: урядник Юсков сообщает своему брату о том, что Тимофей Боровиков получил георгиевский крест «за спасение знамя Сибирской стрелковой дивизии, а так и генерала по фамилии Лопарева, которого Боровиков отбил от немцев... Предписание указует выдать денежную пособию семье Боровикова».

В письме к Зыряну сам Боровиков описывает «про сражения, за которые кресты получил». И только потом о подвигах Тимофея рассказывает полковник Толстов на приеме у своей сестры. Зачем же понадобилось Н. Ильиной сообщать своим читателям заведомо неверные сведения, будто «об этом важном этапе его жизни (о периоде войны. — В. П.) читатель узнает на этот раз из уст не урядника, а полковника, некоего князя Толстова...» «И еще любопытно бы выяснить: за какие доблести наш герой получил остальных «Георгиев», если считать, что за расправу (почему же за расправу? Он застрелил «изменщика» и вывел из окружения свою часть.) с командиром был награжден одним крестом?» Представьте, что автор внял укорам критика и рассказал бы еще о шести подвигах своего героя. Зачем? Получилось бы однообразно и скучно. «Чудеса здесь не кончаются... — продолжает критик. — Мало того, что Боровиков — доблестнейший воин. Он, оказывается, еще и оратор»... Н. Ильина ссылается на рассказ генерала, слушавшего выступление Тимофея, который призывал покончить с войной. И снова критик замечает: «Вот какие убеждения сложились у нашего героя, и складывались эти убеждения опять где-то за кулисами». Да нет же! Только предвзятое отношение к роману А. Черкасова не позволило заметить Н. Ильиной тех эпизодов, где Тимофей довольно отчетливо выявляет свое отношение ко многим принципиальным вопросам своего времени. Тимофей разговаривает с отцом, с Меланьей, Дарьей, Зыряном, Головней, работает в поле, в кузнице, испытывает на себе все ужасы старообрядческого изуверства и фанатизма: отец проклинает его, и кержаки набрасываются на дом Зыряна, где Тимофей хотел укрыться.

Во всех этих эпизодах Тимофей раскрывает свое жизненное кредо: он принадлежит к партии большевиков, и воля партии — это и его воля. Да, он не хотел воевать за царя и жандармов, он вел пропагандистскую работу среди солдат и офицеров, а чуть позднее этого совершал подвиги, получал кресты, получил офицерское звание. Что ж тут удивительного? Так поступали сотни, тысячи большевиков. Это — явление типичное. И об этом уже неоднократно говорилось в русской литературе.

Я взял только несколько эпизодов романа А. Черкасова и сравнил их с тем, как эти же эпизоды выглядят в интерпретации «Нового мира». Недоброжелательно, предвзято истолкованы эти, как и другие, эпизоды романа, извращена суть героев. Вот так на деле выглядит критика «Нового мира», «лишенная мелочных пристрастий и кружковой ограниченности».

«Новый мир» не только, конечно, ругает, но и одобряет. Среди, так сказать, положительных рецензий есть рецензия В. Соколова на сборник рассказов А. Борщаговского «Ноев ковчег». Любопытная рецензия! Об этом сборнике мне хотелось бы поговорить поподробнее.

По первому рассказу «Любовь Петровна...» еще трудно определить творческий замысел литератора. Ну что ж, несчастная любовь. Бывает и такое. Бывает и ложь во спасение. Бывают и обездоленные люди. Но если б только один рассказ. Весь «Ноев ковчег» переполнен вот такими несчастными людьми, сознательно подобранными автором для того, чтобы продемонстрировать, как низок их нравственный, моральный уровень. Ничто возвышенное их не волнует. Жизнь их беспросветна по своей темноте, невежеству, скудости интересов и забот. Давайте просто посмотрим, кем же населен этот «Ноев ковчег». Второсортный журналист Соковнин взялся написать книгу о Сергее Ивановиче Панине, знаменитом изобретателе 30-х годов, решил во всей глубине раскрыть его внутренний мир, со всеми борениями страстей. Для этой цели журналист Соковнин бывает у жены Панина — Любови Петровны, стараясь узнать от нее побольше бытовых подробностей их совместной жизни, узнать покойного Панина как человека — его увлечения, взгляды, отношение к различным вещам и явлениям. Но пришел журналист в дом изобретателя уже с готовой схемой, которая у него, как автора, выработалась. Он надеялся узнать об этом незаурядном изобретателе нечто незаурядное, как и о человеке вообще: ученый должен играть в теннис, у него должны быть руки артиста и много других интересных примет, свойств, увлечений. А на самом деле, вспоминает Любовь Петровна про себя, Панин не играл в теннис, считая эту игру «блажью, пустой тратой времени». Но она промолчала, утвердив журналиста в его предположениях. Лиха беда начало... Чем дальше, тем больше вранья...

Каким предстает Сергей Иванович Панин под пером Борщаговского? Соковнину рисовался гармоничный человек, в котором глубоко проявлялся и великий ум и нежное сердце. Но это не так. Знаменитый Панин «не был ни злым, ни пошлым человеком», автор подчеркивает в Панине озлобленность человека, почувствовавшего, что он уже сделал все, что ему уготовано судьбой, черствость его натуры особенно сказывается на жене. Он любил ее, «но так покойно, так неощутимо, что ей не хватало дыхания, будто ее забросили высоко в разреженный воздух. Она внутренне металась, со страхом открывала в себе панинские черты, его навязчивую рассудительность, его деспотическую логику, его неуместное... спокойствие». Словом, с Паниным она была глубоко несчастна, а сейчас в разговорах с журналистом ей приходится — совершенно непонятно, почему, — лгать, обманывать. Сказать правду ей не хватало мужества. «...и Панина все уступала и уступала Соковнину, помогая ему создавать некий вымышленный, никогда не существовавший образ Сергея Панина». И вот Соковнин опубликовал статью. И Любовь Петровна вдруг поверила в эту ложь. Но дело даже не в этом. А. Борщаговский дает понять, что статья превосходно написана, но издательство, прочитав статью, предупредило его: «Покорнейше просим без лирики».

Итог: вот человек загорелся, написал что-то интересное, а издательские деятели подмяли его, сгубили прекрасный замысел. Да и человека сгубили. Когда он писал, он был «гордым, независимым», ему казалось, что, «если издательские сухари и дуроломы» потребуют от него «убрать плоть, одухотворенность, лирику», «он швырнет им в лицо договор и вернет аванс. А сейчас, когда потребовали издательские «дуроломы» убрать лирику, он сразу покорился, не стал доказывать, сражаться. Покорный, бессильный, старый, ожесточившийся, приспособившийся ко всем злым ударам, которые наносит ему общество в лице этих «дуроломов». Несчастен Соковнин. Несчастна Любовь Петровна. Крушение всех и вся — вот финал этого рассказа.

Подлинным художникам удается в любых подсмотренных у жизни фактах воплотить свои идеалы, создавать при их помощи живых людей, в реальное существование которых веришь, настолько они полны дыханием жизни. Эти художники живописуют факты в полнокровном сцеплении с другими фактами и явлениями, дабы придать им значение обобщения. Другое дело — литератор «средней» руки. Покоренный модой, он станет писать о деревне, поедет куда-нибудь недалеко, поживет какое-то время, привезет оттуда рассказы, повесть, а может, и роман. Вот такую книгу о мещерской деревне привез из творческой командировки литератор А. Борщаговский. Не стоило бы и писать о ней, но вот в том же «Новом мире» эту книжку расхвалили, рекомендовали своим читателям как книгу, в которой автор изображает жизнь «по совести». Посмотрим еще один чисто «деревенский» рассказ этого же автора. Вот рассказ «Без имени». Несчастный случай произошел в деревне: наступив на оголенный провод, погибла кобыла, оставила жеребенка. Только Леша Сапрыкин да профессор-дачник приняли участие в дальнейшей судьбе жеребенка, остальные безжалостны, равнодушны. И это не простой случай. Он понадобился А. Борщаговскому для того, чтобы показать, что люди в деревне жестоки, черствы. Прекраснодушный профессор-дачник высказывает надежду, что жеребенка «нужно выкормить», «это же так просто». «Отчего же не выкормить его? Всем вместе...»

«— На деньги?» — спросил кто-то.

— Поить его молоком... Хлебом. Сахаром.

— Троих пацанов легче профуражить, — строго сказал босой мужик».

Смешная деталь. Профессору все виделось в бело-розовом свете, потому что он был без очков. «Надев очки, профессор увидел жизнь несколько иной, чем минуту назад: более трезво, отчетливо, с той суховатостью и точностью подробностей, которые вызывали и более строгую работу мысли». Кончилось все тем, что люди отвернулись от той беды, которая нависла над жеребенком; профессор, сказавший много слов о «принципах, о сердце», сломленный трезвыми аргументами мещанки-жены, так и не смог пойти в правление и договориться о спасении жеребенка; конюх тоже сочувствует, но это сочувствие равно пассивному состраданию. «Мир погрузился в дремотное, томительное состояние». И при этой дремотности, равнодушии фельдшер Федя разделал и жеребенка, так же как и убитую током кобылу, а жена его продала жене профессора тушу жеребенка на котлеты. Жена профессора уверена, что муж примирится с этим.

Только Леша Сапрыкин выражает положительные идеалы Борщаговского. Он добр, бескорыстен, трудолюбив. Устами конюха автор раз и навсегда определяет судьбу деревенского мальчика Леши: «...вот Леша добился своего, бегал на подхвате, а теперь в должности, ему и плата будет, и открытая дорога, и он по ней пойдет далеко, потому что взялся за свое дело, за то именно, для которого он, Леша Сапрыкин, и родился. Ему теперь жить и жить...» Ни на что другое деревенский мальчик Леша, по мнению А. Борщаговского, и не годится. Вот его предназначение, вот его место в жизни. И ни о чем больше не мечтай, это для других институты, путешествия, космос. А ты знай паси коров и коней, сей и паши. Здесь ты на месте.

Несчастная Люба Ермакова, брошенная заезжим старшиной, осталась с малолетним сыном (рассказ «Ночью»). Несчастен киномеханик Николай, женившийся на нелюбимой, несчастна Катя. Все персонажи этого рассказа несчастны, напуганы, обманывают друг друга.

В рассказе «Ноев ковчег» — того же пещерного уровня люди. Те, кто обманывает, ворует, остаются безнаказанными, добиваются «теплых» местечек; те, кто выдвигается автором в качестве положительных, заняты своими узкокорыстными заботами. По рассказам А. Борщаговского получается так, что деревня населена людьми жестокими, равнодушными к чужой беде, корыстными, эгоистичными. Какая неправда!

В наши дни как никогда остро перед всеми писателями мира возникает вопрос об ответственности перед своим временем. И потому именно в наши дни художник должен быть правдивым, обладать чувством особой ответственности перед народом, перед читателем.

Время властно входит в мир художника, проникает в его философские, эстетические воззрения, формирует его морально-этические взгляды. Каждый художник — сын своего времени. Вместе со всеми он несет груз своей эпохи, попадает в зависимость от своей среды, от своей семьи; он тысячами нитей связан с окружающими его людьми.

Недавно опубликованные главы романа Михаила Шолохова «Они сражались за родину» заставляют любить жизнь в неистощимых ее проявлениях. Молодым писателям, всем, о которых здесь говорилось, и тем, кто еще только начинает пробовать перо, нужно понять самое важное: подлинный литературный успех, народное признание придет к тому, кто с любовью и бескомпромиссной правдивостью поведает о своем времени и своих современниках, кто с глубокой верой расскажет о том, что сейчас происходит на нашей земле. На Пятом Всесоюзном совещании такие писатели были. Время подготовки прошло. Пришла пора дерзаний, пора полной отдачи сил. А для нас, читателей, наступило время больших ожиданий.

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 55.

Я проснулся оттого, что было очень светло и очень холодно. Вскочил с кровати и подбежал к открытому окну. Еще не облетевшие деревья, крыши автомобилей, тротуары, подоконник были покрыты снегом, плотным, тяжелым, как мороженое. И я вдруг с тоской подумал о черных лебедях, которых видел вчера.

Я подошел к зеркалу, посмотрел на свои худые плечи, посиневшую от холода кожу в пупырышках, рваный багровый шрам поперек груди и плюнул от досады. До чего же глупо устроен мир! Ведь красивый человек с самого рождения имеет фóру перед всеми остальными. А вот что делать нам, если, особенно по утрам, противно на себя в зеркало смотреть? Но все-таки я смотрел, наклоняя во все стороны голову. Спасибо, хоть не лысею и не седею. Я вспомнил, что в книжках у следователей почему-то «седеющие виски». Это такой же обязательный атрибут, как две руки, штаны и пистолет. Непременно седеющие виски, на худой конец совсем седые! Вот уж ерунда. Большинство следователей — люди довольно молодые. Самому старому из знакомых мне следователей, Павлу Каргину, сорок два года. И виски у него не «седеющие». Может быть, правда, потому, что он совсем лысый?

Я включил радио, взял из тумбочки электробритву и начал бриться. Диктор радостно вещал: «По сведениям синоптиков, столь раннего сентябрьского снегопада в Риге не наблюдалось последние восемьдесят два года...» Я меланхолически подумал: «Просто это я к вам не приезжал в сентябре уже восемьдесят два года...»

Да, этот проклятый снегопад здорово ломал мои планы. Испуганные холодом курортники хлынут сейчас на юг, и кафе, где поет эта самая Ванда, могут закрыть до весны. Тогда ищи-свищи! Много их, девушек с прекрасным именем Ванда. А мне нужна только одна — красивая, высокая блондинка, сопровождавшая убийцу. Я вожделел к ней сейчас гораздо больше, чем дебошир Иванов в тот злополучный для него вечер.

Я походил по комнате, потом взял справочник и уселся на подоконник. На улице суетливо носились машины, деловито топали прохожие, размешивая снег в жидкую коричневую грязь, и мне было очень жалко этого треклятого снега. Тем более что курортников грязь устраивает не больше, чем снег.

А в справочнике было написано: «Юрмала. По праву снискал этот курортный город славу жемчужины Прибалтики. В великолепных санаториях, прекрасных домах отдыха, комфортабельных гостиницах ежегодно отдыхают десятки тысяч трудящихся. На расстоянии в тридцать километров вытянулись...» Н-да. В этот момент, честно говоря, достижения соцстраха у меня не вызвали восторга. Я бы предпочел, чтобы Юрмала была поменьше. Или хотя бы чтоб Ванда пела в другом месте! Но правила игры не выбирают. Я позвонил Смилдзине:

— Элга, сегодня мы начнем наше турне. Вы готовы?

— Да. Но вот как на работе?

— Я уже договорился с директором ресторана. Право, мне совестно, что вы потеряете несколько в заработке, но нам очень важно найти эту девушку.

Элга сказала неуверенно:

— Хорошо... Я буду вас ждать в шесть часов около университета.

Я сказал торопливо:

— Кроме того, мы очень интересно проведем это время — будем ходить из кафе в кафе, танцевать, пить вино, есть миног и говорить всякие умные вещи. Прямо сладкая жизнь, как в картине Феллини.

Я почувствовал, что она улыбнулась.

— Хорошо... — И гудки отбоя забормотали, застучали в трубке апрельской капелью.

Я надел плащ и направился к двери, но меня остановил телефонный звонок:

— Дежурный горотдела милиции капитан Пельдт. На ваше имя из ленинградского уголовного розыска поступила записка по телефону.

— Прочтите, пожалуйста...

ЗАПИСКА ПО ТЕЛЕФОНУ

Ленинградским уголовным розыском установлен покупатель «Волги» кофейно-белого цвета из Тбилиси.

Это КОСОБ Виктор Михайлович, житель гор. Луги Ленинградской области. Номер «Волги» — ГФ 89-35. На машину Косов предъявил техталон № ГХ 765354 на имя Сабурова Алексея Степановича. Документ направлен на криминалистическую экспертизу. Заключение экспертизы и протокол допроса Косова вышлем авиапочтой.

Оперуполномоченный Ленугрозыска

ЛЕОНИДОВ.

ЛИСТ ДЕЛА 56.

Никогда еще я не был таким настоящим прожигателем жизни. Мы ездили с Элгой Смилдзиней от кафе к кафе, танцевали один-другой танец — чтобы она лучше присмотрелась к певице,— пили кофе, вино, ели угрей, миног и все время весело болтали. И я чувствовал себя настоящим прожигателем, потому что все это — как настоящему прожигателю — было мне утомительно, скучно и я хотел только, чтобы все это скорее закончилось. И боялся, что «веселье» надоест и Элге, и поэтому рассказывал ей бесчисленное множество смешных и грустных историй и оттого уставал еще больше. А во всем остальном это было невероятно «красиво», тем более что мы разъезжали на серой оперативной «Волге». Высший свет — шампанское, анчоусы!

Я рассказывал Элге забавную историю о том, как один вор сделал подкоп под магазин, влез туда, а узкий земляной лаз вдруг обвалился, и он, испугавшись до чертиков, стал звать на помощь сторожа: «Спасите, засыпался!» И думал все время об этом Косове, купившем ворованную «Волгу», и что-то у меня в мозгу не контачило, цепь не замыкалась, что-то не срабатывало.

Элга спросила:

— А вы женаты?

— Да,— сказал я хмуро и почему-то добавил: — Но жена хочет меня бросить.

— Шутите,— засмеялась Элга.— Вы очень забавный человек...

— В том-то и дело,— покачал я головой.— Клоун дома и злодей на службе.

— А вы давно женаты?

— Давно. Восемь лет.

— Ну, тогда все ваши ссоры — пустяки! — уверенно сказала Элга.

— Ра̀зве? — удивился я.

— Люди расходятся после первого года жизни и после семи лет. А кто уже перевалил, те живут. Это точно.

Я пожал плечами:

— Может быть, не знаю. А вы-то откуда это взяли?

— Знаю, и все. Так оно и есть...
Я посмотрел на нее и снова подумал, что она красивая девушка. Потом отвернулся и сказал:
— Вот наконец и певица появилась. Взгляните, не она ли это?
Элга посмотрела на эстраду и покачала головой:
— Нет.
Мы вышли на улицу. Снег уже весь растаял, только грязь хлюпала под ногами и моросил мелкий дождь. Сегодня надо было побывать еще в шести кафе. Рядом с нашей «Волгой» на стоянке стояла точно такого же цвета машина. Я еще присматривался к номеру, отыскивая нашу. И тут в мозгу ослепительно, как магний, полыхнуло: ведь номер «Волги», украденной у Рабаева,— ГХ 34-52. А Косов купил машину ГФ 89-35?..

ТЕЛЕГРАММА

Госавтоинспекция гор. Тбилиси

ПРОШУ ПРОВЕРИТЬ СУДЬБУ АВТОМАШИНЫ ГОРЗНАК ГФ 89-35 тчк РЕЗУЛЬТАТЫ СООБЩИТЕ РИЖСКУЮ ГОРМИЛИЦИЮ тчк

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 57.

И на следующий вечер мы ездили по всем кафе Юрмалы и искали Ванду. У меня был составлен длинный список этих кафе, и я по очереди вычеркивал из него те, где мы побывали.
Когда мы ехали в Дзинтари, Элга сказала:
— А вы не хотите написать своей жене письмо? Знаете, такое, чтоб за душу брало...
Я усмехнулся и покачал головой:
— Я так не умею. Чтобы за душу брало. Да и вообще словами ничего тут не скажешь.
— А вы считаете, что она неправа?
— Нет. Права.
— Значит, вы сами виноваты?
— Нет. В жизни, Элга, все сложнее.
— Ненавижу, когда говорят эти мерзкие взрослые слова: «все сложнее», «не поле перейти», «ты этого не поймешь»...
Я засмеялся:
— А что делать? Действительно, все гораздо сложнее. Я вам постараюсь объяснить это, хотя не уверен, что получится. Моя жена — врач-онколог. Как-то я прочитал ее научную статью и нашел там такие фразы: «выживаемость облученных больных», «полупериод жизни пациентов» — и всякую другую подобную петрушку. Жизнь и смерть в клинике — это в первую очередь работа. Научный поиск, победы, неудачи, методики лечения, диагностика — там все, чтобы через смерть утвердить жизнь. И приходят к ним тяжелобольные, зачастую обреченные люди, которые если не в клинике, то у себя дома все равно умрут. Поэтому там и смерть не такая бессмысленно жестокая, не такая трагичная и нелепая, как та смерть, с которой приходится встречаться мне. Моя работа никому жизни не даст. Я только обязан не допустить смерть.
Я замолчал. Щетки на стекле с тихим стуком разбрасывали брызги, лучи фар шарили по мокрому черному шоссе.
— Ну?..— сказала Элга.
— Вот Наташа и не понимает,— сказал я,— как из-за такой малости можно неделями не бывать дома, приезжать на рассвете и в отпуске бывать только порознь...
— Но ведь это же совсем не мало — сторожить смерть! — тихо сказала Элга.
Я посмотрел на нее и подмигнул:
— Элга, веселее! Своей выспренностью я вверг вас в возвышенно-трагический тон. Я не смерть, я живых стерегу от смерти. Вот какой я стерегущий.
Она долго смотрела в ночь перед собой, потом сказала:
— Бросьте фанфаронить! Вам сейчас совсем не весело, и совсем вы не такой гусар, каким хотите казаться! И вообще все это, наверное, очень трудно...
Я промолчал. Элга сказала:
— А ведь когда-нибудь всех преступников выведут, и вы останетесь без работы. Что будете делать?
— Вступлю в садовый кооператив, выращу сад и буду продавать на рынке яблоки.
Элга засмеялась:
— Но ведь это, наверное, не скоро будет.
— Почему же? Один друг сказал мне как-то: «Мир разумен и добр». А мы шли брать вооруженного бандита. Я часто думаю об этом и все больше убеждаюсь, что он прав, этот мой друг.
Элга упрямо покачала головой:
— Нет, не скоро еще...
— Ну, конечно, не завтра и не через год, но выведут. Вот, обратите внимание: сейчас почти не встретишь рябого человека. А ведь еще недавно засмеяли бы, скажи кто-нибудь, что рябых не будет. А вот нет! Нет оспы, и нет рябых. И преступников не будет...
Мы возвращались в Ригу около двух часов ночи. Не нашли мы Ванду, и завтра надо будет искать вновь. Элга уснула. Она спала, прижавшись ко мне и положив голову на мое плечо, и на поворотах я крутил руль осторожно, чтобы не разбудить ее. Около дома Элги, напротив университета, я затормозил, выключил мотор и долго сидел неподвижно, не решаясь ее будить. Потом она открыла глаза и удивленно сказала:
— А я уже дома! — И обернулась ко мне: — Завтра тоже поедем?
— Да. Обязательно.
— Вот и здорово! — сказала она радостно и вышла из машины.
Я завел мотор и ждал, пока она дойдет до парадного. Но на середине тротуара она остановилась, повернула назад и, обогнув капот автомобиля, подошла ко мне. Я опустил стекло, подумав, что она забыла что-то.
— Можно, я вас поцелую? — сказала Элга.
Я растерялся и сказал дурацким каменным голосом:
— Да, конечно, если это надо...
Она тихо засмеялась:
— Конечно, надо...— и поцеловала меня в лоб, в щеки, а потом в нос. И побежала к подъезду.— Спокойной ночи! — крикнула она уже у дверей.
— Спокойной ночи,— сказал я и подумал, что впервые меня целуют свидетели по расследуемому делу.
А утром пришла телеграмма из Тбилиси...

ТЕЛЕГРАММА

ВОЛГА ГФ 89-35 СООБЩЕНИЮ ВЛАДЕЛЬЦА ПЕЛЕВИНА П. М. НАХОДИТСЯ НА КОНСЕРВАЦИИ тчк ПРИ ПРОВЕРКЕ ОБНАРУЖЕНО ХИЩЕНИЕ С МАШИНЫ НОМЕРНОГО ЗНАКА тчк ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ЭТОГО ЗНАКА ИНФОРМИРУИТЕ НАС тчк

ЛИСТ ДЕЛА 58.

Теперь мне стало ясно, как убийца на «Волге», угнанной из Тбилиси, беспрепятственно проехал три тысячи километров до Ленинграда. Просто он на нее поставил номер, который украл с другой машины, стоящей на консервации, о чем ее хозяин узнал только вчера. И где-то успел перекрасить низ «Волги» в белый цвет. А пока он преспокойно ехал в кофейно-белой машине под номером ГФ 89-35, милиция искала кофейную «Волгу» номер ГХ 34-52.
Вот известные мне точки его маршрута: Тбилиси — Ленинград — Москва — Крым. Потом в моих сведениях провал, и Бандит появляется в Риге. И снова тьма. Чтобы ее рассеять, нужно найти Ванду. Во что бы то ни стало. Других выходов на него нет.
И мы снова поехали с Элгой на взморье. Снова эти осточертевшие мне прекрасные уютные кафе, каких ни в Москве, ни в Крыму не бывает. Снова дождь и мокрое, дымящееся холодным паром шоссе — от одного до следующего кафе. Элга весь вечер молчала и около Кемери часов в десять спросила:
— А вы любите свою жену?
Я не знал, как ответить, потому что был уверен: Наташу я люблю. Элга спросила:
— Это бестактный вопрос?
Я пожал плечами:
— Почему же? Люблю.
Она помолчала, потом твердо, как о чем-то нами давно оговоренном и решенном, сказала:
— Давайте заедем сейчас на почту и напишем ей письмо. Вместе.
— И подпишемся вместе? — усмехнулся я.
— Нет. Подпишете вы один. Да можно и вообще не подписывать. Просто письмо надо написать так, как никто бы ей, кроме вас, не написал.
— Так вы же предлагаете вместе писать?
Элга заметила, что я улыбаюсь, и строго сказала:
— Я буду караулить вас. Чтобы не передумали.
— Но я ведь так писать не умею. Я ведь больше по протоколам специалист.
— Этого уметь нельзя,— сказала Элга и сжала маленькие кулачки.— Кто умеет так писать, тот этого не сможет! Понимаете? Чувства иногда придумывают, но они тогда чахлые, неживые. Понимаете!
Я кивнул.
— Вы и о любви ничего не пишите. Не надо о любви вслух говорить. Вы напишите о чем-нибудь таком, чтобы она сразу вспомнила все... самое светлое...
Я вздохнул.
— Об этом и говорить-то трудно, а уж написать!..
Она грустно сказала:
— Беда в том, что мужчины мало знают о настоящей нежности.
— Чего-о?
— Я говорю, что женщинам очень нужна настоящая мужская нежность.
Ох, какой же я кретин! Вечно встреваю в разговоры, из которых сам не знаю, как выпутаться. Да и толку от них мало, от этих разговоров. Поэтому я уже приготовился отпустить какую-нибудь банальную шуточку, чтобы взорвать этот серьезный разговор изнутри. Но Элга сказала:
— Вы только не подумайте, что я за розовые слюни. Или когда мужики каждой встречной юбке — «сю-сю-сю, кисонька и лапочка». Слышите — не думайте!
— Не буду думать,— сказал я серьезно и подумал, что у женщин какое-то поразительное чутье: они точно знают, каким мужчинам когда можно начать приказывать. Мне обычно женщины начинают давать указания на второй день.
Элга вдруг неожиданно, легко и быстро провела ладонью по моему рукаву и сказала тихо:
— Не думайте обо мне плохо. Никогда. У меня трудная работа.
Я сказал противным сытым голосом:
— Еще бы! Целый день побегай с подносами!
Она нервно дернула головой:
— Да нет! Я не об этом! В ресторане ведь не только едят, но и пьют. А напившись, пытаются вольничать...
Я подумал, какое неуклюжее и плохое слово — «вольничать».
— Мне кажется, Элга, что с вами не очень-то много повольничаешь. Вмиг получишь по лапам.
Она сказала сквозь зубы:
— Случается. Но это противно...
— Послушайте, Элга, а почему вы не займетесь какой-нибудь другой работой?
— У меня мама и две младшие сестрички. А я зарабатываю почти сто пятьдесят рублей. Это же ведь не мало?
— Конечно, не мало,— сказал я неуверенно.
Она снова долго молчала, разглядывая мелькающие за окном фонари, потом сказала, не заботясь о связи с предыдущим:
— Поэтому я знаю, какой должна быть настоящая нежность...
— Какой?
— Как первый лед на ручье — прозрачной, хрупкой. Чтобы никто не смел лапами...
И я сильно испугался, что мог сказать тогда шуточку. Испугался так, будто уронил и поймал у самой земли любимую елочную игрушку.
Элга сказала:
— Если любишь человека, то хоть изредка испытываешь к нему такое щемящее чувство нежности, будто он маленький беспомощный ребенок. Твой собственный ребенок. И уже сильнее этой нежности не может быть ничего на свете.
— Да, не может,— сказал я и удивился, что мне это не приходило в голову раньше.
— Вот вспомните об этой минуте нежности и напишите жене, и она все поймет тогда.

...О чем я мог написать Наташе? Как мы слушали «Прощальную симфонию» Гайдна? Гасли свечи на пюпитрах, уходили, закончив партию, музыканты, и ласковость виолончелей утешала печаль скрипок, и тогда был слышен шум близкого прибоя, а я, закрыв глаза, сидел рядом с ней, и держал ее руку в своей, и мечтал, чтобы музыканты сошли с ума, вернулись на сцену, переврали ноты и снова играли, играли до полуночи, до утра, чтобы никогда это не кончилось и не погасла последняя свеча... Или написать ей, как мы шли на рассвете по Сретенке и все было серебряно и сине: и луна, огромная, желтая, как пшеничный каравай, катилась к Самотеке, и тишина звенела далекими курантами? И я сказал осторожно:
— Наталья, а ты не хочешь выйти за меня замуж?
А она весело засмеялась:
— При одном условии: ты сделаешь что-нибудь такое, чего никто больше не сможет.
Я растерянно улыбнулся и грустно сказал:
— Я заурядный человек. Но, знаешь ли, в этом есть и свои прелести.
И тут меня осенила счастливая идея. Окрепшим голосом я возгласил:
— Впрочем, ради тебя я ненадолго готов переквалифицироваться в волшебника. Просто я зажгу воду.
Наталья расхохоталась. Я подошел к большой луже, покрытой густым слоем тополиного пуха, чиркнул спичкой, и весь этот белый летучий ковер вспыхнул. Несколько секунд пламя быстро и яростно лизало лужу. Наталья обняла меня и сказала:
— Придется стать женой заурядного волшебника...
...Я думал обо всем этом, и меня охватило отчаяние: разве можно об этом написать? Элга сказала:
— Вот почта. Давайте остановимся.
Я дал прогазовку и включил третью скорость. Элга сказала:
— Вы делаете ошибку...
И я неожиданно для себя самого закричал:
— Да вам-то что за дело до всего этого? И вообще мы сюда приехали искать Ванду! Да, да! Ванду!
Элга помолчала, потом сказала тихо:
— Простите. Я очень хотела...— и замолчала.

А через десять минут в Кемери, в кафе «Пяргале», Элга показала мне высокую красивую блондинку:
— Вот Ванда...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Ванды ЛИННАСТЕ.

...Вопрос. Знаете ли вы Алексея Сабурова?
Ответ. Да, я его знаю.
Вопрос. Где он сейчас?
Ответ. Мне это неизвестно.
Вопрос. Что вы можете о нем сказать?
Ответ. Я его довольно мало знаю. Он инженер, приехал в Ригу по делам из Тбилиси, где живет постоянно.
Вопрос. Как, когда, где вы познакомились с Сабуровым?
Ответ. В течение летнего сезона я выступаю с эстрадными песнями в кафе «Пяргале» в Кемери. Пару недель назад один из посетителей — это был Сабуров — поднес мне роскошный бу-

кет цветов, сказал, что он очарован моим талантом, и пригласил поужинать с ним. Алексей мне понравился, чувствовалось, что это сильный, мужественный и в то же время очень любезный человек. После моего выступления мы поехали в город, поужинали в ресторане, это был отличный вечер. Затем мы стали встречаться каждый день. Сабуров был предупредителен, старался доставить мне максимум удовольствий, был очень щедр, и я охотно проводила с ним время.

Вопрос. Видимо, Сабуров располагал деньгами?

Ответ. Да, и немалыми. Во всяком случае, он не останавливался ни перед какими тратами, вплоть до того, что, когда я выразила желание побывать в Таллине, Алексей нанял такси, и мы ездили на нем туда и обратно. Это, по-видимому, стоило очень дорого. Но Алексей сказал, что он много зарабатывает.

Вопрос. Где жил Сабуров?

Ответ. Алексей сказал, что очень трудно достать номер в гостинице. А у меня отдельная квартирка. Одним словом, мне неудобно было гнать его на улицу, и он остался у меня. И оставался до тех пор, пока вдруг, совершенно неожиданно для меня, исчез.

Вопрос. Как и когда это произошло?

Ответ. Это было в день моей зарплаты. Значит, восемнадцатого сентября. Алексей сказал, что у него какие-то дела в городе, и в Кемери не поехал. Я вернулась домой около полуночи — его еще не было. Позже, когда я стала беспокоиться, я обнаружила, что нет большого коричневого портфеля, в котором находились вещи Алексея. Ни утром, ни на следующий день Алексей не появился, и я поняла, что он меня бросил, уехал без предупреждения. Этот прохвост просто сбежал. Обыкновенный командировочный врун...

Вопрос. Что находилось в портфеле Сабурова?

Ответ. Пара белья, нейлоновая рубашка, несколько пар носков. А в основном всякие железки.

Вопрос. Какие? Постарайтесь поточнее это припомнить.

Ответ. Была какая-то толстая железная трубка, большой железный брусок, целая связка маленьких ключей, баночка с краской... Да, я помню, еще удивилась: в портфеле лежал автомобильный номер.

Вопрос. Какой?

Ответ. Этого я не помню. Кажется, там были буквы «Г» и «Х».

Вопрос. Что еще было в портфеле?

Ответ. Еще был какой-то непонятный прибор, похожий на револьвер, но с большим набалдашником наверху.

Вопрос. Вы могли бы нарисовать этот прибор?

Ответ. Я могу попробовать.

Вопрос. Пожалуйста, изобразите его прямо в протоколе.

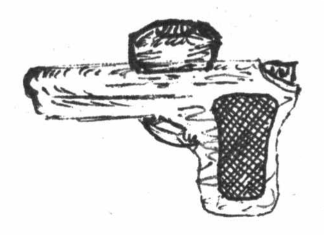

Рисунок прибора, который я видела в портфеле у Алексея Сабурова. Рисунок выполнен мною собственноручно. (В. Линнасте.)

Вопрос. В связи с чем вы осматривали портфель Сабурова?

Ответ. Я его не осматривала. Но, поскольку Алексей жил у меня, я решила его носильные вещи переложить в платяной шкаф. Вот тогда я и видела остальные предметы.

Вопрос. Документы Сабурова вы видели?

Ответ. Я видела у него паспорт, но не рассматривала его.

Вопрос. Не заметили ли вы какихнибудь особенностей в поведении Сабурова, чего-либо показавшегося вам необычным или странным?

Ответ. Может быть, мне это стало казаться в связи с настоящим допросом, но я припоминаю, что у Алексея была привычка вдруг очень резко, неожиданно оглядываться по сторонам. А когда он выпивал, то часто говорил всякие жаргонные словечки, мне непонятные. В остальном он был совершенно нормальным, обычным человеком.

Вопрос. Какие дела были у Сабурова в Риге, с кем он встречался?

Ответ. Делами его я не интересовалась, с кем он встречался, я не знаю.

Вопрос. Была ли у Сабурова какаялибо переписка?

Ответ. Я не видела, чтобы Алексей отправлял кому-либо или получал от кого-либо корреспонденцию.

Вопрос. Вел ли Сабуров с кем-нибудь переговоры по телефону, если да, то с кем и какие?

Ответ. Нет. Алексей ни с кем по телефону не разговаривал и вообще к аппарату не подходил. Впрочем, однажды незадолго до отъезда Алексей говорил по междугородному телефону с каким-то приятелем. Я обратила внимание только на то, что Алексей просил у своего собеседника грибов. Я вспомнила, что засмеялась тогда и переспросила его об этом. Сабуров тоже посмеялся и сказал, что очень любит грибы. Буквально на следующее утро я сбегала на рынок и накупила целую кучу грибов, которые сама приготовила и подала на обед. Алексей был очень доволен.

Вопрос. О каких грибах шла речь по телефону?

Ответ. Я уже точно не помню, какое-то русское название. Я-то купила ему белых грибов.

Вопрос. Я перечислю вам несколько названий грибов, а вы припомните, не было ли среди них тех, о которых говорил Сабуров: подберезовики, подосиновики, волнушки, лисички, маслята, сыроежки, боровики.

Ответ. Вспомнила. Безусловно, маслятки.

Вопрос. Маслята?

Ответ. Да, маслята.

Вопрос. В какое время говорил Сабуров, с каким городом и как он называл собеседника?

Ответ. Разговор состоялся часов в одиннадцать вечера, с каким городом, я не знаю. Собеседника он называл Петей.

Вопрос. О чем был разговор, кроме грибов?

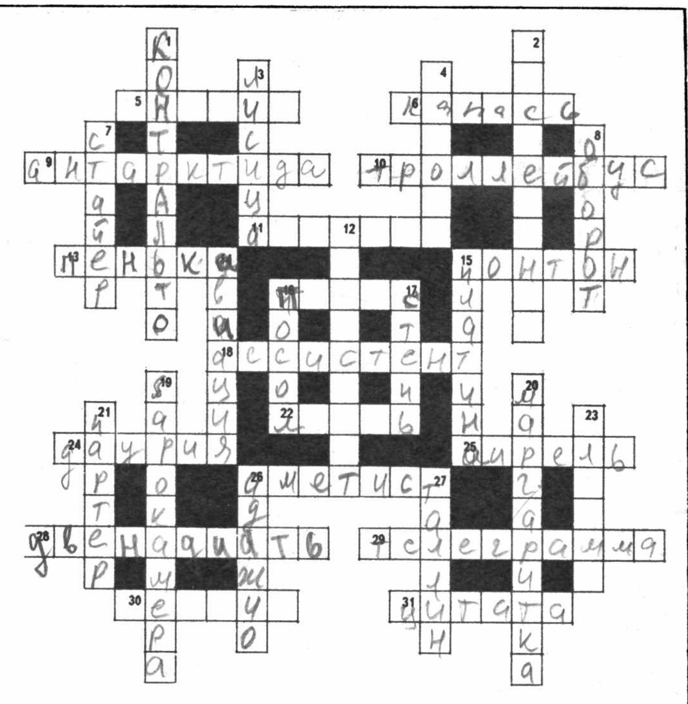
Ответ. Так, о жизни, о здоровье, об охоте. Вообще-то я не очень прислушивалась, я в это время делала прическу.

Протокол мною прочитан, записано верно.

Линнасте.
Допрос произвел СЛЕДОВАТЕЛЬ.

Продолжение следует в № 22.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Литовский поэт. 6. Пресноводная рыба. 9. Материк. 10. Вид городского транспорта. 11. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гаграми. 13. Волокно из стеблей конопли. 15. Судно, служащее плавучей опорой мостов. 16. Приток Амазонки. 18. Помощник профессора. 22. Город во Франции. 24. Роман К. Седых. 25. Месяц года. 26. Полудрагоценный камень. 28. Поэма А. А. Блока. 29. Срочное уведомление, депеша. 30. Первая чемпионка мира по шахматам. 31. Выдержка из текста.

По вертикали: 1. Женский голос. 2. Персонаж пьесы М. Горького «Мещане». 3. Пушной зверь. 4. Сахаристый продукт. 7. Бегун на длинные дистанции. 8. Полный круг, совершаемый при вращении. 12. Вечнозеленое растение. 14. Воздушный флот. 15. Металл. 16. Дипломатический ранг. 17. Повесть А. П. Чехова. 19. Помещение для изучения влияния высотных условий на организм человека. 20. Цветок. 21. Часть зрительного зала. 23. Река в Норвегии. 26. Медленный темп в музыке. 27. Столица союзной республики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 3. Адмирал. 8. Мантисса. 9. Орнамент. 11. Сказуемое. 12. Ковпак. 14. Романс. 16. Водород. 20. Баталист. 21. Таганрог. 23. Коврига. 24. Портал. 26. Оцелот. 27. Абонемент. 28. Молекула. 30. Открытка. 32. Антарес.

По вертикали: 1. Одесса. 2. Закром. 4. Марево. 5. Киоск. 6. Катер. 7. Ананас. 10. Курорт. 13. Амбразура. 15. Ординарец. 16. Василек. 17. Долгота. 18. Карбюратор. 19. Коноплянка. 22. Парсек. 25. Лайка. 26. Отара. 29. Лена. 31. Трек.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

На первой странице обложки: Встреча в Амурском заливе.

Фото Н. Козловского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-1533; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

А 00096. Сдано в набор 29/IV-69 г. Подписано к печ. 13/V-69 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 797. Заказ № 1283.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Новички

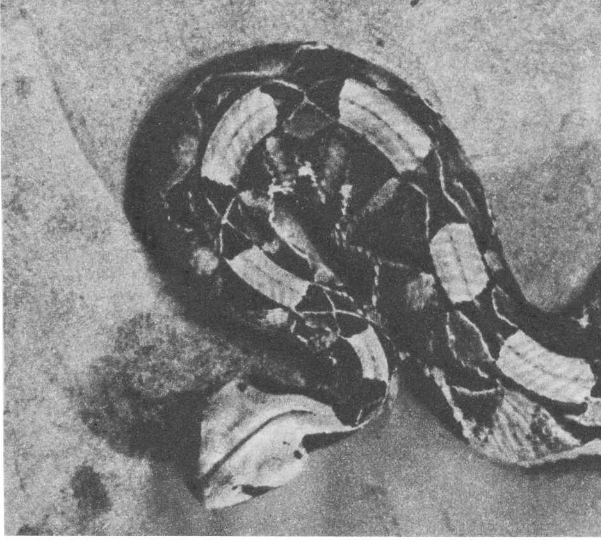
И. СОСНОВСКИЙ
директор Московского зоопарка

Фото А. БОЧИНИНА.

В Московском зоопарке, отметившем свое 105-летие, собрана богатая коллекция диких животных. Она непрерывно пополняется и к весне 1969 года насчитывает более 2 600 экземпляров.

Львенок Цезарь и тигренок Лёнка — подкидыши. Мамы с первых дней отказались их кормить. Малышей спас от голодной смерти рожок с соской, которым нередко приходится пользоваться нашим сотрудникам. Цезарю и Лёнке скоро сравняется год, и молоком они теперь не очень-то интересуются, им подавай антрекот, бифштекс, рагу... Во время обеда к ним лучше не подходи: хотя и невелики еще, но хищники самые настоящие. А когда животики набиты и слюнки не текут, с этими котятами можно и повозиться, в прятки поиграть.

В наших «яслях» — на площадке молодняка — есть удивительные пары, тройки, квартеты и целые ансамбли. Самые маленькие — это обыкновенный козленок и четверть волчонка. Почему «четверть»? Его родители не волки, а гибриды, помесь обыкновенного серого разбойника с собакой лайкой. Поймали их охотники под Красноярском.

Природа наделила эту африканскую змею ядовитыми зубами, голову ее украсила двумя маленькими рожками. Взгляд ее немигающих глаз пристальный, холодный. Толщиной она в руку взрослого человека, длиной чуть больше метра. Кривые ядовитые зубы-сабли способны прокусить толстую кожу, велика и порция яда при укусе. Это випера-носорог, опасное, грозное существо. Хотя многих посетителей зоопарка при виде змеи охватывает страх, они все же подолгу простаивают у смотрового стекла ее террариума. Привлекает изумительная по красоте окраска всего туловища и замысловатый, оригинальный орнамент, образованный крупными чешуйками.

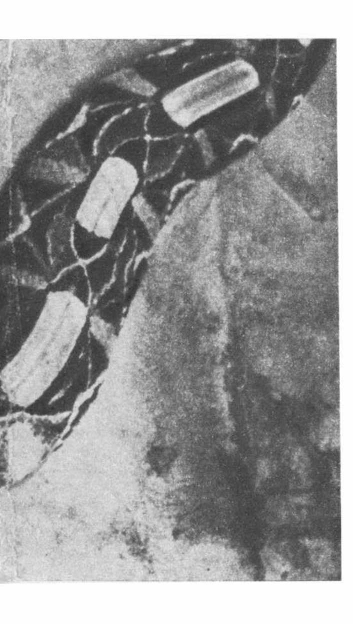
В мире более 800 зоопарков, и лишь в четырнадцати из них содержатся редкие и забавные зверьки — фалангеры, или кистехвостые лисички, или кузу. В Москве они впервые. Попали к нам не с их родины — Австралии и Тасмании, а в качестве подарка из Лондонского зоопарка, с которым мы поддерживаем тесные связи. Кузу живут на деревьях. Днем спят, а ночью ловко бегают и прыгают по ветвям в поисках фруктов, листьев, насекомых и мелких птиц. Размером они с кролика, шубка у них темно-серая, а хвост черный.

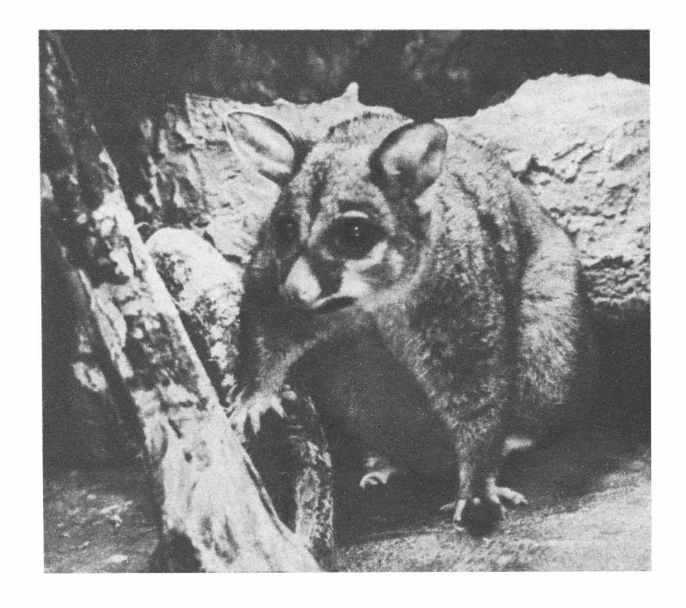
Обычно любители фауны содержат в домашних условиях собак, кошек, птиц и рыб, а вот я в свое время обзавелся домашней жабой-агой, привезенной из Южной Америки. Днем она спала где-либо под диваном или шкафом, а к вечеру появлялась и усаживалась около письменного стола в выжидании ужина. Съест десятка три-четыре червячков, а потом всю ночь путешествует по квартире. Это не всем жильцам было по душе, пришлось жабу отдать в зоопарк. Иногда я навещаю ее, беру в руки, и она вроде помнит меня, не сопротивляется и даже что-то бурчит по-своему. Вес ее почти 500 граммов, но это не предел, подрастет сантиметров до 25—30 и в весе удвоится.

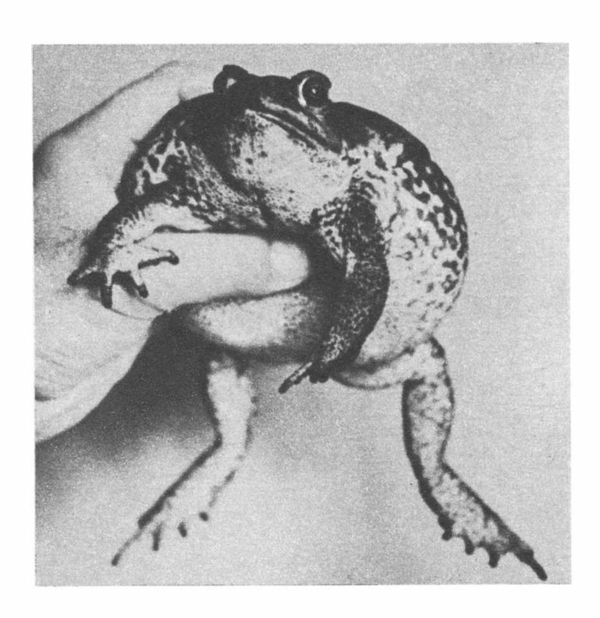
Казуар — крупная лесная птица с Новой Гвинеи, но прилетел он в Москву не на собственных крыльях, их просто нет у казуара, хотя он и относится к пернатым. Нет крыльев, но зато ноги — посмотрите какие длинные и мощные ходули. Эта сухопутная птица быстро передвигается в лесных зарослях — что ни шаг, то метр. Ударом ноги казуар может нанести серьезные ранения.

Не успели мы высадить из транспортных ящиков стаю этих хищников в водоем, как один из них ухитрился вцепиться острыми зубами в руку человека, доставившего этих пиратов из Японии. Однако происхождения они не японского. Пирании — так называются эти рыбы — обитают в пресных водоемах Южной Америки. Величиной они с крупного карася, туловище покрыто мелкой блестящей разноцветной чешуей. Они очень красивы, но и очень опасны, даже для крупных животных и человека.

Киргизия. Традиционная национальная игра «Кызкуумай» («Догони девушку»).
Внизу — участницы ансамбля комузистов Государственной филармонии Киргизии.

Фото В. Сакка.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.